При поддержке:

Одесский национальный морской университет
Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
Украинская государственная академия железнодорожного транспорта
Научно-исследовательский проектно-конструкторский институт морского флота
Институт морехозяйства и предпринимательства
Луганский государственный медицинский университет
Харьковская медицинская академия последипломного образования
Бельцкий Государственный Университет «Алеку Руссо»
Институт водных проблем и мелиорации Национальной академии аграрных наук

Входит в международную наукометрическую базу
РИНЦ SCIENCE INDEX

Международное периодическое научное издание

International periodic scientific journal

SWorld Научные труды

Scientific papers

Выпуск №2 (39), 2015

Issue №2 (39), 2015

Том 13

Философия и филология

Иваново
«Научный мир»
2015

ISSN 2224-0187 (Print)
ISSN 2410-6720 (Online)

УДК 08
ББК 94
Н 347

Главный редактор: ***Маркова Александра Дмитриевна***

Председатель Редакционного совета: ***Шибаев Александр Григорьевич,*** доктор технических наук, профессор, Академик

Научный секретарь Редакционного совета: ***Куприенко Сергей Васильевич,*** кандидат технических наук

Редакционный совет:

Ворожбитова Александра Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Россия

Лыткина Лариса Владимировна, доктор филологических наук, доцент, Россия

Попова Таисия Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Россия

Коваленко Елена Михайловна, доктор философских наук, профессор, Россия

Светлов Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Россия

Майданюк И.З., доктор философских наук, доцент, Украина

Липич Т.И., доктор философских наук, доцент, Россия

Стовпец А.В., кандидат философских наук, доцент, Украина

Стовпец В.Г., кандидат филологических наук, доцент, Украина

Н 347 **Научные** труды SWorld. – Выпуск 2(39). Том 13. – Иваново: Научный мир, 2015 – 96 с.

Журнал предназначается для научных работников, аспирантов, студентов старших курсов, преподавателей, предпринимателей. Выходит 4 раза в год.
The journal is intended for researchers, graduate students, senior students, teachers and entrepreneurs. Published quarterly.

УДК 08
ББК 94

© Коллектив авторов, 2015

Информация для Авторов

Международный научный периодический журнал "Научные труды SWorld" издается с 2005 г. и успел получить большое признание среди отечественных и зарубежных интеллектуалов. Сегодня в журнале публикуются авторы из России, Украины, Молдовы, Казахстана, Беларуси, Чехии, Болгарии, Литвы Польши и других государств.

Основными целями журнала "Научные труды SWorld" являются:

- возрождение интеллектуального и нравственного потенциала;
- помощь молодым ученым в информировании научной общественности об их научных достижениях;
- содействие объединению профессиональных научных сил и формирование нового поколения ученых-специалистов в разных сферах.

Журнал целенаправленно знакомит читателя с оригинальными исследованиями авторов в различных областях науки, лучшими образцами научной публицистики.

Публикации журнала "Научные труды SWorld" предназначены для широкой читательской аудитории – всех тех, кто любит науку. Материалы, публикуемые в журнале, отражают актуальные проблемы и затрагивают интересы всей общественности.

Каждая статья журнала включает обобщающую информацию на английском языке.

Журнал зарегистрирован в РИНЦ SCIENCE INDEX.

Требования к статьям:

1. Статьи должны соответствовать тематическому профилю журнала, отвечать международным стандартам научных публикаций и быть оформленными в соответствии с установленными правилами. Они также должны представлять собой изложение результатов оригинального авторского научного исследования, быть вписанными в контекст отечественных и зарубежных исследований по этой тематике, отражать умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Все тексты должны быть написаны литературным языком, отредактированы и соответствовать научному стилю речи. Некорректность подбора и недостоверность приводимых авторами фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений может стать причиной отклонения присланного материала (в том числе – на этапе регистрации).

3. Все таблицы и рисунки в статье должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Если данные заимствованы из другого источника, на него должна быть дана библиографическая ссылка в виде примечания.

4. Название статьи, ФИО авторов, учебные заведения (кроме основного языка текста) должны быть представлены и на английском языке.

5. Статьи должны сопровождаться аннотацией и ключевыми словами на языке основного текста и обязательно на английском языке. Аннотация должна быть выполнена в форме краткого текста, который раскрывает цель и задачи работы, ее структуру и основные полученные выводы. Аннотация представляет собой самостоятельный аналитический текст и должна давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье. Аннотация на английском (Abstract) должна быть написана грамотным академическим языком.

6. Приветствуется наличие УДК, ББК, а также (для статей по Экономике) код JEL (https://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php)

7. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Зарегистрированные статьи рассматриваются редакцией и при формальном и содержательном соответствии требованиям журнала направляются на экспертное рецензирование, в том числе через открытое обсуждение с помощью веб-ресурса www.sworld.education.

8. В журнале могут быть размещены только ранее неопубликованные материалы.

Положение об этике публикации научных данных и ее нарушениях

Редакция журнала осознает тот факт, что в академическом сообществе достаточно широко распространены случаи нарушения этики публикации научных исследований. В качестве наиболее заметных и вопиющих можно выделить плагиат, направление в журнал ранее опубликованных материалов, незаконное присвоение результатов чужих научных исследований, а также фальсификацию данных. Мы выступаем против подобных практик.

Редакция убеждена в том, что нарушения авторских прав и моральных норм не только неприемлемы с этической точки зрения, но и служат преградой на пути развития научного знания. Потому мы полагаем, что борьба с этими явлениями должна стать целью и результатом совместных усилий наших авторов, редакторов, рецензентов, читателей и всего академического сообщества. Мы призываем всех заинтересованных лиц сотрудничать и участвовать в обмене информацией в целях борьбы с нарушением этики публикации научных исследований.

Со своей стороны редакция готова приложить все усилия к выявлению и пресечению подобных неприемлемых практик. Мы обещаем принимать соответствующие меры, а также обращать пристальное внимание на любую предоставленную нам информацию, которая будет свидетельствовать о неэтичном поведении того или иного автора.

Обнаружение нарушений этики влечет за собой отказ в публикации. Если будет выявлено, что статья содержит откровенную клевету, нарушает законодательство или нормы авторского права, то редакция считает себя обязанной удалить ее с веб-ресурса и из баз цитирования. Подобные крайние меры могут быть применены исключительно при соблюдении максимальной открытости и публичности.

ЦИТ: 215-292
УДК 168.521

Талеева А.И.

ТЕОРИЯ КЛАССИФИКАЦИИ В ПРОБЛЕМЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, набережная Северной Двины 17, 163002

Taleeva A.I.

CLASSIFICATION THEORY WITHIN THE BIOLOGICAL SYSTEMATICS PROBLEM

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk 163002

Аннотация. В данной статье рассматривается принцип двойственности в теории классификации. Дается представление о роли таксономии и мерономии в классификационной системе. Характеризуются реалистические и номиналистические подходы к мерономии. Анализируются взгляды реалистов и номиналистов на проблему определения биологических видов.

Ключевые слова: классификация, таксономия, мерономия, номинализм, реализм, биологическая систематика, биологический вид.

Annotation. Duality principle in classification theory is examined in the article. An idea about the role of taxonomy and meronomy in classification theory is given. Realistic and nominalist approaches to meronomy are characterized. View of a problem of species identification by realists and nominalists are analyzed.

Key words: classification, taxonomy, meronomy, nominalism, realism, biological systematic, species.

Введение. Классификационные методы и процедуры широко применяются в научных исследованиях для решения самых разнообразных познавательных задач. Достаточно строго и точно проведенная классификация одновременно структурирует результаты предшествующего этапа развития конкретной отрасли познания и, вместе с тем, определяет основные направления для ее дальнейшего формирования. Благодаря этому удачно выполненная классификация позволяет предсказывать существование ранее неизвестных объектов исследования и обнаруживать новые связи и зависимости между уже известными. Полем применения классификационных процедур являются объекты практически всех научных дисциплин, а также и само множество наук в целом.

Основной текст..Основополагающим трудом в области развития классификационных теорий стала работа С. Мейена и Ю. Шрейдера «Методологические аспекты теории классификации» (1976), в которой ими был сформулирован принцип двойственности [5].

Согласно данному принципу любая классификационная система имеет две стороны: таксономию и мерономию, которые двойственны по отношению друг к другу.

Таксономия рассматривает любые классификации с точки зрения

структуры выделяемых подмножеств [5]. Таким образом, она является «внешней стороной» классификации, которая описывается стандартными теоретико-множественными отношениями (объединение, пересечение, класс-подкласс и т.п.). Выделение подмножеств и установление между ними различного типа взаимосвязей относится к «экстенсиональному» способу описания классификаций [6]. В таксономии именем таксона будет являться соответствующее ему понятие.

Мереномия предполагает мысленное расчленение объектов соответственно их структуре, в основе которого лежит разделение на признаки (мероны) [5]. Она описывает «внутреннюю сторону» классификации, ее архетип. Под архетипом в данном случае понимается структура частей и внешних связей (меронов), присущая всем объектам данного таксона [6]. То есть, каждому конкретному таксону в классификации может быть поставлен в соответствие некоторый архетип – структура меронов, обнаруживаемая во всех объектах данного таксона и не встречаемая ни в одном другом. Кроме того, мероны могут находиться в разных состояниях (иметь разные модальности). Тогда с каждым мероном в составе архетипа таксона можно сопоставить признак, действующий на этот таксон, одноименный с данным мероном. Значения этого признака будут соответствовать состояниям (модальностям) мерона. Именем архетипа при этом может являться абстрактное понятие. Весь круг вопросов, связанный с описанием структуры архетипа и составляющих его частей относится к мереномии и связывается с «содержанием» (интенсионалом) классификации.

Разница таксономии и мереномии соответствует разнице логических операций классификации и расчленения. По выражению И.П. Шарапова, при классификации мы распределяем объекты «по кучкам», а при расчленении – делим объект на части [7].

Понятие в теории классификации рассматривается как синтез своего объема и содержания. Объем понятия — это таксон, обозначаемый именем этого понятия. Можно говорить о реальном объеме понятия — множестве наличных объектов реального мира и о мыслимом (идеальном) объеме — множестве мыслимых объектов, обозначаемых именем этого понятия. Указать объём понятия, т.е. таксон, означает перечислить входящие в него объекты или таксоны низшего ранга.

Содержание понятия – это некоторая структура (архетип), которая может быть сопоставлена однозначным образом с каждым элементом таксона в классификационном универсуме [5]. Указывая содержание понятия мы перечисляем мероны объекта, описываем его архетип [4]. Увеличение «содержания» понятия подразумевает переход к новому архетипу с увеличением количества меронов, при этом происходит соответствующее уменьшение «объема» понятия и наоборот [6].

Итак, каждому архетипу в мереномии соответствует свой таксон в таксономии. В таксон, соответствующий данному архетипу, входят все мыслимые объекты из классификационного универсума, в которых данный архетип может быть обнаружен регулярным и корректным с определенной

точки зрения методом. Тем самым архетип раскрывает содержание понятия, одноименного с таксоном.

Помимо меронов, как некоторых частей абстрактной структуры в составе архетипа, нужно рассматривать и мероны в конкретных объектах таксона, то есть их реальные части и связи между ними. Благодаря тому, что во всех объектах таксона обнаруживается присущий им архетип, мероны этих объектов можно поставить во взаимно однозначное соответствие друг к другу — биекцию, сохраняющую как отношение часть — целое, так и другие специфичные для архетипа виды теоретико-множественных отношений. Процедура установления соответствия между меронами в структуре архетипа называется гомологизацией, а мероны находящиеся во взаимно однозначном соответствии друг к другу, будут являться гомологами. Гомология, как свойство мереономии, является подтверждением существования общего архетипа для данного таксона.

Возможна и другая точка зрения, когда сначала устанавливается гомология между элементами как некоторое отображение их структуры друг на друга, а затем архетип таксона вводится как инвариант этих отображений. В свою очередь, только возможность установить гомологию между любыми парами объектов, принадлежащих к определенному таксону, придает смысл самому понятию мерона.

В мереономии выделяют реалистический и номиналистический подходы. Реалистический подход направлен на обнаружение общего архетипа, на основе которого в дальнейшем задаются гомологии объектов. При номиналистическом подходе вначале устанавливаются частные гомологии, что дает возможность в последующем на основе абстрагирования перейти к архетипу. Оба этих подхода позволяют говорить о структуре меронов в данном архетипе.

С различиями в реалистическом и номиналистическом подходе к классификации тесно связана проблема выделения универсалий в биологии. Особым родом таких универсалий являются биологические виды. Проблема определения которых состоит в том, что множество отдельных организмов составляет одновременно одну общую группу. С точки зрения реалистической теории биологический вид реально существует и не нуждается в доказательствах. Реалисты рассматривают его как относительную морфо-экологическую стабильность, которая существует как во времени, так и в пространстве. Любой таксон в классификации по их мнению, если он определён верно, реально существует, и в этом отношении биологический вид не является исключением.

С другой стороны, номиналисты утверждают, что вид является отвлечённым понятием, продуктом человеческого мышления. Они отказывают абстрактным объектам в реальном существовании, вследствие чего вид для них не представляет ничего реального. Согласно современным представлениям номиналистов, биологические виды нельзя считать неизменными, а отдельные организмы, при этом, являются скорее их частями, но не элементами. Следовательно, отношение организма и вида более напоминает мереологическое отношение по определению С.И. Лесьневского, которое

отражает связь «часть — целое», а не связь «элемент — множество» в теории множеств [3]. С этой точки зрения множество необходимо рассматривать как некоторую целостность, т.е. физический объект, состоящий из отдельных частей. Сторонники данной номиналистической теории утверждают, что только такое понимание вида соответствует требованиям дарвиновской теории эволюции. Таким образом, проблему тождества видов не может решить тождество отдельных признаков, которые в общем случае могут меняться. Более того, одному виду могут принадлежать организмы, совершенно не похожие друг на друга (например, при половом диморфизме). Следовательно, морфологическое сходство, как и любые другие общие свойства, не являются ни необходимым, ни достаточным условием принадлежности одному виду.

Заключение. Основной смысл принципа двойственности в представлении С. Мейена и Ю. Шрейдера состоит в необходимости учитывать обе стороны классификационной системы: таксономию и мерономию, которые позволяют определить необходимые критерии «хорошей классификации». В том случае если одна из указанных сторон игнорируется, создаваемые классификации являются искусственными, не отражающими реальные взаимосвязи между изучаемыми объектами. Биологическая систематика, с ее определениями вида и другими надвидовыми группами организмов, долгое время строилась исключительно на принципах таксономии. С появлением представлений об изменчивости и эволюции органического мира возникла необходимость в реформировании понятия вид с учетом мерономической стороны классификации. Наличие различных подходов к мерономии (реалистического и номиналистического) затрудняет создание общей концепции вида. Номиналистический подход ставит под сомнение линнеевкое определение вида и в целом возможность его существования. Принятие такой точки зрения приведет к необходимости пересмотрения всей существующей биологической систематики.

Литература:

1. Воленьский Я. Львовско-Варшавская философская школа / Пер. с пол. В. Н. Поруса. – М.: РОССПЭН, 2004. – 472 с.

2. Гоманьков А.В. Идеи С.В. Мейена в теоретической морфологии // Материалы симпозиума, посвящённого памяти Сергея Викторовича Мейена (1935–1987). Москва, 25–26 декабря 2000 г. М.: ГЕОС, 2001. С. 71–76.

3. Лесневский, С. И. Логические рассуждения: I. Опыт обоснования онтологического закона противоречия. II. К анализу экзистенциальных предложений / С. И. Лесневский. – Санкт-Петербург: Тип. А. Смолинского, 1913. – 91 с.

4. Мейен С.В. Основные аспекты типологии организмов // Журн. общ. биол. 1978. Т. 39, № 4. С. 495–508.

5. Мейен С.В., Шрейдор Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С.67-79.

6. Панова Н.С., Шрейдер Ю.А. Принцип двойственности в теории классификации // Научно-техническая информация. Серия 2. 1975, №10. С. 3-

10.

7. Шарапов И.П. Логический анализ некоторых проблем геологии. – М., «Недра», 1977. – 143 с.

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Опенков М.Ю.
Статья отправлена: 13.06.2015 г.
© Талеева А.И.

ЦИТ: 215-148
УДК 009

Михальченков Н.В.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ВЕКСИОЛЛЛОЛОГИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

Смоленский филиал ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ , г. Смоленск, пр. Гагарина,22

Mikhalchenkov N. V.

THE FUNCTIONAL PURPOSE VEXILLOLOGICAL CHARACTERS

Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Smolensk, Gagarina Ave.,22, 214018

Аннотация: В статье рассматривается природа вексиллологических символов как элемента социокультурного пространства. Определяется генезис их функций, а также значение данных символов для современного общества.

The Abstract: The article examines the nature vexillogical characters as an element of socio-cultural space. Determined the Genesis of their functions, as well as the value of the data symbols to modern society.

Ключевые слова: вексиллология, вексиллологические символы, социокультурное пространство, социальная интеграция и коммуникация, социализация.

Keywords: vexillology, vexillological symbols, socio-cultural space, social integration and communication, socialization

Вступление. Выявить значимость государственных вексиллологических символов как элемента социокультурного пространства можно через определение их социокультурных функций. Государственные вексиллологические символы полифункциональны по своей природе. Это объясняется не только их многообразием, но и тесной связью с такими древними культурными феноменами как миф и ритуал [1].

Обзор литературы. Одной из важнейших и явных функций государственных вексиллологических символов является коммуникативная функция. Коммуникативная функция вексиллологических символов заключается в формировании условий и средств для общения между представителями определённых социальных субъектов.

Указанные вексиллологические символы позволяют преодолеть разобщённость представителей коллективного социального тела, так как в действительности они разделены временем, пространством, условиями бытия

или деятельности, а также социальными, возрастными и культурными различиями. Особенно актуально проявляет себя коммуникативная функция государственных вексиллологических символов в экстраординарных условиях переживаемых субъектами, поклоняющимися культу бога-Государства [1]. Примером таких условий могут служить состояния социального организма вызванные внешней угрозой, а также переходным состоянием культуры общества или аномией [2].

Основной текст. В такие периоды общество остро нуждается в символических средствах общения, в том числе и вексиллологических. Данная обусловленность вызвана тем, что государственные вексилллологические символы как невербальные тексты – это проводники определённых психических переживаний и служат для возбуждения определенных чувств, например, чувства патриотизма, что происходит благодаря возникающим ассоциациям связывающим их с историческими фактами оказывающими наибольшее эмоциональное воздействие на реципиента [3].

Тем самым государственные вексиллологические символы как инструменты коммуникации эретируют архаическую составляющую сознания адептов бога – Государства, которая определяется оппозицией «мы – они» [4] и являются проводниками сообщений поддерживающих единство общества, придающих ему идентичность и ощущение цели. Аналогичную роль в архаических обществах выполнял тотем, обеспечивая постоянство и солидарность кланов, являвшихся сегментами, из которых они состояли. Постоянство и солидарность могли покоиться лишь на индивидуальных чувствах, а они для своего действенного проявления требовали коллективного выражения, которое фиксировалось на конкретных объектах представляющих группу [5]. В архаических обществах репрезентирующими его объектами являлись тотемы, а в современных - государственные вексиллологические символы.

Через осуществление функции коммуникации, государственные вексиллологические символы осуществляют и задачу интеграции «вторичных» групп, единство которых невозможно без символических средств для своего выражения [6]. Но такое их функционирование допустимо только, если выполняется следующее условие: наличие более или менее однообразного проявления (символизирования) одних и тех же переживаний взаимодействующими индивидами. Только в данном случае государственные вексиллологические символы могут сплачивать субъектов социальных отношений в рамках государственного образования и давать им чувство идентичности рода, так как правильно и однообразно эксплицируются ими.

Взаимопонимание при экспликации государственных вексиллологических символов невозможно и без вербального сопровождения в устной или письменной форме, так как язык как средство коммуникации способствует объяснению любых других сообщений [7], в том числе и вексиллологических. Именно благодаря этому государственные вексиллологические символы могут выполнять функцию накопления, хранения и передачи норм, ценностей, значений и знаний.

С помощью государственных вексиллологических символов в культурном ядре социальных общностей закрепляются нормы, ценности, значения и знания, в целом социальная информация, особенно та, которая способствует коммуникативным и интеграционным процессам [8;9].

Ассоциативная связь между государственными вексиллологическими символами и мифологическими, а также идеологическими комплексами выступает как гарант устойчивости и выживания этносоциальных общностей. Рассматриваемые символы выступают здесь как инструмент прайминга (пробуждения ассоциаций) [10], они запускают воспоминания вызывающие к жизни те пласты социальной памяти, которые обеспечивают выполнение вышеозначенных функций.

Российский государственный вексиллологический символ наполняет цветовой гештальт [11], который сигнифицирует доминантные для русской государственности ценности. Так красный цвет – цвет монархии выражает то, какой должна быть форма правления, чтобы удовлетворять власть; голубой – цвет богоматери, покровительницы русской православной церкви, то, кокой должна быть религия удовлетворяющая общество и государство; белый – цвет свободы, величия независимости, то состояние, к которому русско – российский мир стремился на протяжении всей своей истории.

Заключение и выводы. В результате проведенного исследования установлено, что, выполняя рассмотренные функции, государственные вексиллологические символы не могут не выполнять и функцию социализации.

В частности, влияние государственных вексиллологических символов на ангажированную обществом подрастающую генерацию возможно на двух имплицитных уровнях - рациональном и иррациональном. Это обусловлено тем, что воспитательное воздействие оказывается как за счёт экспликации вексиллологического символа, так и за счёт его эмоциональной перцепции. В последнем случае флаг выступает как мифологический символ [14] и проявляется во время ритуальных действий. Вышеуказанное двухуровневое воздействие служит для интерриоризации символических кодов социокультурных измерений в качестве основы внутреннего мира будущим участникам социально-коммуникативных структур нации.

Литература:

1. Михальченков Н.В. Из истории флагов России и зарубежных стран. Смоленск, 1997.

2. Сорокин П.А. Система социологии.. М.: Наука, 1993.

3. Дюркгейм Э. Коллективный ритуал/ М.: Аспект Пресс, 1996.

4. Михальченков Н.В. Определение государственного символа в контексте семиотических воззрений П.А. Сорокина. Сборник научных трудов. Смоленск, 2012. – С. 13-18.

5. Леви – Строс К. Тотемизм сегодня// Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994.

6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Изд - во «Наука», 1983.

7. Майерс Д. Социальная психология. – Спб.: Изд - во «Питер», 2000.

8. Михальченков Н.В. Функциональная конгруэнтность тотемов и национальных вексиллологических символов //Сборник научных трудов. Смоленск, 2010. - С. 12-17

9. Михальченков Н.В. Функции государственных вексиллологических символов // Сборник научных трудов. Смоленск, 2008. - С. 24-27

10. Каган М.С. Философская теория ценности. – Спб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.

11. Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации// Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985.

12. Бранский В.П. Искусство и философия. – Калининград: Янтарный сказ, 1999

13. Михальченков Н.В. Происхождение и характеристика колористической символики национально-государственных вексиллологических символов// Сборник научных трудов. Смоленск, 2003. - С. 26-29

14. Лосев А.Ф. Логика символа// Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991.

Статья отправлена: 26.05.2015 г.

© Михальченков Н.В..

ЦИТ: 215-277

Котов Ж. В.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПОДЛИННАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры
Днепропетровск, Чернышевского 24-а, 49094

Kotov J. V.

WHAT IS THE GENUINE PHILOSOPHY?

Dnieper State Academy of Civil Engineering and Architecture
Dnepropetrovsk, Chernyshevskogo 24-and, 49094

Аннотация. В наше время особенно важной и актуальной оказывается проблема точного и ответственного мышления тех, кто профессионально занят «производством мыслей», особенно в сфере осмысления общественных процессов. Если люди мыслят неответственно, неточно при решении производственных проблем, то падают ракеты, а если ту же ситуацию мы имеет относительно тех, кто разрабатывает и предлагает идеи, касающихся сложных и кризисных ситуаций в общественной жизни, то распадаются целые страны, мир захватывают военные конфликты. Поскольку мыслительная культура в общем и целом задается как состоянием и уровнем развития философии, так и ее освоением, постольку актуальной оказывается проблема подлинной философии. Осмыслению важности и сложности данной ситуации как раз и посвящена эта статья

Ключевые слова: диалектика стихийная и диалектика сознательная, материализм стихийный и материализм сознательный, натурфилософия древних греков и диалектический материализм, точность и ответственность мышления

Annotation. Nowadays, the problem of accurate and responsible thinking of those who is professionally engaged in "the production of ideas," especially in the area of comprehension of social processes, is highly important and topical.

If people think irresponsible, inaccurate in solving production problems, then we get "the missiles fall". Additionally, if the same situation we have regarding those people who develops and offers insights regarding the complex and crisis situations in social life, then the whole countries breakup and the world is being captured by military conflicts. Since the culture of thinking is defined by the status and level of philosophy's development in general, and its basis though, the problem of the genuine philosophy is on fire at the same priority. This article is devoted to the understanding the importance and complexity of this situation

Keywords: dialectics and natural conscious dialectics, materialism and natural materialism conscious, natural philosophy of the ancient Greeks and dialectical materialism, accuracy and responsibility of thinking

«Перестаньте думать, что вы думаете.
Начинайте думать»
М.Мамардашвили

Полагаю, что крайне актуальным остается вопрос о философии подлинной, а не мнимой («скверной» Энгельс), о философии «действительно заслуживающей этого названия» (Э. Ильенков). Именно философия ответственна за уровень наличной в обществе мыслительной культуры (ибо наши мысли проявляют, обнаруживают себя не столько в словах, сколько в наших делах), обеспечивая необходимый для данного момента его развития уровень самосознания и самопознания как отдельных индивидов, так и общества в целом, обнаруживая в сложных критических ситуациях готовность общества к самокритике, способность грамотно и ответственно осмысливать сложнейшие проблемы современности.

Если еще в период Советского Союза М.Мамардашвили говорил о «мыслительной неграмотности целой страны», то в наше время впору говорить о «мыслительной неграмотности» всей, занимающей сегодня господствующие позиции, западной цивилизации. Не обнаруживает ли себя как в международной политике в целом, так и в жизни многих стран, озвученный еще В.Черномырдиным принцип: «Хотели как лучше, а получилось как всегда?!».

Подлинная философия всегда «критична и революционна». Критикой и самокритикой в адрес интеллектуалов, в адрес тех, кто профессионально занимается «производством мыслей», проникнута статья Мамардашвили: «Когда мы не мыслим точно, дьявол играет нами». И разве не «играл нами дьявол», когда распадался Союз при Горбачева или Россия при Ельцине, когда отпущенные самой судьбой Украине, наиболее развитой из республики бывшего Союза (в годы советской власти основные финансовые средства страны вкладывались именно в ее развитие), с 1991 года возможности для обретения подлинного благосостояния народа были упущены? И разве не «играет нами дьявол» сегодня, когда вопреки законам Природы западная цивилизация замыкается в общество потребления [см.4], когда утеряв былые

преимущества в цивилизационном развитии, Запад пытается силой удержать свое право на господство, создавая угрозу самоуничтожения общечеловеческой цивилизации в пожарище ядерной войны?

Подлинная философия не только критична и революционна, ибо «на все она видит печать неизбежного падения» (в ситуации исчерпания потенциала прогрессивных возможностей), подлинная философия диалогична. Она не предполагает, что кто-то высказывает абсолютную истину или «с порога» отвергает любую неприемлемую (или непонятную) кому то точку зрения, а напротив, предполагает ситуацию обсуждения в процессе столкновения противоположных и даже взаимоисключающих точек зрения. Поэтому для включения в размышление по поводу поставленной в заглавии статьи проблемы предлагаются к обсуждению три вопроса:

1) «Действительно ли большинство из тех, кто профессионально занят производством мыслей в современном мире не умеют (или не хотят) мыслить точно и ответственно? 2) При каких условиях (обстоятельства) в обществе может открыться возможность для возрождения подлинной культуры мышления? 3) Обращение к каким образцам мыслительной культуры прошлогооткрывает нам возможность понять различие между философией демонстрирующей подлинную культуру мышления, и антифилософскими направлениями в философии как в прошлом, так и в настоящем?

Конкретизируя отмеченную выше проблему, выскажу два интересных для обсуждения, с моей точки зрения, положения.

1. Зародившееся в древнегреческом мире противоборство философско-теоретического мировоззрения (базирующегося на теоретическом интересе к «вещам») и мировоззрения религиозно-мифологического (базирующегося на утилитарно-прагматическом отношении к «вещам») лежит и сегодня в основе различения как философии подлинной, «заслуживающей этого названия», так и философии его не заслуживающей (в свое время Ф.Энгельс в «Диалектике природы» говорил о «приноровленных к духовному уровню филистера плоских размышлениях Шопенгауэра» [5,368].

2. В истории развития человечества можно выделить две вершины в развитии мыслительной культуры, в развитии философско-теоретического мировоззрения. Одна представлена в самом истоке развития философской мысли – у представителей досократической философии (натурфилософы), а вторая представлена в философии Маркса и Энгельса. Если натурфилософия древних являет нам стихийный материализм и стихийную диалектику, то философия Маркса являет нам сознательный материализм и сознательную диалектику. И в том и в другом случае заслугу в утверждении вершин мыслительной культуры неверно относить только к ее выдающимся создателям, ибо это был продукт, итог мыслительной культуры, произведенной «ансамблями свободных индивидуальностей», занятых решением проблемы утверждения «правды нового мира» против «правды старого мира». В первом случае совершался переход от родоплеменной организации общественной жизни к цивилизации рабов и господ (рабовладение, феодализм, капитализм), во-втором и провозглашалась. и утверждалась заря новой жизни, связанной с

переходом от цивилизации рабов и господ к цивилизации свободных людей.

Полагаю, что к числу немногих наших современников, которым удалость, удержать и развить подлинную суть мыслительной культуры Маркса и Энгельса, принадлежит Эвальд Васильевич Ильенков. Задача эта архисложная и архитрудная. Фихте как то заметил, что «каждый готов к освоению той философии, которой он подготовлен жизнью». Так вот, даже М.Мамардашвили, безусловно, чрезвычайно талантливый и творческий человек, к тому же неплохо знакомый с наследием К.Маркса, оказался «не подготовлен жизнью» к творческому освоению марксизма.

В то же время упреки к низком мыслительной уровне культуры, преобладающей в современном обществе, не могут быть отнесены целиком к представителям интеллектуальной деятельности. Подлинная философия может и существовать и развиваться только в условиях подлинно демократической организации общественной жизни, в условиях активного и полноценного участия всех граждан в общественно-политической жизни. Она не может реализовывать себя без критического отношений к действительности, нацеленного на ее улучшение, без возможности свободно высказывать и отстаивать свою точку зрения. Как замечает Э.Ильенков, «религиозно-прагматическое сознание отличается абсолютной несамокритичностью», «для застойно-авторитарных форм жизни такое миропонимание подходит как нельзя лучше - с власть имущими спорить нельзя» [1, 66], и не скрывается за цветистыми фразами о демократии представителей западного общества фактическое господство именно у них «застойно авторитарных форм жизни»?

К.Маркс рассматривает общество как исторически развивающийся целостный организм логика движения, которого включает в себя последовательный переход от системы общественных связей, основанных на отношениях личной зависимости, через систему общественных связей, основанных на отношениях вещной зависимости и личной независимости (наше время), к системе общественных связей, основанных на отношениях свободных индивидуальностей. В то же время он усматривает основную задачу философии в том, чтобы она помогла людям «не выдумывать связи из головы» (что как раз и характерно для религиозно-мифологического мышления многих современных западных интеллектуалов), а «постараться понять действительное движение» с тем, чтобы они, включившись в это движение на основе подлинно теоретического осмысления действительности, смогли встать на стезю утверждения себя в качестве подлинных личностей, не только нуждающихся в настоящей философии, но и способных ее осваивать и развивать, одновременно утверждающих уже сегодня тип общественных связей, основанных на отношениях свободных индивидуальностей.

3. Одним из самых сложных и дискуссионных может быть вопрос о том: есть ли в современном западном обществе философия или ее нет? Полагаю, что Эвальд Васильевич склоняется, скорее всего, к отрицательному ответу на этот вопрос, к убеждению, что философия западному обществу не нужна. Рассматривая проблематику неопозитивизма, он замечает, что «для современной буржуазной философии характерны антифилософские тенденции»

[3, 379]

Обращаю внимание читателя на то, что поставленная мною выше проблема и для меня чрезвычайно сложна. При ее уяснении для себя я, во-первых, обращаюсь к работам Ильенкова (для меня это кладезь мудрости), хотя и осваивать их мне удается крайне фрагментарно, во-вторых, пытаюсь осмыслить некоторые оставшиеся у него в «тени» моменты.

В этой связи попытаюсь, во-первых, несколько уточнить вопрос о «теоретическом интересе к «вещам»: что из себя представляет теоретическое отношение к миру и каков механизм возникновения его развитых форм именно в Древней Греции. Во-вторых, рассмотреть вопрос: почему именно в Древней Греции (именно в Афинах, а не в Спарте) смогла появиться философия столь высокого уровня.

1. Теоретический интерес к вещам в широком смысле этого слова (соответственно и теоретическое отношение) – это стремление понять вещи в независимости от человека, в их объективности (в противоположность утилитарно-прагматическому отношению к миру), в узком смысле теоретическое познания связано с разработкой собственно теоретических систем понимания мира; в одном случае фиксируется факт ориентации на постижение вещей в их объективности, на поиск истины, а во втором акцент сосредотачивается на профессиональной деятельности по производству мыслей.

2. Первоначально отметим, что главное и существенное различие между становящейся философией и религией Ильенков усматривает в том, что для первой характерен теоретический интерес к «вещам», а для второй, исключительно утилитарно-прагматическое отношение. В чем причина такой радикальной смены типов мышления?

Маркс замечает, что в ходе своего исторического развития человек, преобразуя природу в процессе материально-практической деятельности, одновременно преобразует и общественные отношения, развивает самого себя. Родоплеменная организация общественной жизни основана на присваивающей системе хозяйствования. Именно в этих условиях и могла функционировать религиозно-мифологическая картина мира, при которой древний грек в зеленых побегах злаков усматривал милость богини плодородия Деметры, а в удачной торговой сделке – щедрую услугу Гермеса, В данном случае мы видим ту ситуацию, при которой собственные силы и способности человека как родового существа воспринимались как силы и способности некоего иного, чем он, высшего существа. Переход к производящей системе хозяйствования подводил к мысли, что именно от человека зависят как все его успехи, так и неудачи, когда человек начинает видеть в себе творца (ремесленник – демиург, творец). Одновременно в борьбе за выживание в очень сложном и динамичном мире некоторые древнегреческие полисы, в которых и начала развиваться и функционировать философия (в Спарте философии не было), обнаружили себя как сообщества свободных людей (рабовладельческая демократия), где все граждане и в делах, и в мыслях совместно участвовали в решении всех общественных проблем. Именно в этих условиях и возникает

сначала первично теоретическое отношение к действительности (рассматривать «вещи» в их объективности, в процессе поиска истины) – «мыслящее рассмотрение предметов» (уровень «практической философии», по Мамардашвили), а затем и переход к собственно теоретической деятельности, которой заняты профессионалы («философия теорий и систем», по Мамардашвили). При этом все вопросы решали сообща, обсуждая их, предлагая различные точки зрения в условиях диалога, в условиях острого дискурса, когда сталкивались несовпадающие и даже противоположные точки зрения. Именно эта ситуация вынудила обратить внимание не только на мышление о вещах, но и на мышление о самом мышлении, на используемые в процессе обсуждения понятия, на саму категориальную структуру мышления. В условиях демократического обсуждения противоположно высказанных мнений как раз и утверждалась диалектика как «учение о единстве противоположностей».

Эвальд Ильенков, развивая мысли Ф.Энгельса утверждает, что нет и не может быть специфически человеческого (диалектического) мышления там, где нет исследования «самих понятий», где человек рассматривает только «внешний мир», не рефлексируя одновременно по поводу форм собственной деятельности по построению образов внешнего мира». «Акт рождения философии» Ильенков усматривает в той ситуации, когда «процесс мышления становится *сознательным актом*, становится под контроль выявляемых самим же мышлением норм – логических категорий» [1,67]

Размышления Ильенкова подводят к мысли, что в чем-то нам не грех и поучиться у древних греков диалектике. А разве не содержит серьезную смысловую нагрузку как для простых людей, так и для «сильных мира сего» представление, согласно которому «человек обладающий «душой», есть лишь одно из многочисленных существо, населяющих космос, а потому и подчиненное всем его законам, не знающим никаких привилегий и исключений»[1,65]

Полагаю, что при обсуждении вопроса о философии «действительно заслуживающей этого названия» должна быть принята во внимание и точка зрения Эвальда Ильенкова убежденного, что задачей философии является «философский анализ развития современного знания и практики», что «единственным путем развития философии как особой науки остается, поэтому путь диалектического материализма, продолжающего лучшие традиции мировой философии» [3,379]. Говоря об истоках философии Ильенков усматривает действительный материализм древнегреческих мыслителей в том, что они предложили миру материалистическое решение основного вопроса философии, «поняли мышление как способность человека сознательно свои действия в согласии с законами и формами внешнего мира [1, 67]. Говоря о современной философии, он отмечает что именно м*атериалистическая* диалектика вооружает мышление человека «способностью и умением строить объективно-истинный образ окружающего мира, способностью и умением переделывать мир в согласии с объективными тенденциями и закономерностями его собственного развития» [2, 7].

Рекомендую основательно ознакомиться с работами Э.Ильенкова, особое внимание обратив на следующие: «Диалектическая логика», «Идеальное», «Философия и молодость», «Маркс и западный мир». «Об идолах и идеалах», «Что же такое личность?», «Откуда берется ум?», которые есть в интернете на сайте: «Читая Ильенкова».

Литература.

1. Ильенков Э. Античная диалектика как форма мысли, // Философия и культура, с.56-100

2. Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивистов. Москва. Издательство политической литературы, с.174

3. Философия. Философский словарь (под ред. М.М. Розенталя), 2-е изд. Москва, 1968 г. с. 378-379.

4. Фромм Э. Иметь или быть? «Ника-Центр», «Вист-С», Киев 1998 с. 386

5. Энгельс Ф. Диалектика природы. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. т.20

ЦИТ: 215-044
УДК 81’22+160,1

Терентьева Л.Н., Шелестова Е. Н.

«ЦВЕТОМУЗЫКА»: СИНТЕЗ ИЛИ СООТНЕСЕННОСТЬ?

Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова.
Одесса, Дворянская 2, 65082

Terentyeva L.N., Shelestova E.N.

“COLOR MUSIC”: SYNTHESIS OR CORRELATION?

Odessa,I.I Mechnikov national university, Dvoryanskaya str. 2,Odessa, 65082

Аннотация. Феномен «цветомузыки» одесский художник О.Соколов обозначил как «взаимозаменяемость искусств»анализируется в категории Пифагора «Двоица», в категории Аристотеля «соотнесенное-обоюдное» и в категориях двойственного системного моделирования А.Уёмова.

Ключевые слова. Двоица, атрибутивная и реляционная структура, синтез, двоица, соотнесенное-обоюдное, двойственное системное моделирование.

Abstract. The phenomenon of "color music" Odessa artists O.Sokolov designated as "interchangeability arts" category is analyzed in the Pythagorean "Dyad", in the category of Aristotle "mutual-correlated" and in terms of the dual system modeling of A.Uyomov.

Keywords. Dyad, attributive and relational structure, synthesis, duality, mutual-correlated dual system modeling.

«Вы можете созерцать звук в цвете?»

Этот знаменитый вопрос Скрябина может задать человек, который обладает феноменальной способностью восприятия звука в цвете или одновременное восприятие звука и его цветовое оформление. Это удивительное двойственное видение, именуемое «цветным слухом», привело к созданию направления синтетического искусства как «цветомузыка». Возникли её исполнители – «цветомузыканты» и, естественно, возникла потребность к

созданию инструментов для реализации «цветомузыкальных» сочинений.

Известные обладатели «цветного слуха» – композиторы Скрябин, Римский – Корсаков, Лист, Берлиоз и др. воспринимали звуковые волны в цвете. Звуком интересуется музыкант, цветом – художник, что естественно, может возникнуть проблема не только о «цветомузыке», но и о «музыке цвета», или о разнонаправленном синтезе двух чувственных восприятий – звуковых и зрительных, которыми владеют одаренные люди. Но есть еще «слово», которым владеет человек, и «слово» изначально всегда есть абстракция, показатель мыслительного процесса, который порождает, оформляет звуковые и чувственные восприятия, наделяя их смыслом.

Композитор мыслит звуками, он создает некоторую целостность, некоторую завершенность, которую можно понять из замечания Моцарта о «Волшебной флейте»: «Ни одним звуком больше, ни одним меньше». «Художник мыслит картинами»: именно такую оценку художественным произведениям О.А. Соколова дал доктор философских наук Ю. Скроцкий в статье «Веха. Об искусстве Олега Соколова» [1.] Ю. Скроцкий отмечает, что «в пространстве Соколова нет ни одним штрихом меньше, ни больше. О. Соколов так мог бы сказать о своих картинах, подобно Моцарту о «Волшебной флейте»: «Ни одним штрихом больше, ни одним меньше».

Это означает, что создается некоторая музыкальная или минимальная художественная целостность, что на языке системно-параметрического метода А.И. Уемова обозначается системными параметрами или системными свойствами: завершенная, минимальная система. [2,с. 167–169.] Примером завершенной и минимальной системы могут служить не только «Волшебная флейта» Моцарта, не только «Полет шмеля» О. Соколова, но и графические изображения квадрата, треугольника в геометрии Эвклида и многое другое.

Подобные законченные или завершенные создания наблюдаются не только в художественном или музыкальном искусстве, но и в научном творчестве, например, в физике. Один из создателей квантовой механике В. Гейзенберг вводит идею о том, что в физическом познании возникают некие целостности или «замкнутые» теории, которые не подвергаются никаким частичным изменениям-улучшениям и своей неспособностью к объединению с другими теориями. Мешает смысловое различие физических понятий, характерных для отдельной «замкнутой» теории. Если обратиться к философским исследованиям по структуре физического знания, проведенного В. Гейзенбергом, то результативной встречи квантовой механики со специальной и общей теориями относительности не состоится. Эти теории не находятся ни в отношении синтеза, ни в отношении дополнительности по отношению друг к другу, обладают системным качеством «завершенности» и минимальности. [3,с.178–189.]

Аналогичная ситуация наблюдается и на территории искусства: можно ли улучшить мелодию Моцарта или картину Рафаэля, поэтическую стоку Пушкина, или в художественном пространстве картину О.Соколова? Ю. Строцкий дает удивительную философскую оценку художественного творчества О.Соколова: «он мыслил своими картинами…и мыслил таким

образом, чтобы локализация мышления менялась…А это значит, мыслить, как считал Хайдеггер, исходя из немыслимого…Он утверждал необходимость мышления, проходящего сквозь правильное для поиска истинного… После его картин изменяется восприятие так называемой реальности…Все наделяется более точным смыслом». [1]

Действительно, а разве в научно-философском мышлении не наблюдается изменение восприятия физической реальности, которое получаем после создания таких научных теорий как классическая механика И.Ньютона, теории относительности А.Эйнштейна, квантовой механики В.Гейзенберга – Н. Бора? Разве не изменяется восприятие логической реальности, если мыслить её в категориях метода двойственного системного моделирования, введенного А. Уёмовым? Действительно, восприятие силлогистической формы умозаключения, представленное в двойственном системном моделировании, меняет его видение: простой ассерторический силлогизм обладает двойственной природой, сформулированной Аристотелем. [4, с.107–122..]

Так было всегда, начиная с гения античности Аристотеля, который изменил понимание мыслительного процесса, ввел категорию «соотнесенное-обоюдное», для объектов, раскрывающих свою сущность по отношению друг к другу, что явилось в дальнейшем философским основанием принципа двойственности. Аристотель не был художником, он мыслил мыслительный процесс, исследовал его формы, звучащие по-современному и до настоящего времени. Но как можно эксплицироватьспецифику мыслительного процесса и принцип двойственности в художественном образе, в произведениях, которые создал художник О. Соколов, о котором доктор философских наук Ю. Строцкий заметил: «Он мыслил своими картинами»?

Какие философские категории, какие системные характеристикикартин художника-мыслителя О.Соколова можно обнаружить в его рассуждениях о собственном творчестве в статье «Колір, музика, слово»? [5.] Название статьи предельно кратко: всего три ударения, три штриха: цвет, музыка, слово, ничего лишнего. Статья посвящена проблемам «цветомузыки», способу её бытия: некий синтез или что-то другое?

Синтетическое искусство соприкасается и с наукой, что не ускользает от философско-аналитического анализа О.Соколова. В качестве эпиграфа в своей статье он вводит мысль Леонардо да Винчи: «Живопис, німа поезія, ближче до точної науки, ніж поезія, сліпий живопис». В «мыслящих картинах» О. Соколова находятся иллюстрации, которые можно понять как реализацию философской мысли Леонардо да Винчи: «ближче до точної науки».

К «точной науке» в философии относится не только логика, которую философ, логик Б. Рассел называет «сердцем» философии, но и её методы. Разве не обладают точностью аксиоматический метод, введенный Аристотелем, основанный на дедуктивном способе обоснования выводного знания? К точным методам относится и системно-параметрический метод, центром котрого является двойственное системное моделирование , введенное А.Уёмовым. Такое двойственное видение обнаруживается и у художника О.Соколова.

Начало понимания «двойственного видения» можно отнести еще к

Пифагору, который предположил, что в знании существуют особые «неопределенные двоицы»: чет и нечет, предел и беспредельное и др., находящихся в отношении связанной «двоицы» в системе предложенных им категорий. О «двоице» Пифагора Диоген Лаэртский пишет так: «Александр в «Преемствах философов» говорит, что в пифагорейских записках содержится также вот что. Начало всего – единица; единице как причине подлежит как вещество неопределенная двоица; из единицы и неопределенной двоицы исходят числа; из чисел – точки; из точек – линии; из них – плоские фигуры; из плоских – объёмные фигуры; из них – чувственно воспринимаемые тела, в которых четыре основы – огонь, вода, земля и воздух; перемещаясь и превращаясь целиком, они порождают мир – одушевленный, разумный, шаровидный, в середине которого – земля; и земля тоже шаровидна и населена со всех сторон». [6, с. 338.]

Категория «двоица» Пифагора воспринята Аристотелем, когда он использовал метод, основанный на категориях соотнесенности и обоюдности, как выражающих сущность «двойственного» подхода, который впоследствии получит название принципа или метода дополнительности. Категория «соотнесенное» введена Аристотелем для обозначения того типа связей между объектами, когда их сущность выявляется от взаимного отношения друг с другом. Аристотель пишет: «Соотнесённым называется то, о чём говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому;» [7, 6a. 35–38] Аристотель исследует характеристики соотнесённого, особенно выделяет «обоюдность» соотнесённого: «Все соотнесённые между собой [стороны] обоюдны; так, под рабом подразумевается раб господина, а под господином – господин раба; и под двойным – двойное по отношению к половинному, а под половинным – половинное по отношению к двойному…» [7, 6b. 25–30]

Аристотель подчеркивает: «Итак, все соотнесённые между собой [стороны], если они указываются подходящим образом, обоюдны; однако, если соотнесенное указывается наугад, а не по отношению к тому, с чем оно соотнесено, то обоюдности нет» [7, 7a 21–27] .

Применима ли «двоица» к пониманию «цветомузыки» или музыки цвета к картинам О.Соколова, если принять оценку Ю. Скроцкого, что он «мыслил своими картинами»? Нельзя мыслить, не опираясь на какой-либо метод, применимый в научном мышлении. Математик работает, используя дедуктивный метод или индуктивный, преобразованный в метод «математической индукции», физик или химик-теоретик организовывает своё познание гипотетико-дедуктивным методом, Д.И. Менделеев мыслил системным методом, который был сформированзначительно позднее «Периодической системы химических элементов». «Двоица» у Д.И. Менделеева проявилась в периодической связности и повторяемости химических и физических свойств у элементов.

Категория «двоица» у Аристотеля фиксируется наличием особой упорядоченности объектов нашей мысли и самой структуры мысли, что обозначается как «соотнесенное-обоюдное». Категория «двоица» в

параметрической ОТС А.Уёмова обнаруживается в категориях «двойственного системного моделирования». Что можно обнаружить в картинах О.Соколова «двоицу-синтез» или «двоицу-соотнесенное»?

О.Соколов пишет в своей статье: «Чюрльоніс не любив слова «синтез» стосовно барво музики. Він мав рацію: вживати новомодний термін «синтетичне мистецтво» не зовсім грамотно с точки зору діалектики творчого процесу. Точніше, очевидно, передасть суть слово «взаємопроникнення мистецтв», яке пропонує литовський музикознавець Вітаутас Ландсбергіс. На мій погляд, ще вдалішим є визначення «взаємозамінюваність мистецтв» [5.О. Соколов. Колір, музика, слово. Дискусійний клуб. Комсомольська іскра. 9. 01. 1975, №4 (5029)]. Примем это замечание О. Соколова о «взаємозамінюваність мистецтв» как то, что раскрывает феномен «цветомузыки», который не есть синтез, ни взаимопроникновение, а некая «взаимозаменяемость искусств».

Ю.Скроцкий объясняет этот феномен «взаимозаменяемости искусств» тем, что О. Соколов следует замечанию М.Хайдеггера о том, что надо «мыслить таким образом, чтобы локализация мышления менялась». В постижении «цветомузыки», по О.Соколову, происходит взаимозаменяемость цвета и музики, что является, на наш взгляд, более адекватным анализом этого феномена. Подобная взаимозаменяемость наблюдается в методе двойственного системного моделирования, когда один и тот же объект можно представить в двух его взаимозаменяемых системних моделях: системной моделью с атрибутивным концептом *и реляционной структурой* и системной моделью с реляционным концептом и *атрибутивной структурой.*параметрической общей теории систем А. Уёмова. [2.*Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. – Одесса: Негоциант, 2000.– 159с*], [8..] В параметрической ОТС предложено двойственное системное моделирование любого объекта и предложены две структуры (*атрибутивна*я и *реляционная*) в системной «двоице», той, которую Пифагор обозначил как «неопределенная двоица». Эту «двоицу» можно обнаружить и в силлогизме Аристотеля, и в картине О.Соколова. *Атрибутивная структура* это связь свойств (атрибутов) какого-либо объекта или их группы относительно выбранного реляционного концепта системы.*Реляционная структура* это связь отношений между элементами системы, которую можно обнаружить относительно выбранного атрибутивного концепта системы. [2, с.126–129.]

Атрибутивная структура и реляционная структура у художника О.Соколова выражается в его требовании: «само важно розмежувати мелодію і ритм», если мелодию отнести к атрибутивной структуре, а ритм – к реляционной. О.Соколов пишет: « Хотілось би звернути увагу на принципи ритмічної організації ліній у відцентрових та доцентрових напрямках. З психології сприймання відомо, що доцентровість ніби символізує зосередження в одній точці, відцентровість навпаки – розліт почуттів. Така азбука ритму». Здесь речь идет реляционной структуре, т.е. структуре отношений в ритм, восприятие которого сопровождается цветом. Цветовое восприятие ритма (*атрибутивная структура*) сопровождается разнонаправленностью линий к

центру, либо от центра (*реляционная структура*): « І кольору в живописі приписуються властивості відцентровості (синя частина спектру) або доцентровості (жовто-червоні тони). Крім того, червоний колір – це колір, який народжує відчуття руху, а синій – заспокійливий, який асоціюється з загасанням. У дослідах з барвомузикики та барвопоєзії використовуються ці спостереження психологів». [О. Соколов. Колір, музика, слово. Дискусійний клуб. Комсомольська іскра. 9. 01. 1975, №4 (5029)].

Обе структуры в двойственном системном моделировании находяться в отношении соотнесенности и обоюдности друк другу так, что позволяет реализовать двойственное видение любого объекта, будь он художественный или логический. [9.]. Произведения художника О.Соколова являются иллюстрацией его философской позиции в понимании сущности феномена «цветомузыки» в категориях Аристотеля «соотнесенное-обоюдное» и в категориях двойственного системного моделирования А. Уёмова.

Литература.

1. Ю. Скроцкий. Веха. Об искусстве Олега Соколова. Газета «Всемирные Одесские новости» Март, №1 (75), 2010г.

2. А.Уёмов. Системный подход и общая теория систем. – М:Мысль, 1978.– 272с.

3. Гейзенберг В. Понятие замкнутой теории в современной естественной науке. В кн. «Шаги за горизонт».– М: Прогресс, 1987. – 368с.

4.Терентьева Л. Силлогизм как связь терминов и как связь посылок: двойственное системное моделирование. У зб. «Параметрическая общая теория систем и её применения: Сб.трудов, посвященный 80 – летию проф. А.И.Уёмова / Под ред. А.Ю.Цофнаса.– Одесса:Астропринт, 2008.– – 244с

5. Соколов О. Колір, музика, слово. Дискусійний клуб. Комсомольська іскра. 9. 01. 1975, №4 (5029)

6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.– М: Мысль, 1979.–620с.

7. Аристотель. Метафизика Аристотель/Аристотель. Соч. в 4-х томах.– Т.2 – М: Мысль, 1978. – 687с.

8.Уёмов А., И.Сараева,И, Цофнас А..Загальна теорія систем для гуманітаріїв. Wydawnictwo «Unsversitas Rediviva», 2001. 220с.

9. Терентьева Л.Н. Новый образ силлогистики в категории Аристотеля «соотнесённое–обоюдное» и в двойственном системном моделировании. У зб. «Проблеми викладання логіки та дисциплін логічного циклу». V міжнародна наукова-практична конференція (3-4 травня 2012 року). Київський університет. 2012.– С. 169-171.

ЦИТ: 215-073
УДК 16

Светлов В.А.

О БОЛЕЕ ТОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧАСТНЫХ СУЖДЕНИЙ

Петербургский государственный университет путей сообщения,
Санкт-Петербург, Московский пр., 9, 190031

Svetlov V.A.

ABOUT MORE EXACT INTERPRETATION OF PARTICULAR JUDGMENTS

Petersburg State Transport University, Sanct-Petersburg, Moscow av. 9, 190031

В статье предлагается более точная интерпретация частных суждений, основанная на совместимости знака количества «некоторые» со знаками количества общих суждений «все» и «ни один». Приводятся несколько теорем о свойствах частных суждений в новой интерпретации и примеры их логических преобразований.

Ключевые слова: суждение, частное суждение, общее суждение.

In the article more exact interpretation of private judgments based on compatibility of a sign of quantity "some" with signs "all" and "no one" of the general judgments is offered. Some theorems about properties of particular judgments in new interpretation and examples of their logical transformations are provided.

Keywords: judgment, private judgment, general judgment.

Введение. Как известно, частные суждения вида «Некоторые А есть (не есть) В» не имеют однозначной интерпретации. Причина этого – в способности знака количества частного суждения «некоторые» сочетаться самым разным способом со знаками количества общих суждений «все» и «ни один». Такая способность порождает две возможные интерпретации частного суждения – совместимую с подчиняющим его общим суждением (***включающую***) и несовместимую с подчиняющим его общим суждением (***исключающую***).

Наличие двух интерпретаций частных суждений поднимает ряд вопросов, Как связаны между собой обе интерпретации? Какая из них совместима с законами логического квадрата? Распространяются ли эти интерпретации на выделительные частные суждения? Насколько данные интерпретации отличаются результатами превращения, обращения и контрапозиции? Для ответа на данные вопросы используем технику анализа суждений, развитую в работах [1; 2; 3; 4; 5].

Докажем сначала эквивалентность исключающих интерпретаций частноутвердительных и частноотрицательных суждений. Интерпретация «Некоторые, но не все А есть В» эквивалентна конъюнкции суждений «Некоторые А есть В» и «Некоторые А не есть В» и, следовательно, исключает дизъюнкцию суждений «Ни одно А не есть В» и «Все А есть В». Интерпретация «Некоторые, но не ни один А не есть В» эквивалентна конъюнкции суждений «Некоторые А не есть В» и «Некоторые А есть В» и исключает поэтому дизъюнкцию суждений «Все А есть В» и «Ни один А не есть В». И поскольку разрешающие и исключающие части обеих интерпретаций совпадают полностью, то справедлива следующая теорема

Т1. Исключающие интерпретации «Некоторые, но не все А есть В» и «Некоторые, но не ни один А не есть В» эквивалентны друг другу, так как их объемы и содержания совпадают.

Для истинности исключающих интерпретаций достаточно совместной

истинности суждений «Некоторые А есть В» и «Некоторые А не есть В», что, как известно, законами логического квадрата допускается. Для ложности данных интерпретаций достаточно истинности всех членов исключаемой дизъюнкции – «Ни одно А не есть В» и «Все А есть В», что, как известно, законами логического квадрата не разрешается. Иными словами, исключающие интерпретации хотя и эквивалентны, но с ограничением – они могут быть вместе только истинны. Следовательно, имеет место следующий результат.

Т2. Интерпретации «Некоторые, но не все А есть В» и «Некоторые, но не ни один А не есть В» могут быть вместе только истинны.

Таким образом, из всех комбинаций значений истинности частных и общих суждений, разрешаемых законами логического квадрата, для исключающих интерпретаций действительна только одна – частные суждения истинны, противоречащие им общие суждения ложны.

Сказанное не означает, что общие суждения не могут быть дизъюнктивной частью рассматриваемых интерпретаций, что утверждают следующие две теоремы (приводятся без доказательства).

Т3. Суждение «Некоторые или все А есть В» истинно тогда и только тогда, когда истинно суждение «Некоторые, но не все А есть В» или суждение «Все А есть В».

Т4. Суждение «Некоторые или ни один А не есть В» истинно тогда и только тогда, когда истинно суждение «Некоторые, но не один А не есть В» или суждение «Ни один А не есть В».

Из Т3 и Т4 следует, что исключающие интерпретации – дизъюнктивные части соответствующих включающих интерпретаций. Так как включающая интерпретация допускает возможность истинности общих суждений, то именно она совместима со всеми законами логического квадрата.

Выделительные частные суждения также могут интерпретироваться в исключающем и включающем смыслах. Для них истинны следующие результаты (приводятся без доказательства).

Т5. Суждение «Только некоторые или все А есть В» истинно тогда и только тогда, когда истинно суждение «Только некоторые, но не все А есть В» или суждение «Только А есть В».

Т6. Суждение «Только некоторые или ни один А не есть В» истинно тогда и только тогда, когда истинно суждение «Только некоторые, но не один А не есть В» или суждение «Только А не есть В».

Согласно теоремам Т5 и Т6 исключающая интерпретация – дизъюнктивная часть включающей интерпретации выделительных частных суждений. Следовательно, только последняя совместима с законами логического квадрата.

Приведем примеры преобразований разных видов частных суждений.

Превращение

Некоторые или все А есть В

Некоторые или ни один А не есть не-В

Некоторые, но не все А есть В

Некоторые, но не ни один А не есть не-В

Только некоторые А есть В
Только некоторые А не есть не-В

Только некоторые, но не все А есть В
Только некоторые, но не ни один А не есть не-В

Обращение

Некоторые или все А есть В
Некоторые или все В есть А

Некоторые, но не все А есть В
Некоторые или все В есть А

Некоторые или ни один А не есть В
Некоторые или все не-В есть А

Некоторые, но не один А не есть В
Некоторые или все не-В есть А

Только некоторые А есть В
Все В есть А

Только некоторые, но не все А есть В
Все В есть А

Только некоторые А не есть В
Все не-В есть А

Только некоторые, но не один А не есть В
Все не-В есть А

Противопоставление

Некоторые или ни один А не есть В
Некоторые или ни один не-В не есть не-А

Некоторые, но не ни один А не есть В
Некоторые, но не ни один не-В не есть не-А

Некоторые или ни один А не есть В
Некоторые или все не-В есть А

Только некоторые А не есть В
Ни один не-В не есть не-А

Заключение. Представленные заметки показывают, что полная теория простых (частных и общих) суждений еще далека от завершения и что более детальный анализ таких суждений представляет весьма актуальное направление логических исследований.

Литература:
1. Светлов В.А. Практическая логика. СПб.: Росток. 2003.
2. Светлов В.А. Современная логика. СПб.: Питер. 2006.
3. Светлов В.А. Логика. СПб.: Питер. 2011.
4. Светлов В.А. Логика. М.: Логос. 2012.
5. Светлов В.А. Логика. СПб.: ПГУПС. 2013.

Статья отправлена: 18.05.2015г.
© Светлов В.А.

ЦИТ: 215-074
УДК 16

Светлов В.А.

О РЕШЕНИИ СОРИТОВ С ПОСЫЛКАМИ ИЗ ТРЕХ РАЗЛИЧНЫХ ТЕРМИНОВ

Петербургский государственный университет путей сообщения, Санкт-Петербург, Московский пр., 9, 190031

Svetlov V.A.

ABOUT THE SOLUTION OF SORITES WITH PREMISES FROM THREE VARIOUS TERMS

Petersburg State Transport University, Sanct-Petersburg, Moscow av. 9, 190031

В статье объясняется новый метод решения соритов с посылками из трех различных терминов. Данная проблема была сформулирована Льюисом Кэрролом, но его метод не получил широкого признания.

Ключевые слова: силлогистика, сориты, посылки.

In the article the new method of the solution of sorites with premises from three various terms is explained. This problem was formulated by Lewis Carrol, but his method didn't gain wide recognition.

Keywords: syllogistics, sorites, premises.

Введение. Среди многих открытий Л. Кэррола имеется одно, которое пока еще не стало предметом серьезного анализа. Речь идет о решении соритов с тремя (и более) различных терминов [1, 285-319]. Ниже описывается метод решения подобных соритов, основанный на авторской технике решения логических задач с помощью деревьев [2; 3; 4; 5; 6].

Метод. В качестве показательного случая рассмотрим сорит из семи общих посылок, каждая из которых содержит три различных термина (знак конъюнкции между терминами для простоты записи везде опущен):

1. Все HM есть ¬K
2. Все ¬D¬E есть C
3. Все H¬K есть A
4. Ни одно BP не есть ¬H
5. Ни одно CK не есть ¬M
6. Ни одно H¬C не есть E
7. Ни одно BA не есть ¬K

Алгоритм решения

I. Определяем термины заключения сорита. Сначала определяем термины, которые должны входить в субъект и предикат заключения. Воспользуемся следующим правилом Кэррола: *при решении соритов с числом терминов больше двух отбрасываем те термины, которые входят в посылки как со знаком отрицания, так и без него*.

Например, отмечаем, что термин H входит в первую посылку без знака отрицания, а в четвертую (после приведения ее к виду, позволяющему сравнить ее с первой посылкой) – со знаком отрицания. Значит, термин H не принадлежит заключению сорита. Проделав указанную операцию со всеми терминами, убеждаемся, что кроме H исключаются термины A, C, E, K, M и, следовательно, только термины B, D и P входят в заключение сорита.

II. Строим дерево доказательства. После определения терминов заключения строим дерево, доказывающее, какое именно суждение с терминами B, D и P является заключением рассматриваемого сорита. Находим посылку, субъект которой состоит из двух любых неисключенных терминов. Посылка 4 удовлетворяет данному требованию. Субъект этой посылки (BP) становится субъектом заключения и символизирует вершину силлогистического дерева. Третий неисключенный термин, D, символизирует предикат заключения сорита. После конструирования силлогистического дерева он должен входить в единственную незамкнутую ветвь дерева доказательства.

Цель построения дерева доказательства состоит в демонстрации, что

(1) Вершиной дерева являются два термина, образующие субъект заключения (в нашем примере – термины BP);

(2) Все ветви дерева, кроме одной, замкнуты, а та ветвь, которая незамкнута, оканчивается на третий неисключенный термин (в нашем примере – термин D).

Правила построения дерева доказательства

П1. Вершину дерева образует субъект той посылки, оба термина которой оказались неисключенными.

П2. Ветвью, требующей продолжения, считается та ветвь, которая не является замкнутой (противоречивой) т.е. не содержит по крайней мере двух терминов, один из которых представляет отрицание другого, и оканчивается на термин, входящий в еще неиспользованную посылку.

Посылка, чей термин используется для продолжения ветви дерева доказательства, преобразуется таким образом, чтобы ее субъект с точностью до знака отрицания соответствовал нижнему термину ветви, которую требуется продолжить.

Например, если ветвь оканчивается термином H, то можно использовать первую или шестую посылку из рассматриваемого примера. Если, к примеру, выбирается первая посылка, тогда суждение «Все HM есть ¬K» преобразуется по правилам логики высказываний в суждение «Все H есть ¬K или ¬M».

П3. Если две ветви исходят из одной вершины и одна из них является частью другой, то та, которая является подмножеством, сокращает (поглощает) ветвь с большим набором терминов. Например, если ветви ABC и AB исходят из общей вершины A, ветвь AB сокращает ветвь ABC. В дереве доказательства остается только ветвь AB.

П4. Каждая посылка используется ровно один раз. Конструирование дерева прекращается после того, как для продолжении его ветвей были использованы все посылки.

Правило вывода заключения

B. Пусть X, Y и Z – неисключенные термины сорита и пусть конъюнкция XY обозначает вершину его дерева. Если в результате конструирования дерева все ветви, кроме одной, содержащей термин Z (¬Z), оказались замкнутыми, тогда следует заключение «Все XY есть Z» («Ни одно XY не есть ¬Z»).

Пусть технический знак ∗, помещенный под ветвью, обозначает ее замкнутость (и неспособность к продолжению).

Деревом, доказывающим, что вышеприведенный сорит имеет решение, будет дерево, изображенное на рис. 1.

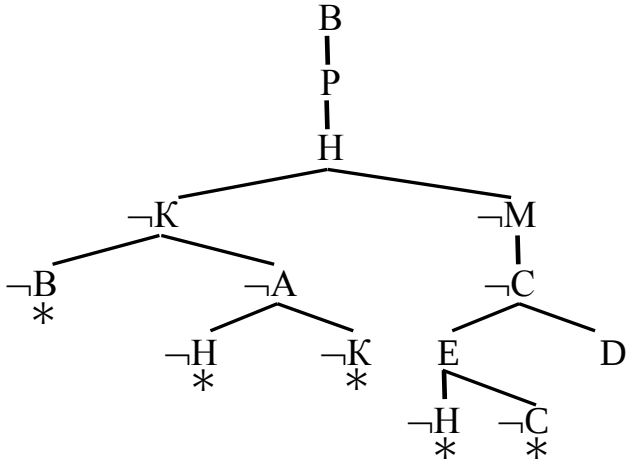

Рис. 1

Заключение. Из шести ветвей дерева на рис. 1, исходящих из общей вершины, пять оказались замкнутыми и только ветвь, содержащая среди прочих термины в, р и d, не содержит противоречащих друг другу терминов. Так как именно эти три термина были определены в качестве неисключенных, то согласно правилу **в** суждение «все вр есть d» следует считать необходимым заключением рассматриваемого сорита.

Распространение приведенной техники на сориты с посылками с большим числом терминов не представляет особых трудностей и представляется читателю в качестве самостоятельного упражнения.

Литература:

1. Lewis Carrol's Symbolic Logic. N.Y. 1977.
2. Светлов В.А. Практическая логика. СПб.: Росток. 2003.
3. Светлов В.А. Современная логика. СПб.: Питер. 2006.
4. Светлов В.А. Логика. СПб.: Питер. 2011.
5. Светлов В.А. Логика. М.: Логос. 2012.
6. Светлов В.А. Логика. СПб.: ПГУПС. 2013.

Статья отправлена: 18.05.2015г.

© Светлов В.А.

ЦИТ: 215-309
УДК 373.6

Костюк О.В.

ОСОБЛИВОСТІ ВИКЛАДАННЯ ФІЛОСОФСЬКИХ ДИСЦИПЛІН

Національний університет біоресурсів та природокористування України
Київ, Героїв Оборони 15, 03041

Kostyuk O.V.

FEATURES TEACHING PHILOSOPHICAL SUBJECTS

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine,
Kyiv, Heroyiv Oborony 15, 03041

Анотація. В роботі розглядаються актуальні питання освіти молоді в Україні. З'ясовуються філософські аспекти формування світоглядних орієнтацій молоді. Метою дослідження є визначення ролі вищих навчальних закладів у формуванні ціннісних переконань студентів. Класичне викладання гуманітарних дисциплін зустрічає спротив студента, який вже пройшов соціальну адаптацію до середовища. Таким чином засвоєні знання як правило не інтеріоризуються, а відкидаються як не потрібні для практичного життя. Перспективним шляхом формування життєвої позиції студентської молоді може бути виклад матеріалу, що базується на вирішенні творчих завдань, проблемних ситуацій на основі запропонованого понятійного апарату. На сучасному етапі слід враховувати ступінь соціалізації молоді на момент вступу до навчального закладу, здійснювати виховний процес не через імперативне просвітництво, а через засвоєння студентом знань про людину та суспільство на основі інтеріоризації.

Ключові слова: молодь, світогляд, ціннісні орієнтації, життєва позиція.

Abstract. In this paper we consider urgent issues of youth education in Ukraine. Author analyzed the philosophical aspects of philosophical orientations youth. The study is to determine the role of universities in shaping the values beliefs of students. The classic teaching humanities meets opposition student who has passed social adaptation to the environment. Thus knowledge discarded as not needed for everyday life. *A promising position in life by forming students may be presentation of the material, based on solving creative problems, problem situations based on the proposed conceptual apparatus. At the present stage to consider the degree of socialization of young people at the time of enrollment, to the educational process by mastering knowledge about man and society based on internalization.*

Key words: the young, outlook*, values, attitude.*

Проблема ціннісних орієнтацій молоді перманентно актуальна як для наукових пошуків так і для суспільства в цілому. Насамперед це пов'язано з самою сутністю категорії молодь, адже основний етап соціалізації спрямований на молодих людей. Крім того завжди є актуальними питання «деградації» чи розвитку молоді як соціальної групи здатної до засвоєння ціннісних орієнтацій та формування адекватної щодо традиції життєвої позиції.

Метою дослідження є визначення ролі вищих навчальних закладів у формуванні ціннісних переконань студентів. Для досягнення мети дослідження необхідно виконати наступні завдання: 1) проаналізувати емпіричні данні, здійснивши компаративний аналіз предмету дослідження як на сучасному етапі так і в радянську добу; 2) дослідити історичний досвід впливу держави на ціннісні орієнтації молоді через систему освіти та виховання; 3) з'ясувати, які форми освітніх заходів є ефктивними та доцільними в контексті піднятої проблематики.

Емпіричною та теоретичною базою дослідження є праці науковців сучасності та не далекого минулого, що стосуються питання життєвих цінностей молоді. Зокрема роботи Артемонової Т., Глоби Т., Майданевич В., Чуба О. та інш. [1;2;3;4;5;6;7]

Система вищої освіти стикається з молодою людиною загалом у 17-18 років. В цей період закінчився період соціальної адаптації, відбувається інтеріоризація та є тенденція до екстеріоризації. Фактично основні моральні максими та світоглядні постулати якщо не відкрито, то латентно присутні. У даному контексті постає проблема ролі вищих навчальних закладів у формуванні ціннісних та світоглядних орієнтирів студентства.

Особливість питання полягає у тому, що молодь на системному та науковому рівні стикається з філософською проблематикою на етапі, коли основні переконання сформовані, перебувають на стадії закріплення або навіть поширюються серед оточуючих. Безумовно що дана система цінностей сформувалася під впливом сім'ї та соціально активного оточення (друзів, знайомих, засобів масової інформації та інше).

Проблема полягає в тому який вплив і в якій формі може здійснювати система вищої освіти на фактично сформовану особистість. Звичайно в ідеалі соціально набуті знання мають не суперечити знанням, які студент отримує у ВНЗ. Вища освіта може систематизувати та скорегувати, рідше спрямувати

особистість.

Це питання специфічно вирішувалось у різні історичні епохи. У стародавніх Афінах існувала стандартизована система виховного процесу для молоді, фактично з необхідністю відбувалася соціальна адаптація, інтеріоризація, а після ініціації (прийняття громадянства) і екстеріоризація набутих знань та переконань. Це доцільно, якщо освіта є частиною державного механізму управління суспільством. Відповідним чином процес виховання здійснювався у середньовіччі та у новий час, особливо у авторитарних та тоталітарних державах.

Сучасний західний світ розбудував специфічну ціннісно-світоглядну систему у вигляді ліберальної ідеології, яка базується та індивідуальній свободі, толерантності та рівності перед законом. У межах такої системи держава через освіту не має тотального та виключного права формувати життєві позиції індивідуума. Цікавий момент – людина отримує громадянство від народження, а не внаслідок певної послідовності виховних дій. Цим держава формально визнає індивідуальну свободу громадянина від народження, а отже позбавляє себе монополії на виховання громадян.

Якщо далі слідувати за ліберальними постулатами, то вища освіта повинна надавати знання, а не тлумачення цих знань з точки зору лише однієї світоглядної та морально-етичної позиції. Відповідно виховний процес у стінах вищої школи є атавізмом, адже він не є сутністю даної форми освіти. Більше того виховний процес в межах ВНЗ може мати негативний аспект оскільки може прийти у протиріччя з системою виховання певної сім'ї (маються на увазі етнічні, релігійні, світоглядні та інші традиції) у якій відбувалась соціалізація індивіда. Тому інститут вищої освіти у західному світі є автономним від класичної системи виховання, адже виховання носить суб'єктивний характер. Наголос робиться на поширення наукових знань, що володіють вищим ступенем об'єктивності та істинності.

Поширення та продукування відповідних знань серед студентства є головною функцією вищого навчального закладу виходячи з сучасної наукової та ідеологічної парадигми. Звісно є дискусійним питання про панування лібералізму як ідеології, однак в контексті даного дослідження лібералізм розуміється як метаідеологія, що базується на принципах індивідуальної свободи, толерантності, рівності перед законом, які є складовими частинами в тій чи іншій міри конкретно-історичних ідеологій сучасності (соціал-демократія, консерватизм, лібералізм).

Особлива специфіка притаманна викладанню гуманітарних чи філософських дисциплін (філософія, логіка, етика, естетика, політологія, релігієзнавство, соціологія та інші). Справа в тому, що ці дисципліни фактично структурують, оновлюють та верифікують знання молоді про соціальний та внутрішній (особистісний) світ. Саме ці дисципліни можуть безпосередньо впливати на життєві позиції, ціннісні та світоглядні орієнтації молоді.

Наступне питання – у якій формі даний вплив має відбуватися, щоб досягти найбільшої ефективності. По-перше слід зазначити, під впливом мається на увазі поширення не суб'єктивних настанов щодо спрямованості та

сенсу життя, а засвоєння знань, що закріплюють цінності сучасного світу з наукової точки зору.

Наступний момент – чи потрібен такий вплив? Тут окремо слід зазначити, що ціннісні орієнтації молоді за останні десятиліття змінилися. Дослідження на теренах бувшого Радянського Союзу 60-х, 70-х. 80-х років показують що молодь розподіляла життєві цінності за наступною ієрархією: корисна та цікава робота, освіта, сімейне щастя. Вже в 90-х роках на перше місце стали задовільні житлові умови, пізніше пріоритет отримали сім'я та наявність друзів [5].

Сучасні дослідження вказують на пріоритетність наступних цінностей: здоров'я, сім'я та високооплачувана робота. Є очевидним, що життєва позиція (чітко виражений, відносно встановлений, визначений характер оціночних суджень людини про навколишню дійсність, певні об'єкти, спосіб поведінки в певній ситуації при характерній мотивації його, спрямованість діяльності, заснованої на цілісних відносинах) молоді не зазнає кардинальної деградації. Однак є тенденція зміни пріоритетів. Цінності, що опинилися на вершині стають більш буденними, пов'язаними з індивідуальним буттям людини. Не коректно ставити питання про подолання буденності, оскілки вона не тільки складає сучасний образ щасливого життя, а й є його екзистенційним проявом. Іманентно у молоді присутні цінності індивідуальної свободи та толерантності, однак вони не є актуалізованими, хоч фактично є неусвідомленим підґрунтям ціннісних орієнтацій. Освітні заклади можуть надати цим цінностям академічного забарвлення, актуалізувати, вивести їх на свідомий рівень. Таким чином цінності буденного життя отримають свідоме обґрунтування та позбавляться вульгарних нашарувань.

Класичне викладання гуманітарних дисциплін не є ефективним з точки зору формування життєвої позиції студента, оскільки вимагає від студента соціальної адаптації до позиції, яку викладають у стінах вищих навчальних закладів. Така форма поширення знань зустрічає спротив студента, який вже пройшов соціальну адаптацію до середовища(сім'я, друзі і т.д.). Таким чином засвоєні знання як правило не інтеріоризуються, а відкидаються як не потрібні для практичного життя.

Перспективним шляхом формування життєвої позиції студентської молоді може бути виклад матеріалу, що базується не на відтворенні знань, а на їх застосуванні до практичного мислительного процесу. Перевірка знань студента має бути заснована на вирішенні творчих завдань, проблемних ситуацій на основі запропонованого понятійного апарату. Прикладом таких завдань можуть бути наступні: у чому полягає сенс життя? (відповідь обґрунтуйте); побудуйте доцільну для України модель республіканського правління; Таким чином у процесі навчання студент буде змушений обґрунтувати отримане знання через залучення до процесу його верифікації, що сприятиме інтеріоризації отриманих знань.

Отже на сучасному етапі при формуванні життєвої позиції студентської молоді слід враховувати її ступінь соціалізації на момент вступу до навчального закладу, здійснювати виховний процес не через імперативне (зовнішнє до суб'єкта) просвітництво, а через засвоєння студентом

знань про людину та суспільство на основі інтеріоризації, тобто включення отриманих знань до життєвої позиції та ціннісних орієнтацій молоді.

Перспективи подальших досліджень полягають у розробці концептуальної моделі викладання предметів гуманітарного циклу як складової формування світоглядних настанов молоді.

Література:

1. Артемонова Т. Основні духовні пріоритети студентської молоді: напрями трансформації // Вища освіта України, №1 – 2008. – с.72-75

2. Глоба Т.М. Ґенеза проблеми виховання загальнолюдських цінностей у зарубіжній науковій думці // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: Педагогіка, психологія і соціологія. Вип. 3, – Донецьк: ДНВЗ «ДонНТУ», 2009. – с. 14-18

3. Майданевич В.П. Теоретичний аспект вивчення життєвої позиції громадянина в системі сучасної педагогіки // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка (34)., Житомир, 2007. – с. 144-146.

4. Мини Г., Чечетина И. Молодежь в зеркале социологии – Рига: „ЛИЕСМА”, 1980. – 208с.

5. Молодежь Украины: ожидания, ориентации, поведение – К.: Наукова думка, 1993. – 160 с.

6. Соціально-професіональні орієнтації студентства (соціологічне дослідження) // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Серія: Соціологія. Психологія. Педагогіка.– Вип. 7. – 1999. – с. 43-47.

7. Чуба О.Є. Трансформація життєвих цінностей педагога на сучасному етапі розвитку суспільства // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України, том 11, ч.6, К., 2009. – с. 441-448.

Дата отправки: 14.06.2015

© Костюк О.В.

ЦИТ: 215-231
УДК 81’38:82-1

Заушицина Л.М., Филина Е.В.

О ЯЗЫКОВЫХ И КОМПОЗИЦИОННЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. ФЕТА «ШЕПОТ, РОБКОЕ ДЫХАНЬЕ...»

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Правды, 13
Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Двинская, 5/7

Zaushitsina L.M., Filina E.V.

ABOUT THE LANGUAGE AND COMPOSITIONAL MEANS OF EXPRESSION OF THE AUTHOR'S INTENTION IN THE POEM OF A. FET "WHISPER, TIMID BREATH..."

St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St.Petersburg, Pravda, 13
State University of Marine and River Fleet them Admiral S.O. Makarov, St. Petersburg ,Dvinskaja , 5/7

Аннотация. В статье анализируется одно из самых известных и, может быть, самое сложное из безглагольных (формально безглагольных) стихотворений А. Фета. В данной работе делается попытка выстроить эстетическую структуру текста и выявить авторскую интенцию. Для этого языковые и композиционные средства рассматриваются как взаимодействующие единицы.

Ключевые слова: Фет, безглагольность, эстетическая структура текста, языковые и композиционные средства.

Abstract. This article analyzes one of the most famous and perhaps the most difficult of verbless (formally verbless) poems Fet. In this paper an attempt is made to build the aesthetic structure of the text and identify the author's intention. To do this, linguistic and composite tools are seen as cooperating units.

Keywords: Fet,verbless aesthetic structure of the text, language and compositional tools.

Вступление. Анализ единиц разных языковых уровней, композиционных средств построения стихотворения, анализ взаимодействия этих приемов позволяют выстроить эстетическую структуру текста стихотворения и понять интенцию поэта.

Обзор литературы. Одной из лучших, на наш взгляд, работ, посвященных анализу «безглагольных» стихотворений А. Фета является статья М.Л. Гаспаров «Фет безглагольный: композиция пространства, чувства и слова». В данной работе «безглагольность» рассматривается как поэтическое средство, позволяющее варьировать композиционные структуры. Номинативные конструкции в работе Ю.Т. Долина «Безглагольный» ли Фет?» рассматриваются как двусоставные предложения, в которых содержится определенная глагольная инерция. В статье А. Шеля «Еще раз о «безглагольном» Фете» устанавливается связь между способами выражения настоящего времени в глагольных и безглагольных стихотворениях А. Фета.

Основной текст. Одним из самых известных безглагольных стихотворений А.Фета является стихотворение «Шепот, робкое дыханье…». Несмотря на отсутствие глаголов, оно очень динамично. Стихотворение состоит всего из трех строф, в которых содержатся только номинативные конструкции. Одним из важных принципов эстетики Фета было требование сжатости и емкости лирического произведения. По убеждению поэта, лирическая поэзия не терпит пространных, подробных описаний – в ней все должно быть сконцентрировано вокруг лирического события [1,149].

Безглагольность текста или, по мнению некоторых исследователей, формальнаябезглагольность[1] обуславливает выбор автором определенных лексических единиц, способных передать движение, создать образы

[1]Многие исследователи, в основном лингвисты, считают стихотворения А. Фета, в которых отсутствуют глаголы не безглагольными, а формально безглагольными, посколько эти исследователи рассматривают номинативные предложения как особый вид двусоставных предложений с нулевым предикатом. Об этом см. статью Ю.Т. Долина «Безглагольный» ли Фет? [2, 77-79]

пробуждения мира и рождения любви. Это прежде всего отглагольные существительные, в которых сохраняется высокая предикативность текста даже при эллипсисе глаголов [3]: шепот, дыханье, колыханье, изменения, отблеск, лобзанья; существительные, передающие звуковую протяженность во времени: шепот (отглаг.), трели; а также слова, обозначающие лучистую энергию [4,701]: свет ночной и импульсы света и цвета: серебро (сонного ручья), отблеск (янтаря), заря. На синтаксическом уровне идея движения поддерживается использованием безглагольных предложений с обстоятельством места (В дымных тучках пурпур розы, отблеск янтаря) и с определением, характеризующим пространство (Тени без конца). Благодаря такому синтаксическому построению предложений художественные образы либо заполняют лирическое пространство, распространяются до определенных его границ, либо их движение мыслится как бесконечное. Использование композиционных стыков (Свет ночной, ночные тени, тени без конца), повторов (И заря, заря!), бессоюзия и многосоюзия также придает динамизм повествованию, задает ритм.

При определении эстетической концепции автора необходим анализ не только языковых единиц, но и композиционных приемов. А. Фет использует прием смены планов лирического пространства, который создает образный ритм текста [5]. Для выявления подтекстовых смыслов необходимо проанализировать, как происходит чередование пространственных планов. Так, в первой строфе стихотворения А. Фет лишь соотносит внешнее пространство и пространство героев стихотворения, во второй – уже включает в широкое пространство более узкое. В этой строфе для описания внешнего мира используется композиционный стык:

Свет ночной, ночные тени,

Тени без конца ...

Изображение лирического пространства героев начинается со слова «ряд» (Ряд волшебных изменений), которое выступает в значении «некоторое, немалое количество чего-либо» [4, 690]. Таким образом, использование композиционного стыка и семантического подхвата позволяет включить в пространство внешнего мира, которое мыслится как максимально широкое, пространство героев стихотворения, которое представлено как более узкое. Благодаря этим композиционным приемам образ «свет ночной» становится единым для двух планов лирического пространства, приобретая метафорическое значение – «свет души».Следует отметить, что в первой строфе такого единого образа нет, поскольку там два плана лирического пространства лишь соотнесены друг с другом. Звуковой образ мира героев «робкое дыханье» оказывается соотнесенным со звуковым и визуальным образом внешнего мира «колыханье сонного ручья».

В третьей строфе в назывном предложении А. Фет использует прием многосоюзия, повторяющийся союз «и». Так автор выстраивает в одну линию образы внешнего мира и мира героев; два пространственных плана сливаются в один, образуя единое лирическое пространство. Образ «заря» становится не только единым, как это было со словом «свет» во второй строфе, но и

неделимым для слившихся в одно лирическое пространство двух пространственных планов. Это – «заря утра и любви». А. Фет всегда ощущал не только «живую связь между душой и мирозданием» [1, 137], но и их неразрывность.

В стихотворении «Шепот, робкое дыханье ...» пробуждение чувства любви и страсти, пробуждение природы ото сна, наступление утра передается сначала звуковыми образами, затем образами света и цвета, другими словами, движением от звука к свету и затем к цвету [5]. Рассмотрим, как возникают, развиваются, видоизменяются образы в композиции лирического пространства стихотворения.

В первой строфе лирическое пространство героев описывается звуковыми образами (Шепот, робкое дыханье), далее образы звука возникают во внешнем пространстве (Трели соловья) и, обогащаясь световыми эффектами, расширяют его (Серебро и колыханье сонного ручья). Так зарождаются образы еще неотчетливого света, «неуверенного света» [5]. Далее, развиваясь, они расширяют внешнее пространство до бесконечности (Свет ночной, ночные тени, тени без конца), которое включает в себя пространство героев, не образуя пока единого целого. Благодаря такому включению одного пространственного плана в другой словообраз «свет» приобретает метафорическое значение – «свет души». Так зарождается тема внутреннего преображения героев (Ряд волшебных изменений милого лица). Далее образы внутренних, еще скрытых изменений переходят во внешнее пространство, обогащаясь яркими цветовыми эффектами, пока еще не достигшими своей цветовой насыщенности (В дымных тучках пурпур розы, отблеск янтаря). Наконец, внутренние изменения «прорываются» в активные действия (И лобзания, и слезы). Два пространственных плана начинают сливаться в единое лирическое пространство. Образ цвета, достигая предельной насыщенности, становясь целостным и неделимым образом утра и любви, заполняет все лирическое пространство, которое мыслится как безграничное, как предел широты пространства и чувства (И заря, заря!).

Такая «текучесть образов» и взаимодействие их с композицией пространства характерна для импрессионистической художественной манеры А. Фета.

Развитие лирической темы от звука к свету, а затем к цвету сопровождается диалогом словообразов внутри одной строфы и межстрофной перекличкой. В первой строфе, как уже говорилось выше, соотнесены образы «дыханье» и «колыханье», в третьей – «пурпур розы», «отблеск янтаря» и «заря». В межстрофную перекличку включены как семантически близкие словообразы, так и противоположные по семантике: «ночные тени» (вторая строфа) и «дымные тучки» (третья строфа), «соловей» (первая строфа) и «роза»[2] (третья строфа); «серебро» (первая строфа) и «отблеск янтаря» (третья строфа), «свет ночной» (вторая строфа) и «заря» (третья строфа), «шепот, робкое дыханье»

[2]Образы соловья и розы как символы любви характерны для любовной лирики А. Фета. В этом тексте роза выступает не как самостоятельный образ, она спрятана в метафору, в образ цвета (пурпур розы).

(первая строфа) и «лобзания и слезы» (третья строфа).

Заключение. Диалог словообразов внутри одной строфы и межстрофная перекличка, с одной стороны, выявляет семантическую модификацию словообразов, которые, являясь импульсами подтекстового смысла, демонстрируют движение авторской мысли. С другой стороны, такая композиционно-семантическая закольцованность придает законченность и целостность эстетической структуре текста стихотворения.

Литература:

1. Розенблюм, Л. А. Фет и эстетика «чистого искусства». Вопросы литературы, 2003, № 2. С. 105-162.

2. Долин, Ю. Т. «Безглагольный» ли Фет? (К вопросу о грамматической форме номинативных предложений) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002, № 6. С. 77–79.

3. Шеля, А. Еще раз о «безглагольном» Фете. Код доступа: http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Shelja.pdf.

4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. Изд-во: М.: ИТИ Технологии, 2006.

5. Гаспаров, М. Л. Фет безглагольный: композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М. Л. Избранные работы. М., 1997. Т. 2. Код доступа: http://www.philology.ru/literature2/gasparov-97c.htm

Статья отправлена: 11.06.2015г.

ЦИТ: 215-031
УДК 821.161.2

Векуа О. В.

ХУДОЖНЯ СУБЛІМАЦІЯ УКРАЇНСЬКОГО СВІТОМИСЛЕННЯ У ПОЕЗІЇ ЛІНИ КОСТЕНКО “ЛЮБЛЮ ЧЕРНІГІВСЬКУ ДОРОГУ”

Національний університет харчових технологій,
Київ, Володимирська 68

Vekua O.

ARTISTIC SUBLIMATION WORLD VIEW UKRAINIAN POETRY OF LINA KOSTENKO "I LOVE CHERNIHIV ROAD"

National University of Food Technologies,
Kyiv, Vladimirska 68

Анотація. У статті подано аналіз поезії Ліни Костенко «Люблю чернігівську дорогу» через призму фольклорного сприйняття дороги і дому. У названому творі просторовий континуум втілений в архетипах дороги, дому, слова, національному універсамі.

Ключові слова: поезія, фольклор, фольклорна асоціація, архетип, творчість.

Abstract. The article analyzes the poetry of Lina Kostenko "I Love Chernihiv way" through the prism of folk perception of the road and home. In the book named spatial continuum archetypes embodied in the road, home, words, national

supermarket.

Keywords: poetry, folklore, folk association, archetype, creativity.

Постійна при**с**утність творчої особистості Ліни Костенко як знакової постаті в континуумі української культури засвідчує її повносилля. Духовна ситуація часу сьогодні немислима без такої сили особистісного забезпечення життєспроможності національного духу, який оприявнений і творчим, і громадянським буттям поетеси. Параметри життя талановитої особистості маніфестують світові, як твердить філософія,"глибоке відчуття світобудови, такої, як вона є, існує, якщо ми рухаємося в проміжку блискавкою на одну секунду відкритого нам ладу. І коли ми втратили цю секунду і не розширили власною працею цей проміжок, інтервал, що відкрився, то нічому не бувати, бо за метафізичними законами, все- незворотнє, і не зроблене нами ніколи не буде зроблено. Те, що ти виявився тут,це лише ти виявився тут. Лише ти міг зрозуміти те, що саме тільки тобі посвітило"[1,161]. Роздуми філософа про необхідність виконувати свою функцію,своє завдання у просторі земного буття особливим чином торкаються митців. Втрачену частку світу, котру не оживив" синтаксис блискавки"- це момент прозріння, надбуттєвого заглиблення в речі, котрі ніби і не повинні вміщатися в параметри людського мислення. Вони справді існують тільки в межових ситуаціях ,коли думка вигострюється, мов лезо,аналітичне мислення здатне прорізати напластування епох. Парадигма філософсько-поетичного мислення як акт особистісного хвилювання , мистецькі візії,котрі вимагають власного вирішення і завершення, у просторі слова Ліни Костенко особливим чином сублімуються в образі навколишнього – рідного, впізнаваного і ніколи до кінця нерозгаданого. Процес взаємного збагачення людського "Я"і довкілля у Ліни Костенко має особливий ракурс: цілість, основа якої –спільна матерія, ошляхетнена духом. Почуттєва сфера у Ліни Костенко живе своїм самобутнім життям у світі рідної природи,дозволяючи інтимне зізнання:

Цитринове сонце,смарагдовий ліс!
Заломлене літо крізь тисячі лінз.
Моя душа у цьому літі –
Як скалка сонця в хризоліті[2,539].

Природа як постійна цінність, як бачимо , володіє такою потужною і привабливою енергією, що силове поле її таємниці забирає у прекрасний полон кожну творчу душу. Художній факт як нова реальність – результат цього нескінченного діалогу – стає постійним предметом роздумів мистецтвознавців і філософів, психологів і екологів, зрештою, кожної мислячої людини. Духовно-творчий вимір явищ національної реальності має глибоку внутрішню сутність. Він окреслюється масштабом і темпоритмом життя окремої особистості, вписаної у сферу функціонування певної спільноти як її складова сенсоутворююча клітина. Саме на перехрестях спілкування двох сфер,природної і людської, оформлюється, увиразнюється цінність індивідуального життя , визначається його сенс і сутність, температурні параметри духовних рефлексій. Поезія Ліни Костенко наголошує: найважче побачити те, що постійно в полі нашого зору. Тому прагнемо дивитися на світ

очима митця. Індивідуально-стильовий поліваріантний пошук Ліни Костенко прилучає нас до її універсально-візійного синтезу образу українського світу, в котрому живемо й ми. Його буттєва сутність в художньо-філософській палітрі автора набирає дивовижних рис одухотвореного українського континууму.Усвідомлюємо: за прозорістю такої зрозумілої назви" Люблю чернігівську дорогу" випростовується внутрішня праця у сфері акумуляції національного досвіду естетичного освоєння світу з особистісним переживанням кожної реалії з буденно-небуденного комплексу життя полісян, в якому переплелися давнина і сучасність у цілісному уявленні. Образ дороги-особливий мистецький факт поліфонічного світу художниці. Індивідуально-національна есхатологія, символічно втілена в архетипах дороги і дому , постає перед нами не як екзистенційна деталь, а як сфера подолання тимчасовості і минущості шляхом ініціаційної парадигми. Проблема пасивного життєсприйняття як стереотипу розгортається завдяки монологічно артикульованій активній позиції індивіда (художника), котрий намагається вивільнити віталістичну енергетику (особистісну і суспільну) в просторі національного макрокосму. Улагодити національний універсум –надзавдання, яке бере на себе поетеса. У названому творі"Люблю чернігівську дорогу" просторовий континуум осягається авторкою в моделі,котра конструюється знаком руху,осердя котрого- певна точка з концентрацією в ній багатоаспектного образу українського світу. Розгортанням цієї просторової моделі зумовлений саморозвиток тексту: хвилеподібна лінія емоційних імпульсів творить настроєвий спектр такої інтенсивності, котрий потребує ощадності слова, теплого тембру, всерозуміючого погляду.

Здається, динаміка розвитку ідеї та індивідуально-образне ословлення процесу пізнання,взаємопроникнення("Я"і світ) позірно обмежене рамками замкнутого простору.Проте якісна трансформація переживання розгортається завдяки нашаруванню,поетапному нарощуванню емоції через зафіксований рух, трансцендентність котрого пропонує два вектори для мислячої субстанції: від нульової точки земного перебування і осягнення видимого,опредмеченого світу до його духовного продовження в слові.

"Існує дуже багато форм реалізації творчих можливостей,в яких відбувається втілення,і щоразу внаслідок ущільнення набуває унікальної форми утворення значуще як гарантія ладу ,хай яким відмінним від нашого повсякденного досвіду є те,що постає перед нами. Символічне репрезентування, здійснюване мистецтвом, не потребує ніякої певної залежності від світу речей"[3,82-83].

Мистецька реальність у кожній національній літературі пильно оберігає власні опорні образи-архетипи,котрі протягом століть концентрували полісемантичну сутність слова,його здатність акумулювати нові грані світопочування в часопросторових трансформаціях. Закріплений у національній свідомості образ дороги як фрагмент довкілля в українській поезії позначений енергією динаміки, функцією організації простору, приборкання хаосу. А духовна субстанція цього образу формувала ще одну смислову пару цього образу: дорога –доля.Ця формула стала особливо активною в українських

поетичних текстах ХХ ст., збагативши їх спектром психологічних нюансів- від розпачу до віри у неперебутність духовного поривання,індивідуального подвигу.

Інтенсивне індивідуально-мистецьке переживання ,інтимізуючи характер образу стежки,шляху, дороги, одночасно активізуючи емоційний простір навколо, творило дивовижний симбіоз знакового порядку, в котрім оприявнювався духовно-естетичний образ нації в контексті певного часопростору. Якщо говорити про образ дороги в його певною мірою абстрагованому оприявненні категорією руху, то в просторових візіях Ліни Костенко найпримітнішим видається текст"Чоловіче мій,запрягай коня",в котрому йдеться не стільки про осягнення простору,скільки про опанування категорії часу через уявне подолання відстані.

Виразна пластика ірреального світу,його впізнавана предметність подолали межу між реальним і трансцендентним настільки талановито, що читацька уява розмиває її. Тут маємо справу з амбівалентною сутністю образу дороги,коли реальне і символічне настільки дифузують, що шлях, як явище топографічне, з одного боку,й духовне- з іншого, набуває стану енергетичного взаємоперетікання. А звідси- філософського нарощування значеннєво-емоційного субстрату.

Поезія Ліни Костенко фіксує цей процес на різних рівнях абстрагування-від позірної описовості ,котра ховає за видимою простотою глибоку часопросторову характеристику буттєвих картин("Люблю чернігівську дорогу "), до найвищого ступеня символізації(" Ой ні, ще рано думати про все","Чоловіче мій").

Чернігівка за походженням, Ліна Костенко закохана у Поліський край.Він всюди присутній у її думанні і поезії. Отож і назва поезії фіксує рідний топонім. Якщо говорити про цей текст, як про зафіксовані словом прояви життя, то маємо розшифрувати його в аспекті розширення меж не як зримої реальності, а як знаку цілісної моделі українського світу в його гармонійності і традиційної гуманістичності.

Перший емоційний сигнал у тексті " Люблю чернігівську дорогу" розгортає ліричний мотив у часі. Він – теперішній, вписаний у послідовність українського річного циклу:

Люблю чернігівську дорогу-

Весною, влітку, восени[2,123].

А проте подальший текст ускладнює заявлений часовий алгоритм, дивовижним чином мобілізуючи наше ретрознання,нарощуючи енергію світомислення реципієнта давньоязичницьким знаком:

Там досі моляться Стрибогу

Високі в сонці ясени[2,123].

Енергія оціночного елемента об'єднує категорії простору і часу одномоментно, так само однохвилево вписуючи абсолютно прозорі буттєві картини у сферу вічності через неперебутність проукраїнських національних традицій. Художня цілість така туга і густа завдяки асоціативному мереживу, коли монтаж окремих структурних одиниць поетичної картини досягається

взаєморозкриттям полі функціональної сутності кожної:

Дівчата ходять, мов княгині.
Цвітуть смарагдові луги.
Русявокосі Берегині
Позолотили береги[2,123].

Розкодування словом природно-просторового мислення Ліни Костенко відбувається на рівні абсолютно адекватного відчуття ритму подійності. Позірна простота побутових сцен позначає безперервність українського тривання в часі,якою постійно тривожиться поетеса. Органічна доцільність і природність змодельованої картини національного світу оприявнює силу авторської інтуїції, уречевленої в пластиці малюнка, коли асоціативні фонди генетичного мислення підсилюють образ реальності особливою духовністю:

Там переходять шлях уповні.
Під осінь в кожному селі
Немов димки димлять жертовні-
Копають люди картоплі2,123].

Необхідність концептуального прочитання окремої поезії Ліни Костенко зумовлена потребою відчути у всій повноті й цілісності безпосереднє переживання авторкою світу, сублімоване в просторі слова. Невипадковість такої рефлексії засвідчує глибину поетичної реакції художниці, її етичну концепцію взаємин людини й довкілля. Світ,обжитий людьми й пережитий митцем як екзистенцій на правда, трансльована словом,оприявнює вітальний сенс українського буття як основу декларованого оптимізму.

Притягальна сила поетичного слова вихоплює прекрасну мить зустрічі з близькими по духу людьми в кінці дороги із суєти суєт і знімає шалену напругу шаленого часу:

І знову мчиш,як метеор, ти,
І довго світяться в душі
Оті розкішні натюрморти
Уздовж доріг на спориші[2,123]…

Саме цей завершальний акорд поезії містить у собі сутнісний знак розвитку поетичної ідеї дороги, як руху,як щастя зустрічі і неминучості прощань.

Література:

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1990. – 365 с.
2. Костенко Л. В. Вибране. – К.: Дніпро, 1989. – 558 с.
3. Гадамер Г. – Г. Герменевтика і поетика. – К.: «Юніверс», 2001. – 280 с.
4. Денисюк І. Невичерпність атома / Упорядкування та передмова Т. Пастуха. – Львів: ВЦ ЛНУ ім. І. Франка, 2001. – 319 с.
5. Соловей Е. Українська філософська лірика: Навч. посібник. – К.: Юніверс, 1998. – 368 с.
6. Рільке Р. – М. Думки про мистецтво і поезію. – К.: Мистецтво, 1986. – 290с.

ЦИТ: 215-045
УДК 811.161.1'36

Мехасюк С.Э.

ДВОЙНОЙ СУБЪЕКТИВИЗМ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды
Харьков, Блюхера 2, 61168

Mekhasyuk S.E.

DUAL SUBJECTIVISM OF THE AUTHOR-NARRATOR IN THE NOVEL BY L. ANDREYEV "SATAN'S DIARY"

Kharkov national pedagogical university of G.S.Skovoroda
Kharkov, Blyuhera 2, 61168

Аннотация. В работе рассматриваются коммуникативные особенности языка романа Л. Андреева «Дневник Сатаны» как способ выявления его синтаксической композиции. Именно коммуникативный синтаксис является ключом к выявлению художественно-языкового стиля писателя. В романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» преобладает изобразительно-повествовательная тактика автора. Двойная субъективность отражается изменениями самоопределения статуса «героя» по ходу повествования – от «Я» бессмертного до «я» человеческого.

Игровая форма произведения, представленная нестандартными сравнительными оборотами, гротескными и антитезными конструкциями, также иллюстрирует двойную субъективность.

Ключевые слова: двойной субъективизм, Л. Андреев, роман «Дневник Сатаны», коммуникативная грамматика, коммуникативные регистры.

Abstract. In this paper we describe the communicative features of the language of the novel by L. Andreev " Satan's Diary " as a way of identifying its syntactic composition. Communication syntax is the key to identifying artistic and linguistic style of the writer. The descriptive and narrative tactics of the author dominates in the novel by L. Andreev "Satan's Diary". Dual subjectivism is reflected by changes in the determination of the status of "hero" in the course of the narrative – from immortal "I" to human "i". "Play" form of the work presented by non-standard comparative turns, grotesque and antithesis patterns, also illustrates the double subjectivity.

Key words: dual subjectivism, L. Andreyev, the novel "Satan's Diary", a communicative grammar, communicative registers.

Вступление. Литературное творчество Л. Андреева характеризуется образностью и эмоциональностью (автор сам говорил о необходимости пробуждать в читателе интерес к повествованию, и для этого использовал разнообразные художественные приемы – антитезу, гротеск, резкую смену сюжета и т.п.). По определению И. Московкиной, писатель «оказался одним из родоначальников литературы абсурда XX века. Ирония, парадокс, гротеск, «черный юмор», «сказочки», «анекдоты» играли в его прозе и драматургии все большую структурообразующую и концептуальную роль» [1, с. 267]. Поэтому

он рассматривается и как модернист, и как постмодернист, и как сюрреалист. Особенно ярко проявляется в его творчестве экспрессионизм. Как прагматическую составляющую при этом определяем коммуникативную, которая актуализирует любой текст, как бы приближая его к читателю, иллюстрируя его словно на экране (для этой цели наукой предлагаются так называемые коммуникативные регистры, которые призваны «оживить» повествование).

Обзор литературы. Вопросы коммуникативной грамматики русского языка изучались многими учеными – начиная с В. Виноградова и заканчивая последними исследованиями Г. Золотовой, В. Одинцова, Н. Онипенко, Г. Сидоровой. Более наглядно, используя как пример литературное творчество отдельных писателей, эти аспекты рассматривались такими учеными, как Е. Иванчиков, А. Гулак, Н. Кожевникова, Е. Падучева, О. Шкурская. В иллюстрационном же пространстве нашего исследования (изучение творчества Л. Андреева) работали Ю. Бабичева, В. Казак, И. Московкина, Д. Нечаенко, Е. Петрова, Н. Рерих, И. Тихонова. Однако эти ученые анализировали произведения писателя преимущественно с литературоведческой точки зрения, изучая их сюжетный и жанровый аспект, то есть в определенной степени ретроспективно. Актуализировать же эти тексты можно (в определенной мере оживить), исследовав особенности их коммуникативной организации.

Основной текст. Поэтому целью нашей статьи является анализ коммуникативных особенностей языка романа Л. Андреева «Дневник Сатаны» как средства выявления его синтаксической композиции, в частности с помощью изобразительно-повествовательного регистра, поскольку и само произведение представляет форму повествования, а автор-рассказчик является его героем.

Также отметим, что именно коммуникативный синтаксис является ключом к выявлению художественно-языкового стиля писателя. Через соответствующий выбор языковых единиц для речевого текста определяется творческая манера автора текста и вообще отображается образ повествователя. В свою очередь этим определяются и функциональные характеристики соответствующего художественного текста. [2, с. 21].

Г. Золотова вводит понятие говорящего, отмечая, что в процессе создания им собственного речевого текста используются разновременные глагольные формы [3, с. 21], то есть говорящий варьирует их («…я *заметил* несколько седых волос, которых *не видел* раньше»; «…которое Я *пропел* наилучшим фальцетом. Но раз дело *доходит* до бокса, то отчего *не говорить* дальше?» [4; с.341]) согласно изменениям своей позиции в пространстве. Словно это происходит в зрительном зале: автор перемещается в нём и с каждой позиции добавляет к своему высказыванию определенные атрибутивные элементы (как кинооператор – за выражением ученой). Однако в целом текст не преломляется в пространстве, а просто приобретает определенные дополнительные художественные элементы. В этом и состоит творческое кредо Л. Андреева как экспрессиониста, который «стремится не столько к воспроизведению действительности, сколько к выражению эмоционального состояния» [5].

Говорящий, он же автор-повествователь, вообще формирует нить рассказа, исходя из концепции романа – игры, которая предусматривает и разнообразные проявления психического феномена раздвоения личности, в ситуации романа – двойственности самого автора-повествователя и других главных персонажей – Магнуса, Топпи, Марии и даже кардинала Х.

«Герой» сомневается в себе, в собственном слове, в его сознании размываются границы между «реальностью игры» и «действительной» реальностью, между ролью, амплуа и истинным «я». В результате игра с самим собой приводит «героя» к бессмыслице, абсурду, размыванию границ между Сатаной и Вандергудом, между «Я» и «никчемной оболочкой, помещением». Именно ограниченность человеческого языка наиболее поражает автора-повествователя («говорить о таких вещах твоими словами – все едино, что пытаться засунуть гору в жилетный карман или наперстком вычерпать Ниагару!» [4; с.314]), который все время «ищет слов и сравнений», чтобы как можно точнее описать какое-то явление.

На протяжении повествования человеческие чувства подавляют абстрактное сознание «героя» практически до его полного вочеловечения, однако в процессе этого автор-повествователь представляет происходящее с двух точек зрения – неземного сознания (Сатаны) и человеческого сознания (Вандергуда). Как первый, он «был как глухой и ничего не слышал», а как второй – «услыхал стоны, дикие вопли, визг и крики, все голоса…», как первый, он смеется в трагической ситуации катастрофы на железной дороге, а как второй – ощущает, что ему «снова стало нехорошо», как первый, он польщен описаниями Магнусом деяний дьявола, а как второй – при виде крови на своем сапоге ощущает чувство мерзости.

Эти двойственные ощущения возникают в разные временные отрезки, по принципу диалога. Но со временем, с привыканием автор повествует о себе как человеке: «в этот вечер Я с удовольствием чувствовал себя человеком и расположился, как дома, в его тесной шкуре». Тут же – как реприза – ирония: «Она всегда жмет мне под мышками. Я взял ее в магазине готового платья». А дальше – опять вочеловечение: «мне казалось, что она сшита на заказ у лучшего Портного!» [4; с.326]. То есть уже сугубо по-человечески меняется настроение и ощущения. Так выявляется двойной субъективизм автора-повествователя.

Однако нельзя сказать, что «Вечный» уже радуется человеческим чувствам – это случится только после очарования Марией-«Мадонной». Он все время борется со своей оболочкой: «Мне стало очень нехорошо. Если днем Я еще пока побеждаю Вандергуда, то каждую ночь он кладет Меня на обе лопатки. Это он заселяет темноту моих глаз своими глупейшими снами и перетрясает свой пыльный архив... и как безбожно глупы и бестолковы его сны!». Л. Андреев привлекает все свое образное мастерство для конструирования уникальных метафор и сравнений (так, во фрагменте «Всю ночь он хозяйничает во мне, как вернувшийся хозяин, перебирает брезгливо, что-то ищет, хнычет о порче и потерях, как скупец, кряхтит и ворочается, как собака, которой не спится на старой подстилке» мы фиксируем три сравнительных оборота и три

метафоры, хотя такой подсчет имеет большой вариативный запас относительности).

Формальный показатель игры автора с читателем – называние себя личным местоимением *Я* с большой буквы (с соответствующими производными *Меня*, *Мои* и т.д.) – как тщеславное противопоставление *тебе* (*им*, *ваши* и т.д.): «*Меня* раздражает *твое* плоское отражение, которое *Я* вызвал на этой сцене». Он так и говорит: «Я, который пишет себя с большой буквы». В дальнейшем «герой» признается в том, что в некоторые моменты он чувствует с Вандергудом неразрывную связь (например, во время еды, слушания музыки, и особенно – выпивки: «Я неторопливо нализываюсь и слушаю отдаленную музыку из обеденного зала… По-видимому, Мой Вандергуд был изрядным пьяницей и каждый вечер тащит Меня в кабак, на что Я соглашаюсь…»), которая формально реализуется через синтаксические конструкции с местоимениями *мы* и *наше* («…*мы проводим* часы недурно…, *мы* тупыми глазами *осматриваем* обстановку…, Пустяки! – *решаем мы* и самодовольно *погружаемся* в созерцание *наших* миллиардов, *нашей* силы и *нашего* замечательного ума и характера» [4; с.340]. В таком смысле фраза даже становится гротескной: «слишком твердыми ногами *мы* наконец *идем* в опочивальню».

И тут – в традициях творческого кредо Л. Андреева (шокировать читателя) – в тексте случается контрастный переход из состояния «мы» в состояние «Я», когда сознание «Всемогущего» просыпается от «неосторожного удара смычка» и обещанное «Необыкновенное» становится «выразимым» (как видим, в последней оппозиции также проявляются разные статусы с помощью большой/маленькой буквы). В результате «*Я* широк, как пространство, *Я* глубок, как вечность, и в едином дыхании *Моем Я* вмещаю все!», хотя при этом физиологические потребности возвращают его опять в человеческое «помещение»: «Но ведь Я только подземное озеро в животе Вандергуда, и Мои бури нисколько не колеблют его твердой поступи», или какое-то негативное ощущение вызывает соответствующую реакцию: «Гнилое вандергудовское болото, в котором Я сижу до самых глаз, обволакивает Меня тиной, дурманит Мое сознание своими ядовитыми парами, душит нестерпимой вонью разложения» [4; с.353]. Но все равно «герой» в процессе духовной эволюции (в ауре чувства любви к Марии-Мадонне) делает выбор в пользу человеческих ощущений и отношений.

В ходе повествования осуществляется смена планов повествования с позиции сознания «Бессмертного» на ограниченное сознание человека («Теперь Я человек, как и ты. Ограниченное чувство Моего бытия Я почитаю Моим знанием и уже с уважением касаюсь собственного носа»), где Вандергуд постепенно заменяет Сатану, и тот перестает окончательно понимать, *что* в его сознании от кого из них происходит («И что за великий лжец, который умеет обманывать только других? Солги себе так, чтобы поверить, – вот это искусство!» [4; с.358]). Эта загадка и есть игра повествователя с читателем: сначала внутренняя борьба «Темной силы» и Человека, потом автор-повествователь настаивает на том, чтобы читатель признал в нем только

Человека.

Формально это иллюстрируется – сменой статуса личного местоимения – с большой буквы на маленькую («Ты заметил, что большая буква снята с моего «я»? … Это знак покорности и равенства…»). И «герой» до конца оставляет себя в этом статусе, еще раз доказывая свое поражение. Интересно, что слова Магнуса «Теперь вы почти не шутите. Вы стали очень мрачным субъектом, Вандергуд» тоже определяют это перевоплощение-вочеловечение, поскольку легкость и веселое игривое отношение отличали Сатану от Человека.

Исходя из пространственно-временной позиции рассказчика в романе «Дневник сатаны» (рассказ от его имени с использованием личных и притяжательных местоимений с большой буквы, преимущественно глаголов прошедшего времени и совершенного вида) по отношению к изображаемому, имеем повествовательный тип речи со своими нарративными параметрами в плане тактики и стратегии произведения (последнюю, правда, мы можем лишь предполагать, поскольку это сугубо авторская прерогатива).

Для определения временной пространственности задействована парадигма категории вида глагола, в рамках которой определяются формы совершенного/несовершенного вида, которые добавляют необходимые характеристики описательности. Так, действие может быть законченным или непрерывным (находящимся в процессе развертывания и становления). Е. Падучева в своей классификации временных интервалов также определяет, что глаголы совершенного вида представляют интервал, который не имеет длительности во времени, добавляя к этому перфектное состояние (после наступления события, с этими же глаголами) и устойчивое состояние, представленное глаголами несовершенного вида [5, с. 15-18].

Так, в случае «Я *поведал*» имеем конкретный зафиксированный семантико-временной момент, имеющий свою результативность и не выявляющий возможности некоторой креативности с боку читателя, а в случае «Я *говорил*» чувствуется определенная длительность, и читатель словно видит процесс деятельности рассказчика. И хотя автор-повествователь редко описывает внешние атрибуты обстановки разговора, свою позу, выражения лица, однако мы чувствуем и словно видим главного персонажа с его слов – косвенно: «Я говорил недурно, не без сарказма и остроумия» (умная культурная речь, еле заметная улыбка в уголках рта). А когда говорящий переходит к образу адресата, мы уже непосредственно видим и воспринимаем того: «Меня все более раздражали невнимание и скука, всеми буквами написанные на утомленном и бледном лице Магнуса» [4; с.341].

Возвращаясь к двойному субъективизму автора-повествователя, определенную двойственность представляет и вариант потенциального обобщения, который предполагает использование уже не только глагольных форм (в данном случае – личных), но и местоимений или обращений-конструкций, которые выполняют функцию обобщения относительно называния действующей особы. Этот прием используется в монологической речи, в частности – повествовательной. Например, во фрагменте («Когда *ты* влюбляешься в женщину, *Мой земной товарищ*, и *тебя* начинает трясти

лихорадка любви, *ты* считаешь себя оригинальным?» [4; с.344]) выделенные элементы репрезентируют такое обобщение: говорящий обращается ко всем читателям и одновременно к каждому в отдельности (то есть каждый думает, что к нему), при этом он имеет в виду и себя тоже.

Заключение и выводы. В целом в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» преобладает изобразительно-повествовательная тактика автора, для чего служат все вышеназванные «орудия речи», начиная с личных форм местоимений и заканчивая пространственно-временным континуумом, где присутствуют по большей части авторизированные формы предложений: «*Мне было вовсе не весело* в то утро. *Мне искренне хотелось* дружески поплакать в его жилет, а *он на корню сушил* все *Мои благородные порывы* [4; с.343]» (выделяем формальные показатели авторизации). Причем повествование почти не прерывается фоновыми атрибутами, разве что редкими авторскими сенсорными вставками: «В черной бороде я заметил несколько седых волос, которых не видел раньше. *Или Мария нездорова*? Я обеспокоился [4; с.341]» (выделенная вставка – более внутреннее за стратегией высказывание-предположение рассказчика, чем то же, но заключенное в подчиненной части предложения: «С горечью, *усиленной отсутствием Марии*, Я поведал Магнусу о Моем разочаровании и скуке» [4; с.341]). Мы видим изменения самоопределения статуса «героя» по ходу повествования – от «Я» бессмертного до «я» человеческого, что отражает перемены в приоритетах его двойной субъективности.

Игровая форма произведения, выбранная автором-писателем и соответственно автором-повествователем, что также иллюстрирует эту двойную субъективность, представлена и нестандартными сравнительными оборотами, гротескными и антитезными конструкциями, но о них более развернуто мы поговорим в следующих публикациях.

В дальнейшем мы также планируем исследовать особенности коммуникативного синтаксиса (функционирование в тексте регистровых блоков, их участие в формировании и движении сюжета) как средства выявления художественно-языкового стиля писателя на материале вышеназванного романа Л. Андреева.

Литература:

1..Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева : монография / Московкина И. И. – Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2005. – 288 с.

2. Караулов Ю. Русский язык и языковая личность / Караулов Ю. – М., 1987. – 263 с.

3. Коммуникативная грамматика русского языка / [Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.] ; под. общ. ред. Г. А. Золотовой. – М., 2004. – 544 с.

4. Андреев Л. Н. Анатэма. Избр. произведения / Андреев Л. Н.; послесл. Т.Г. Свербиловой. – К.: Дніпро, 1989. – 575 с.

5..Экспрессионизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://ru.wikipedia.org/wiki/Экспрессионизм

6. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Падучева Е. В. 2 изд., испр. и доп. – Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Гулак А.Т.
Статья отправлена: 12.05.2015 г.
© Мехасюк С.Э.

ЦИТ: 215-087
УДК 811.111

Ітченко О.П.

ЛЕКСИЧНІ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КОНЦЕПТУ FEAR В АМЕРИКАНСЬКИХ РОМАНАХ ЖАНРУ ТРИЛЕР (НА МАТЕРІАЛІ ТВОРІВ СТІВЕНА КІНГА)

Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г.Шевченка, Чернігів, Гетьмана Полуботка 53, 14013

Itchenko O.P.

LEXICAL REPRESENTATION OF CONCEPT FEAR IN AMERICAN THRILLER NOVELS BY STEPHEN KING

Chernihiv T.H. Shevchenko National Teachers' Training University Chernihiv, 53 Hetmana Polubotka Str, 14013

Анотація. Стаття виконана у руслі сучасного спрямування лінгвістичних досліджень у бік когнітивної парадигми, що пояснюється важливістю вивчення мови у безпосередньому зв'язку з мисленнєвими процесами. У рамках дослідження увага звернена на особливостях представлення емоційного концепту, що зумовлено антропоцентричним вектором мовознавчих студій. Зокрема, у статті проведено аналіз ключових лексичних одиниць, які номінують емоційний концепт FEAR, та визначено частотність їх вживання у романах жанру трилер Стівена Кінга. Результати досліджень вказують на складну структуру даного емоційного концепту та дають підстави вважати його одним із базових в американській концептуальній картині світу.

Ключові слова: емоційний концепт, когніція, концептуальна картина світу, номінація, трилер.

Abstract. The article is written within the cognitive paradigm of the modern trends of linguistic research because it is important to study language in its close connection with mental processes. The attention is paid to the peculiarities of the emotional concept representation due to anthropocentricism vector of linguistics. In particular, the article deals with the analysis of key lexical units nominating emotional concept FEAR; the frequency of their usage in thriller novels by Stephen King is studied. The results of our research indicate the complex structure of this emotional concept and we consider it to be one of the basic concepts in American conceptual picture of the world.

Key words: emotional concept, cognition, conceptual picture of the world, nomination, thriller novel.

Вступ. Пізнання людиною оточуючого світу завжди здійснюється через перцепцію і з подальшою обробкою отриманої інформації. Даний процес акумулює в собі не лише звичне спостерігання за властивостями предметів, природою явищ, процесів, феноменів і т.д.: усвідомлення таких реалій неможливе без «внутрішньої реакції» людини на те, що відбувається. Тому важливу роль у структуризації знань і досвіду людини відіграють емоції – фільтр, що допомагає розібратися з потоком інформації, яка щоденно надходить з навколишнього середовища та потребує змістовного аналізу, вливаючись до сфери уже набутого досвіду [9]. Останній, як відомо, є базовим чинником для формування картини світу як окремої людини, так і певної спільноти; це вказує на те, що емоції як структурний елемент когніції є невід'ємною частиною не лише буття, а й усвідомлення нами свого місця у світі, оскільки структурація знання передбачає ґрунтовну обробку надісланої та отриманої інформації та на цій основі вибудування власного ставлення та позиції до певного явища, а також знаходження свого Я, реалізація якого є неодмінним для формування цілісної та об'ємної картини світу.

Питання вивчення емоцій завжди було прерогативою психології. Але останнім часом сферою даної проблеми зацікавились лінгвісти, що є очевидним, оскільки все, що людина аналізує та усвідомлює, завжди піддається, крім того, ще й мовній обробці та експлікації. Показовим є поява у мовознавстві такого напрямку, як емотіологія або лінгвістика емоцій – галузь науки про вербалізацію емоцій з урахуванням когнітивного чинника їх реалізації у мові (Волгоградська школа лінгвістики емоцій на чолі з Шаховським В.І.) [10]. Базуючись на психологічних теоріях та практиках відносно емоцій, лінгвісти ввели поняття «емоційний концепт» або «концепт емоції», яким користуються у процесі дослідження мовного представлення тієї чи іншої емоції: даний термін був запропонований Покровською Я.О. у дисертаційній роботі [5] та набув широкого поширення серед інших науковців. В його основі покладено визначення концепту, прийняте серед мовознавців [2, 3, 4, 6], яке в узагальненому вигляді зводиться до того, що це абстрактна ментальна одиниця, якою людина оперує у процесі мисленнєвої діяльності і в якій фіксується отримана інформація про певний об'єкт (предмет, явище і т.д.) оточуючого світу у вигляді певної сітки знань про нього. Тобто, людина мислить концептами, які матеріалізуються у вигляді номінативних одиниць. Зокрема, це стосується і емоційних концептів, адже вони є безпосереднім результатом когніції.

Огляд літератури. Фундаментальні роботи у цій області стосуються досліджень стосовно категоризації емоцій у лексико-семантичній системі мови (Шаховський В.І.), лінгвокогнітивного підґрунтя емоційних концептів засобами сучасних мов (Красавський М.О., Борисов О.О., Дорофєєва Н.В., Огаркова Г.А.), лінгвокультурологічного аспекту аналізу емоційних концептів та міжмовних відмінностей в емотивній семантиці мовних одиниць (Воркачов С.Г., Красавський М.О., Дорофєєва Н.В., Погосова К.О., Зайкіна С.В., Волостних І.О., Сарбаш О.С.). Не зважаючи на наявність значної кількості робіт з даної проблематики, залишається ще ряд питань, які потребують

уточнення та роз'яснення, в чому і полягає **актуальність нашої розвідки**.

Мета нашої роботи полягає у вивченні специфіки лексичного представлення емоційного концепту FEAR в американських романах жанру трилер, оскільки він є базовим та становить ядерну частину семантичної сфери емоцій у сучасній американській концептуальній картині світу.

Основний текст. Аналізуючи тексти жанру трилер Стівена Кінга, ми виявили, що відчуття страху постає центральною ланкою в межах емоційного стану персонажів-жертв, оскільки останні сприймають оточуючий світ крізь призму непередбачуваних обставин, напруженої обстановки, очікування чогось жахливого, жорстоких та кривавих сцен і т.д. Саме тому для того, щоб зрозуміти і пройнятися тим, що відчуває жертва, автор користується значним набором лексичних одиниць для вербалізації емоційного концепту FEAR.

Найпродуктивнішим способом мовної реалізації концепту FEAR в американських романах жанру трилер є пряма номінація за допомогою лексеми *fear*, визначення якої подається у тлумачному словнику таким чином: «an unpleasant and usually strong feeling caused by the presence or expectation of danger» [7]. Лексема вказує на емоцію, яка є результатом очікування потенційної небезпеки або такої, що наближається [1]. Наприклад:

Too easy just to freeze up until you lost your balance or just fainted from fear [12]; I lived in fear of the same thing happening again [12]; She never quite lost that nightmarish floating feeling, nor her fear that she would eventually come to an intersection she had forgotten to mark with a seed, but at every choosing-point the seed was there [13].

Окрім лексеми *fear*, яка є базовою для позначення концепту FEAR, Стівен Кінг дуже часто застосовує лексему *terror* зі значенням «extreme fear», тобто, зі вказівкою на значний ступінь прояву страху та паніки [8]:

For a moment Paul thought the extremity of his terror might kill him [11]; His face become stained with a sudden unbelieving terror [12]; Three rings from the top the whine of pulling nails grew louder and I was suddenly cold with terror [12].

У даному контексті слід також вказати на існування деривативних номінативних одиниць:

1) прикметник *terrible* – «causing shock or fear» [8]:

And suddenly she knew the reason for that terrible thundery feeling that had been inside her ever since Saturday night [11]; Ramon muttered deep in his throat. It was the sound of a man having a terrible dream [13]; Rosie saw one thing she didn't like much, however, something that flashed her back to the bad old days with terrible and unexpected suddenness: blood [13].

2) дієслово *terrify* – «to feel with terror or fear» [8]:

To leave him with the things that shamble behind our walls terrifies me; to let him continue even one more day within these walls terrifies me even more greatly [12]; Rosie suddenly thought she did understand what the woman was saying, and it terrified her [12];

3) дієприкметник *terrified* – «very much afraid; badly frightened» [8]:

A part of her mind suddenly realized that she was seriously entertaining this thought and put up a terrified clamor [13]; She felt like a terrified mouse who had

misplaced its hole in the kitchen baseboard [13];

4) інфінітивна фраза з ідіоматичним забарвленням *to be terrified:*

She was terrified [13]; "Oh, yes, I was. I was terrified." [13].

Лексема *horror* є близькою за значенням до лексеми *terror* і означає «a feeling of great shock, anxiety and dislike» [7], тобто, інтенсивний прояв страху, переляканості та жаху як результат:

He stared with horror at what he had become below his knees [11]; The kid froze his face stamped with horror [12]; Harold stood paralyzed with horror [12].

Дуже часто автор також використовує деривативну від даної лексеми номінативну одиницю у вигляді прикметника *horrible*, що означає «causing horror» [7]:

"Not rats," Cal said. "There was a kind of blundering, thudding sound from behind the book-cases, and then a horrible gurgling – horrible, sir." [12]; The horrible shuffling sounds have begun again [12]; Wondering if a fuse had blown or something, she took a tentative step toward – and then the face appeared before her floating in the darkness, a horrible face out of a nightmare [14].

Поруч із вказаними лексемами *(fear, terror, horror)* вживається лексема *dread* – «a great fear or anxiety» [7]; вказує вона на сильне відчуття страху, що межує з жахом і є результатом потенційної небезпеки [1]. Крім того, у значенні «causing great fear or anxiety» реалізується дериватив – прикметник *dreadful*:

That was when I fled, screaming, leaving the body of my lifelong friend unheeded in that place of dread [12]; The face was calm but pale, and in the eyes – eyes through which he saw now reflected back at him – Roland saw some of the dread and horror of that baboon-ridden creature on the Tarot card [15]. Surely no hometown boy could have done such a dreadful thing [14].

Прикметник *awful* – «shocking, terrible» – є близьким за значенням (але з менш інтенсивним смисловим навантаженням) до прикметника *dreadful* і вказує на якість предмета (явища, дії), що навіює, вселяє страх:

"I've heard awful sounds in the walls, sir, awful sounds – thumping and crashing and once a strange wailing that was half-laughter." [12]; "He broke one of my ribs, too. Or maybe it was a couple. I don't really remember any more, isn't that awful?" [12].

У текстах американських трилерів вживається також лексема *fright* – «the feeling or experience of fear» [7]; позначає вона переляк, короткочасне відчуття страху, що характеризується значним збудженням і, як правило, є миттєвою реакцією на тільки-но пережиту небезпеку [1]:

But a strange, heavy feeling of fright had settled on him by the time he get back to the guest house and changed his clothes [14]; His eyes went wide, and then they filled with – fright? [14].

Поруч з даною лексемою зустрічаються також і деривативні від неї одиниці:

1) дієслово *to frighten* – «to feel with fear» [7]:

Her legs were shaky and her heart was pounding so violently in her chest that it frightened her [13]; She was still thinking about the man in the tavern doorway, thinking about how much he had frightened her [13]; The voice frightened him [14].

2) дієприслівник *frightened* – «full of fear» [7]:

He lay back, frightened [11]; She turned the corner and let out, a long breath that pulsed like a living thing with the frantic, frightened beat of her heart [13]; The thought she might not see him anymore made her feel miserable … and frightened, as well, as if she had lost some vital piece of operating equipment [13].

3) інфінітивна фраза з ідіоматичним забарвленням: *to be frightened:*

She was frightened and excited at the same time [13]; She was frightened and didn't quite know why [13].

Дуже часто Стівен Кінг використовує фразове словосполучення *to be afraid (of)* – «be full of fear; frightened» [7]; даний вираз вказує на те, що людина перебуває у стані страху, відчуває його і знає, чого вона боїться:

But a shadow had touched my heart, and I was afraid as I had never been [12]; I noticed that beneath his bluff and bluster he was deadly afraid [12]; What she remembered most was being afraid and disoriented [13].

Дещо більш інтенсивне смислове навантаження несуть у собі дієслово *to scare* – «to cause sudden fear to; to frighten; to be frightened» [8], а також похідні від нього номінативні одиниці, які прямо вказують на психічний стан індивіда, який злякався:

"You can scare a kid into convulsions." [12]; He was scared, plenty scared, but he had kept his head [14]; Eddie was scared, crying. Henry scared too and mad at Eddie, telling him to shut up [15].

Страх може призводити до появи паніки – стану, в якому перебуває налякана людина. Тому у трилерах зустрічаємо пряму номінацію вказаної емоції – *panic* – «(a state of) sudden uncontrollable quickly-spreading terror or anxiety» [8]. Тобто, згадка про неї означає повну втрату самоконтролю, яка проявляється не в оціпенінні, а у безладних діях [1]; страх сіє паніку і людина почувається розгубленою:

He had broken my conversation, and I could feel panic nibbling at the edges of my mind with steel teeth [12]; The panic in her voice – not the anger she had half-expected, but real panic – was bad, but somehow the bewilderment was worse [13].

Згадується також і релігійний, побожний страх (трепет), який втілюється у лексемі *awe* – «a feeling of respect mixed with fear and wonder» [7]:

The strangest expression of terror, pique, and – I would swear to it – religious awe passed over her face [12].

Лексема *anxiety* – «an uncomfortable feeling in the mind usually caused by the fear or expectation that something bad will happen» та прикметник *anxious* – «feeling anxiety; worried and frightened» [7] свідчать про тривожний стан індивіда, його стурбованість та занепокоєння, пов'язані зі страхом:

"I'm anxious to be on my way" [13]; Now there was a touch of anxiety in Practical-Sensible's voice [13]; The woman in the red role sounded anxious [13].

Близькою за значенням до згаданої лексеми є наступна номінація за допомогою лексеми *disquiet* – «anxiety and dissatisfaction» [7]; вона також використовується, щоб підкреслити почуття тривоги та неспокою, які заволодівають людиною:

His feeling of disquiet deepened [14]; Above the disquiet, which now lay like an

emotional floor to his other feelings, Johnny felt predominantly a wild mix horror and hilarity [14].

Дієприкметник *alarmed* – «full of fear and anxiety when caused by the possibility of danger» [7] – вказує на збентеження, тривогу, викликані раптовим усвідомленням або відчуттям безпосередньої небезпеки, що насувається [1]:

She looked back at Eddie and the gunslinger, her dark eyes troubled, confused, and alarmed [15].

Загалом, нами було виявлено, що найпоширенішими способами об'єктивації емоційного концепту FEAR є номінація за допомогою лексем *fear* – 16 одиниць (11,3%), *terror* – 17 (12,1%) та *horror* – 14 (10%), що пояснюється специфікою досліджуваних творів, які відносяться саме до жанру трилер. Серед інших ключових способів номінації згаданого концепту зустрічаються синоніми у вигляді іменників, дериватів, а також фразеологічних сполучень: *terrible* – 7 (5%), *terrify* – 3 (2,1%), *terrified* – 2 (1,4%), *to be terrified* – 2 (1,4%), *horrible* – 9 (6,4%), *dread* – 2 (1,4%), *dreadful* – 1 (0,7%), *awful* – 3 (2,1%), *fright* – 2 (1,4%), *frighten* – 3 (2,1%), *frightened* – 7 (5%), *to be frightened* – 2 (1,4%), *to be afraid (of)* – 15 (10,6%), *to scare* – 7 (5%), *to be scared* – 17 (12,1%), *panic* – 5 (3,6%), *awe* – 1 (0,7%), *anxiety* – 1 (0,7%), *anxious* – 2 (1,4%), *disquiet* – 2 (1,4%), *alarmed* – 1 (0,7%).

Висновки. Отже, дослідження сутності емоційної концептосфери є неможливим без аналізу лексичних засобів, які репрезентують той чи інший емоційний концепт. У нашому випадку ми досліджували лексико-семантичні особливості концепту FEAR, який є базовим та фокусним у системі американської концептуальної картини світу. Було встановлено, що він отримує мовну експлікацію за допомогою цілого набору лексичних одиниць у трилерах Стівена Кінга. Особливо помітною є частотність синонімічних, які нерозривно пов'язані між собою, але водночас відрізняються за ступенем прояву страху. Часто можна зустріти декілька синонімів в одному реченні, що впливає на формування загального емоційного фону, що навіює жах.

Даний аналіз лексичних одиниць показав, що реалізація концепту FEAR мовними засобами вказує на надзвичайно складну структуру його емоційного підґрунтя. Можливим представляється подальша систематизація мовних одиниць та визначення змісту компонентів емоційного концепту FEAR в американських романах жанру трилер.

Литература:

1. Англо-русский синонимический словарь / [Апресян Ю. Д., Ботякова В. В., Латышева Т. Э. и др.] ; под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. – [3-е изд.]. – М. : Рус. яз., 1998. – 544 с.

2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательство Тамбовского университета, 2000. – 123 с.

3..Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования / С. А. Жаботинская // Лінгвістичні студії. – Вип.2. – Черкаси : Сіяч, 1997. – С. 3–10.

4. Краткий словарь когнитивных терминов / [Кубрякова Е. С., Демьянков

В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.]. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

5. Покровская Я. А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов): дис. … кандидата филол. наук : 10.02.20 / Я. А. Покровская. – Волгоград, 1998. – 188 с.

6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.

7. Словарь современного английского языка: в 2 т. / [зав. ред. Попова Л. П. ; ред. Самойленко И. И.]. – М. : Рус. яз., 1992– .–
Т. 1: A – L. – 1992. – 626 с.

8. Словарь современного английского языка: в 2 т. / [зав. ред. Попова Л. П. ; ред. Самойленко И. И.]. – М. : Рус. яз., 1992– .–
Т. 2: M – Z. – 1992. – 1229 с.

9. Шабанова С. А. Вербальное выражение эмоций в английском языке / С. А. Шабанова // Сборник научных трудов SWorld. – Вып.2. Том 22. – Одесса : КУПРИЕНКО, 2013. – ЦИТ: 213-023. – С. 5–8.

10. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : [монография] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

11. King S. Misery / S. King – NY : New American Library, 1988. – 338 p.

12. King S. Night Shift / S. King – NY : New American Library, 1979. – 326 p.

13. King S. Rose Madder / S. King – NY : Penguin Books, 1995. – 479 p.

14. King S. The Dead Zone / S. King – NY : New American Library, 1980. – 702 p.

15. King S. The Drawing of the Three (The Dark Tower II) / S. King – NY : New American Library, 1990. – 463 p.

Стаття відправлена: 19.05.2015 р.
© Ітченко О.П.

ЦИТ: 215-117
УДК 81’373.231’374.3

Слабоуз В. В.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ МЕТАЯЗЫКА ДЛЯ ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН

Государственное высшее учебное заведение «Донбасский государственный педагогический университет», Славянск, ул. Г. Батюка, 19, 84116

Slabouz V. V.

ON THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF METALANGUAGE FOR DESCRIBING THE CULTUROLOGICAL COMPONENT OF SEMANTICS OF PROPER NAMES

State Higher Educational Institution “Donbasskyy State Pedagogical University”, Slavyansk, G. Batyuka Str., 19, 84116

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки метаязыка для описания культурологического компонента семантики онимов и принципов

лингвокультурологической онимографии. В статье проанализировано различие между подходами к отбору и описанию онимного материала в лингвокультурологии и лингвострановедении, представлено принципиальное отличие между понятиями «лингвокультурологический» и «лингвокультурный». Автор предлагает определить лингвокультурную сему как «значимость» и отнести ее в разряд аксиологических феноменов, а также акцентирует внимание на том, что лингвокультурологически значимые проявления имени собственного могут выявляться в специфических текстах некоторых жанров, в которых может быть отражена онимная игра, имеющая ярко выраженный лингвокультурный характер.

Ключевые слова: культурологический компонент, лингвокультурология, лингвострановедение, метаязык, оним, семантическая аура онима, онимография.

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of metalanguage for describing culturalogical component of semantics of an onym and the principles of linguoculturological onymography. In the article it is analyzed the difference between the approaches to the selection and description of the onym material in linguistic culturology and culture-oriented linguistics, it is presented the principal difference between the notions of "linguistic-culturological" and "linguistic-cultural". The author offers to define linguistic-cultural seme as "meaningfulness" and to attribute it to the category of the axiological phenomenon and also focuses attention on the fact that linguistic-culturologically meaningful manifestations can reveal themselves in the specific texts of some genres where may be reflected the so-called onym play which is of bright linguistic-cultural character.

Key words: culturalogical component, linguistic culturology, culture-oriented linguistics, metalanguage, onym, semantic aura of onym, onymography.

Вступление. Работа посвящена установлению нескольких вех, ориентация на которые позволяет вплотную подойти к разработке принципов лингвокультурологической онимографии в части, касающейся метаязыка для представления семантической ауры собственных имён, в границах которой обнаруживаются оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка.

Постановка задачи исследования. Целью данной работы является характеристика некоторых черт терминологической составляющей описаний онимии, на которые направлен метаязык ономастической лингвокультурологии.

Изложение основного материала. Не вдаваясь в споры, касающиеся лингвокультурологии в целом как научной дисциплины, отметим, что в самом термине, определяющем её, содержится три компонента, указывающие соответственно на язык (лат. *lingua*) культуру (лат. *cultura*) и науку (греч. *λογος «слово», «наука»*). Этот термин безо всяких изменений используется для обозначения научной дисциплины, а прилагательное «*лингвокультурологический»* для определения свойств, явлений и т.д., относящихся к их научному осмыслению. Кроме этого, используется прилагательное «*лингвокультурный»*, определяющее культурные феномены, явления и свойства языка. Отличие между этими определениями,

подчёркиваем, принципиальное.

Мы полагаем, что лингвокультурология и лингвострановедение – научные дисциплины, исследующие фактически один и тот же объект. Существует, однако, различие в подходе к отбору и описанию материала. Лингвострановедение (как оно сформировалось в трудах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [1, 2], а также их последователей) предназначено для описания так называемого культурного фона в семантике языковых единиц, который выявляется при сопоставлении двух языков. Сопоставляются же, как правило, языки родной и изучаемый в процессе овладения иностранным. Эта ориентация на лингводидактическую прагматику, а также серьёзное влияние идеологических установок, имевших место в преподавании русского языка как иностранного в советское время, и является характерной чертой лингвострановедения. Что касается лингвокультурологии, то она направлена на анализ как общелингвистических аспектов языковых единиц, так и на национально-детерминированные компоненты их содержательной структуры. А пафос исследований в этой области составляет интерес к национальным формам бытия общества, основанным на культурных ценностях и составляющих сердцевину языковой картины мира. Поэтому наш подход, хотя и предполагает использование всех достижений лингвострановедения, сосредоточен, по преимуществу, на лингвокультурологии.

Следующий важный шаг в разработке метаязыка для описания культурологического компонента семантики собственных имён в связи с его ориентацией на лингвокультурологическую онимографию – признание того факта, что ограничение задач онимографии в данном случае только описанием культурного компонента без общелингвистического, точнее, собственно ономастического компонента содержательной структуры онимов немыслимо. Только на фоне общелингвистических значений национальная детерминированность некоторых сем становится очевидной, иными словами, эксплицируется. Поэтому важной представляется задача отыскания в практике онимографии тех способов представления содержательной структуры, которые оптимально соответствовали бы основной, лингвокультурологической составляющей.

В содержательной структуре имени собственного, в его семеме среди компонентов могут обнаружиться не одна, а несколько сем, являющихся лингвокультурологически значимыми. Поэтому (окончательное решение по этому вопросу пока не принято) имеет смысл, не выделять лигвокультурную сему, а, определив её как «значимость», отнести в разряд аксиологических феноменов, возникающих, в том числе, и на уровне синергетических отношений между лексическими единицами высказывания. Широкое толкование лингвокультурного компонента в семантике слова и в содержательной структуре имени открывает перспективы для разработки целой системы лингвокультурологических помет при представлении онима в словаре. Например, в словаре могут быть отмечены орфоэпические особенности функционирования онима в той или иной культуре, этносистеме и даже в рамках языков малых групп (имеются в виду самые разные жаргоны, диалекты

и т.д.). Может быть зафиксирована и отражена «культура звучащего слова» в речевой практике, разного рода сценические и ритуальные «произнесения». Лингвокультурологически значимые проявления слова, в том числе, имени собственного могут выявляться в специфических текстах некоторых жанров (одические, эпиталамические, эпиграмматические и т.д. стили), может быть отражена имеющая ярко выраженный лингвокультурный характер онимная игра (включая карнавализацию, иронию, пародирование) и т. д.

Выводы. Доказывать важность словарей собственных имён опирающихся на культуроведческие традиции не требуется. Это аксиома, осознанная носителями языка и нашедшая практическое применение в огромном количестве словарных предприятий. Дело за малым: необходим новый, оригинальный не необычностью, а комплексностью учитывающий уже накопленные достижения и сформировавшиеся традиции подход к описанию бесценных сокровищ мировой культуры, аккумулированных в собственных именах.

Литература:

1. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Русский язык, 1980. — 320 с.

2. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / [под редакцией и с послесловием академика Степанова Ю. С.]. — М. : «Индрик», 2005. — 1040 с.

© Слабоуз Виктория Васильевна

ЦИТ: 215-137
УДК 81'373.21(470.324)

Ткаченко Є. М.

ТОПОНІМІЧНА МЕТОНІМІЯ: ВИД ЗВ'ЯЗКУ «ТОПОНІМ – ОЙКОНІМ» (на матеріалі назв власницьких садиб деяких повітів Воронезької губернії)

Донбаський державний педагогічний університет,
Слов'янськ, Батюка 19, 84116

Tkachenko Ye. M.

TOPONOMIC METONYMY: THE TYPE OF CONNECTION «TOPONYM – OIKONYM» (based on the names of proprietary estates of some Voronezh counties)

Donbas State Pedagogical University,
Slovyansk, Batyuka Street 19, 84116

Анотація. В роботі розглянуто явище топонімічної метонімії на основі взаємодії контактних назв окремих підкласів топонімної лексики, з одного боку, та одного із різновидів ойконімів – назв власницьких садиб, з іншого, яке сприяло появі і розповсюдженню різних за структурою та способом назвотворення власних імен.

Ключові слова: топонім, гідронім, ойконім, оронім, топонімічна

метонімія.

Abstract. The phenomenon of toponymic metonymy is considered in the article on the base of interaction of contact names of individual subclasses of toponymic vocabulary, on the one hand, and one of the varieties of oikonyms – the names of proprietary estates, on the other, which contributed to the emergence and spread of proper names with different structure and method of name-creating.

Key words: toponym, hydronym, oikonym, oronym, toponymic metonymy.

Вступ. В історії слобожанської топонімії відзначається різноманітна взаємодія географічних назв різних природних об'єктів (річок, ярів, балок, ставків тощо) з назвами поселень. Нерідко ойконім точно повторює утворений раніше топонім, або ж, навпаки, в топонімі тотожно відбивається форма назви суміжного населеного пункту. Хоча частіше зустрічаються неомонімічні контактні назви, де засобом розрізнення є різні афікси, основи слова або навіть лексеми у вигляді топонімних епітетів або інших елементів. Така взаємодія відбувається внаслідок контактного перенесення імен, або топонімічної метонімії.

Огляд літератури. Топонімічна метонімія є об'єктом аналізу в роботах Н. О. Кузнецової [4], Л. Т. Масенко [6], Є. С. Отіна [9], О. М. Скляренка [13], О. М. Скляренко [14], Є. М. Черняхівської [17] та ін. Контактне перенесення назв за суміжністю було об'єктом розгляду на четвертій Республіканській ономастичній конференції у доповіді В. Д. Бєленької (Київ, 1969), на третій Республіканській ономастичній (гідронімічній) конференції у повідомленнях М. Н. Морозової (Київ, 1965) та Є. М. Черняхівської (Київ, 1965) тощо. У монографії М. М. Юрківа [18] запропоновано цілісний опис контактних гідронімів і ойконімів Західної України, де на підставі ґрунтовного аналізу фактичного матеріалу з'ясовано типи відношень, вивчено взаємозв'язки та виявлено найпродуктивніші гідронімно-ойконімні моделі західноукраїнського ономастикону.

Матеріалом для нашого дослідження послужили контактні топоніми п'ятьох повітів Воронезької (в тексті скорочення Вр – *Є. Т.*) губернії, зареєстровані у довіднику «Населённые места Воронежской губернии: справочная книга» (1900) (в тексті скорочення НМВГ – *Є. Т.*).

Основний текст. Топонімічна метонімія як явище діє не лише в напрямку «назва природного географічного об'єкта → назва населеного пункту». Відомі приклади продукування вторинних топонімів у вигляді назв власницьких садиб, хоча таких випадків на відмінку від типів поселень, значно більших за площею та кількістю мешканців, у списках XIX століття зустрічається значно менше.

Об'єктом нашого дослідження є назви невеликих типів поселень – власницьких садиб – на території північно-східної Слобожанщини в межах Бірючинського, Богучарського, Валуйського, Острогозького та Павлівського повітів Воронезької губернії.

Садиба як тип забудови – це житловий будинок та господарські будівлі з прилеглими до них садом і городом, що разом з ними є окремим господарством. В російській архітектурі садиба – окреме поселення, комплекс житлових, господарських, паркових та інших будівель, а також садибний парк,

що становить єдине ціле. Як правило, термін «садиба» відносять до володінь російських дворян та заможних представників інших прошарків, які належать до XVII – початку XX століть. До складу класичної панської садиби зазвичай входили панський будинок, кілька флігелів, конюшня, оранжерея, споруди для прислуги тощо. У великих садибах нерідко будувалася церква.

В результаті метонімічного перенесення із класу топонімів у підклас ойконімів (назв садиб власницьких) між вихідними та похідними назвами досить часто спостерігаються омонімічні смислові відношення, наприклад, *Глибокий*, яр → *Глибокий*, вл. сад. [Вр Брч, НМВГ, с. 379], *Діброва*, ур. → *Діброва*, вл. сад. [Вр Бгч, НМВГ, с. 262], *Кронштадський*, ст-к → *Кронштадський*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 405], *Плотва*, р. → *Плотва*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 396], *Студений*, прот. → *Студений*, вл. сад. [Вр Бгч, НМВГ, с. 262], *Солонець*, б. → *Солонець*, вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 341] та ін.

Інша особливість продукування ойконімних одиниць полягає у вичерпності природними об'єктами номінаційного ресурсу у вигляді лексико-семантичного способу творення. Тому надалі в номінаційних процесах використовуються додаткові засоби у вигляді топонімних афіксів або інших словотвірних одиниць. «Головний, безроздільно панівний тип слов'янського словотвору, – як зазначив В. А. Никонов, – афіксація. Але це – панування не афіксів узагалі, а єдність суфіксів. Саме суфікси – основний словотворчий засіб слов'янської топонімії…» [8, с. 22]. Похідний характер ойконіма можна встановити за допомогою його форми, яка має у своєму складі ряд ойконімних формантів: **-к-**, **-ів-**, **-ан-ськ-** та ін., наприклад, *Киселів*, прот. → *Киселівка*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 397], *Куций*, верш. яру → *Куців*, вл. сад. [Вр Бгч, НМВГ, с. 278], *Розсош*, р. → *Розсошанська*, вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 345], *Романів*, яр → *Романівка*, вл. сад. [Вр Брч, НМВГ, с. 383] та ін.

У наявному прикладі *Розсош*, р. → *Розсошанська*, вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 345] маємо приєднання до гідронімної основи форманта **-ськ-**, який «є суто топонімним суфіксом, характерним для назв населених пунктів міського і селищного типу» [10, с. 357]. Ще один словотвірний засіб – складний формант **-івк(а),** який утворився поєднанням ад'єктивно-посесивного суфікса **-ів**(**-ов**) та субстантивного **-к**(**а**) – є досить поширеним у місцевій ойконімії. Продуктивність цього афікса перебуває поза конкуренцією на всіх інтенсивно заселених територіях [7, с. 647, с. 652]. Очевидним також є факт вторинності утворень на **-івк(а)**, оскільки вони називають новий об'єкт поряд із тим, що вже існував [2, с. 44]. Однак польський лінгвіст З. Штібер висловив іншу думку, зазначаючи, що місцеві назви на **-івк(а)** могли і не мати передумовою вихідних форм на **-ов(а)**, а утворювалися безпосередньо від інших назв [19, с. 72].

Окремі приклади демонструють заміну або усічення в похідному ойконімі суфіксальної частини, наприклад, *Косенкова,* яруга → *Косенок,* вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 308], *Меженський*, яр → *Меженка*, вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 348], *Осичанський*, ст-к → *Осички*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 405] та ін.

Якщо первинний топонім має граматичні параметри прикметника, то у позиції вторинного ойконіма можуть відбуватися суфіксальні процеси різного характеру. В цьому випадку ойконім набуває ознак іменникової словозміни,

наприклад, *Кисельов*, прот. → *Киселівка*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 397], *Косенкова,* яруга → *Косенок,* вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 308], *Меженський*, яр → *Меженка*, вл. сад. [Вр Остр, НМВГ, с. 348], *Осичанський*, ст-к → *Осички*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 405], *Романів*, яр → *Романівка*, вл. сад. [Вр Брч, НМВГ, с. 383] та ін.

В результаті взаємодії гідронімів та різних підкласів топонімної лексики відбуваються процеси, що впливають на структурні зміни власних назв. Явище атрибуції зумовлює появу двослівної форми назви поселення на відміну від однослівної співвідносного топоніма, наприклад, *Середній,* ліс → *Середнє Посохове,* вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 396]. Такі ойконімні структури належать до вищого рівня деривації [1, с. 180].

В результаті контактного переходу топоніма певного підкласу в ойконім виявлено явище *еліпсис*. Усічення однієї із складових частин назви поселення можна пояснити тенденцією до максимального спрощення у сфері цих власних назв. Спрощення можуть зазнавати як залежні слова ойконімних синтаксем, так і головні, наприклад, *Чорна Калитва*, р. → *Калитва*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 405], *Вовчий Яр*, б. → *Вовчий*, вл. сад. [Вр Брч, НМВГ, с. 377] тощо. При усіченні визначального компонента відбувається перетворення ойконімного словосполучення в ойконімну лексему та субстантивація ад'єктивної форми – топонімічна конверсія. Особливість такого явища підтверджується словами Ю. О. Карпенка: «Субстантивовані прикметники розвинулись із топонімічних словосполучень. Сліди цього зберігаються переважно у відносній стійкості родових форм таких топонімів» [3, с. 22].

Одним із способів ойконімізації гідронімів є поява в них плюральної форми, яка є засобом розмежування структурно тотожних назв поселень географічно близьких об'єктів, а також особливим способом ойконімного творення – флективною деривацією. Як зазначала О. В. Суперанська, категорія числа у власних назвах – «це категорія словотвірна, а не морфологічна чи граматична, оскільки тут часто виступають спеціальні словотворчі суфікси» [15, с. 114]. В. А. Ніконов припускає, що таке вживання могло розвинутися під впливом численних назв у формі множини: абстрагований від них показник множинності став усвідомлюватися як топонімоутворювальний формант [8, с. 24]. Неможливо уявити, що подібні ойконіми відображали реальну множину об'єктів. Вони є результатом дії традиційної та широко розповсюдженої плюральної моделі, де флексія розглядається як типовий топонімний показник. Сингулятивність поселень, що зазнають процесу номінації, передається формою множини, тобто у наявній ситуації «семантична однина виражається граматичною множиною» [13, с. 31]. Це один із випадків часткової зміни парадигми мотивувального слова, що виникло «як результат лексикалізації форм множини» [5, с. 40]. Тут ми маємо справу із зміною морфологічних показників твірного слова, від якого залишається тільки форма pluralia tantum.

Плюралізація може відбуватися у поєднанні із афіксацією. Особливо найповніше утворення форми множини реалізує себе у сполученні з суфіксом **-к-** (у нашому дослідженні виявлено один приклад – *Осичанський*, ст-к → *Осички*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 405]). На таку модель у гідронімії свого часу

звернули увагу В. М. Топоров і О. Н. Трубачов (1962). Вона була виділена О. Н. Трубачовим у більш пізньому його дослідженні [16, с. 189]. На думку Н. В. Подольської, коли плюралізація супроводжується суфіксацією (за допомогою суфікса **-к-**), не завжди можна говорити про демінутивність форм [11, с. 100].

Сингулятивні ойконіми, похідні від топонімів pluralia tantum, у досліджуваному ареалі зустрічаються рідко, що можна пояснити непродуктивністю цієї номінаційної моделі. Тут зафіксовано таку особливість словотвору ойконімів, яка супроводжується суфіксацією, наприклад, *Копані*, яр → *Копанка*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 397].

Ще один із різновидів флективної деривації – творення ойконімів від інших підкласів топонімної лексики за допомогою закінчення, що відповідає певній родовій категорії. Як правило, такі прикметники у функції власних назв узгоджуються з формою роду позначуваного географічного об'єкта (*Бокаївське*, пустище → *Бокаївська*, вл. сад. [Вр Брч, НМВГ, с. 360]), хоча інколи бувають і відхилення від узгодження (*Вовча*, р. → *Вовчий*, вл. сад. [Вр Вал, НМВГ, с. 397]).

Звертають на себе увагу ойконіми, утворені шляхом штучного поєднання двох назв. У нашому випадку один із компонентів за походженням є оронімом (назва яру), а інший з'явився на основі іншомовного топоніма, наприклад, *Довга*, б. → *Руенталь-Довгий*, вл. сад. [Вр Бгч, НМВГ, с. 266] (до середини XIX століття назву *Руенталь* мала рівнина в центральній частині сучасної Латвії, що трактувалася як 'Тиха долина', або 'Долина Спокою'). Там же був і замок Руенталь, або Рундальський замок. Такі ойконіми утворювалися, як правило, внаслідок об'єднання двох населених пунктів, невеликих за розмірами і територіально близьких. Вони мають також назву "подвійні топоніми" [12, с. 137].

Висновки. Отже, можливості продукування деривативних засобів в ареалі дослідження не вичерпуються лише лексико-семантичним способом творення та морфологічним словотвором (афіксація, флективна деривація), а представлені й такими одиницями, що виходять за межі частин слів – топонімними словосполученнями та утвореннями, в яких відбуваються еліптичні процеси – усічення однієї із двох наявних лексем.

Умовні скорочення

а) повіти

Бгч – Богучарський, Брч – Бірючинський, Вал – Валуйський, Остр – Острогозький, Пвл – Павлівський

б) географічні об'єкти

б. – балка, вл. сад. – власницька садиба, прот. – протік, р. – річка, ст-к – ставок, ур. – урочище

Література:

1. Бучко Д. Г. Ойконімія Покуття: дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / Бучко Дмитро Григорович ; Чернівецький держ. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 1992. – 305 с.

2. Гумецька Л. Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст. / Л. Л. Гумецька ; АН УРСР, Ін-т суспільних наук. – К. : Вид-во АН УРСР, 1958. – 298 с.

3. Карпенко Ю. А. Топонимия Буковины: автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.02 / Ю. А. Карпенко ; АН УССР, Ин-т языкознания им. А. А. Потебни. – К., 1967. – 29 с.

4. Кузнецова Н. А. Названия населённых пунктов Пензенской области, образованные от гидронимов: республиканский сборник / Н. А. Кузнецова // Русская ономастика / отв. ред. В. Д. Бондалетов. – Рязань : Изд-во Ряз. гос. пед. ин-та, 1977. – С. 135–139.

5. Лопатин В. В. Словообразовательная структура названий населённых пунктов в современном русском языке : сб. статей / В. В. Лопатин // Ономастика и грамматика / отв. ред. Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1981. – С. 30–40.

6. Масенко Л. Т. Проблеми взаємодії гідронімії та ойконімії: на матеріалі басейну Південного Бугу / Л. Т. Масенко // Мовознавство. – 1972. – Вип. 1. – С. 32–37.

7. Масенко Л. Т. Розвиток топонімічної лексики / Л. Т. Масенко // Історія української мови. Лексика і фразеологія. – К. : Наук. думка, 1983. – С. 620–659.

8. Никонов В. А. Славянский топонимический тип / В. А. Никонов // Географические названия. Серия : Вопросы географии / отв. ред.: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. – 1962. – № 58. – С. 17–33.

9. Отин Е. С. Топонимическая метонимия : вид связи “гидроним – ойконим” / Е. С. Отин // Перспективы развития славянской ономастики / отв. ред.: А. В. Суперанская, Н. В. Подольская ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : МФГО СССР, 1980. – С. 106–121.

10. Отин Е. С. Избранные работы / Е. С. Отин. – Донецк : Донеччина, 1997. – 470 с.

11. Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: словообразовательный анализ / Н. В. Подольская [отв. ред. А. В. Суперанская]. – М. : Наука, 1983. – 160 с.

12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е узд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

13. Скляренко А. М. Плюральные онимы в русском языке и их типологические параллели в других языках / А. М. Скляренко // Актуальные вопросы русской ономастики: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Карпенко. – К. : УМКВО, 1988. – С. 30–35.

14. Скляренко О. Н. Топонимическая метонимия: типологические параллели / О. Н. Скляренко // Мова: науково-теоретичний часопис. – 2010. – № 15. – С. 141–146.

15. Суперанская А. В. Структура имени собственного: фонология и морфология / А. В. Суперанская ; отв. ред. А. А. Реформатский ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1969. – 207 с.

16. Трубачёв О. Н. Названия рек Правобережной Украины.

Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация / О. Н. Трубачёв ; АН СССР, Ин-т русского языка. – М. : Наука, 1968. – 290 с.

17. Черняхивская Е. М. Взаимоотношения между названиями населённых мест и гидронимами / Е. М. Черняхивская // Доклады и сообщения Львовского отдела Географического общества УССР за 1964 год. – Львов, 1965. – С. 82–84.

18. Юрків М. М. Гідронімно-ойконімний паралелізм в українській ономастиці (на матеріалі ономастикону Західної України) / М. М. Юрків. – Тернопіль : Навч. кн. Богдан, 1999. – 132 с.

19. Stieber Z. Toponomastyka Łemkowszczyzny / Z. Stieber. – Cz. I. Nazwy miejscowosci // Lydzkie T-wo Naukowe. Wudz. I., Nr. 3. – Lydz, 1948. – 79 s.

Статтю відправлено: 25.05.2015 р.

© Ткаченко Є. М.

ЦИТ: 215-179
УДК 811.111’42:659.117.1-055

Чуланова Г.В., Шевченко С.В.

ГЕНДЕРНО МАРКОВАНІ ОДИНИЦІ У РЕКЛАМНИХ ТЕКСТАХ

Сумський державний університет,
Суми, Римського-Корсакова 2, 40007

Chulanova G.V., Shevchenko S.V.

GENDER MARKED WORDS IN ADVERTISING TEXTS

Sumy State University,
Sumy, Rimskogo-Korsakova 2, 40007

Анотація: Дана стаття присвячена дослідженню гендерно маркованих одиниць у рекламних текстах. Мовні особливості рекламних текстів зумовлені багатьма екстралінгвістичними факторами, в тому числі і процесами, що мають місце у різноманітних сферах суспільного життя. Гендерно марковані одиниці є своєрідною “приманкою” потенційних покупців, адже вони допомагають сегментувати аудиторію залежно від потреб виробника. Особлива увага у статті приділяється вживанню гендерно маркованої лексики для відображення існуючих гендерних стереотипів у суспільстві. Розглядаються основні категорії гендерно маркованих одиниць залежно від специфіки їх референтів, а також вплив зазначених одиниць на адресатів.

Ключові слова: рекламний текст, гендер, гендерна лінгвістика, гендерно марковані одиниці, референт, адресат.

Abstract: The paper deals with the use of gender marked words in advertising texts. Specific language peculiarities of such texts are caused by extralinguistic factors including processes that take place in different spheres of social life. Gender marked words serve as specific ”attraction” for prospective customers, since they help to segment an audience according to the producer’s requirements. Peculiar attention is focused on the use of gender marked words for demonstration of the current gender stereotypes in society. The main classes of gender marked words depending on the specificity of referents and the influence of these words on the addressees are described.

Key words: advertising text, gender, gender linguistics, gender marked units, referent, addressee.

Вступ. Сьогодні реклама є невід'ємною частиною життя кожного з нас. За рахунок досягнень науково-технічного прогресу, все більшого зростання обсягів міжнародної та внутрішньої торгівлі та особливостей ведення ринкових відносин, реклама перетворилась у мало не один з найголовніших інструментів економічного процесу.

Рекламний текст є основною частиною рекламного послання. Його завдання – привабити покупця та переконати його придбати певний товар. Специфіка рекламного тексту також зумовлюється тим, що будь-яка реклама передбачає наявність певного рекламованого товару, наявність певного кола адресатів, а також певної цільової настанови, тобто мети даного рекламного повідомлення. Таким чином, вигляд рекламного тексту залежить від ряду екстралінгвістичних факторів. Але, все ж таки, існують риси характерні для всіх текстів рекламного дискурсу: чіткість та лаконічність дозволяють миттєво впливати на реципієнта; рекламні тексти супроводжуються зображеннями. адже мова візуальних образів "сприймається швидше і легше і більш точно порівняно з вербальною мовою (текстом)" [9, с. 123]; ієрархічність тексту дозволяє виділити сигнальні фрази, які мають високий рівень ефективності; оцінність допомагає підкреслити позитивні якості рекламованого товару, а обов'язково наявний алгоритм дій покупця та інформація про виробника спонукає адресата до дії [3, с. 138]. У рекламному тексті поєднуються безліч особливостей для реалізації єдиної мети – здійснення впливу на адресата. Рекламний простір являє собою безмежне поле для наукових досліджень, у тому числі й лінгвістичних.

У другій частині роботи увага приділяється сучасним тенденціям вивчення рекламних повідомлень та розвитку гендерно маркованих одиниць як засобу впливу на цільову аудиторію рекламного послання. У третій частині наведені дані про вихідний матеріал та методи, які використовувались під час проведення дослідження для отримання результатів. У четвертій частині надані результати дослідження та їх аналіз. П'ята частина містить висновки щодо проведеного дослідження.

Огляд літератури. Реклама як лінгвістичне явище вже досить довгий час цікавить мовознавців з усього світу. І це не дивно, адже для текстів рекламного дискурсу характерними є ряд особливостей, які роблять їх цілком унікальними і цікавими для вивчення. Вже існує величезна кількість праць присвячених рекламі та її лінгвістичним особливостям, зокрема таких науковців, як: Колокольцев Т. Н. "Рекламний дискурс і рекламний текст", Кутлалиев А. та Попов А. "Эффективность рекламы", Смирнова Т. В. "Моделювання рекламного іміджу", Шуванов В. І. "Психология рекламы". Прагматична парадигма у лінгвістиці розглядає людський фактор у якості суб'єкта та об'єкта мовленнєвої діяльності [8, с. 34]. Рекламний текст можна вважати ефективним, якщо він викликає "зворотній зв'язок", який відіграє велику роль при аналізі суб'єктів рекламного ринку [4, с. 94]. Рекламний текст має прагматичний аспект, адже кінцева мета цього тексту – вплинути на адресата та спонукати

його до дії. Саме задля реалізації цієї мети і використовуються різноманітні прийоми та стилістичні засоби. Незважаючи на значний доробок у цій галузі, значна кількість питань все ж залишається недостатньо дослідженою, зокрема такий аспект, як: вживання гендерно маркованих одиниць у рекламних текстах.

Оскільки на сьогодні панує думка, що гендерна приналежність людини впливає на всі аспекти її життя, ці процеси просто не могли не отримати своє відображення у рекламному просторі, що і підтверджує **актуальність** даного дослідження. **Об'єктом** цього дослідження виступають англомовні рекламні тексти, а **предметом** є гендерно марковані одиниці як один із найефективніших засобів впливу на адресата. **Мета** даного дослідження полягає в аналізі гендерно маркованої лексики у текстах сучасної англомовної реклами.

Проблеми гендерного характеру почали розглядати у другій половині XX ст. До 1960-х рр., психічні або поведінкові властивості, котрі, ймовірно, відрізняють чоловіків від жінок, називали статевими властивостями або відмінностями. У сучасному розумінні термін "гендер" був уведений у науковий обіг наприкінці 60-х років XX ст., для позначення соціальних і культурних аспектів статі. До цього поняття використовувалося тільки для позначення граматичного роду [6, с. 4]. Але вже у 70-х рр., почали розмежовувати поняття "стать" як біологічну статеву ознаку та поняття "гендер", як поняття, що визначає соціальні, культурні і психологічні аспекти, які можна співвіднести з рисами, нормами, стереотипами і ролями, які вважаються характерними або бажаними для тих, кого суспільство вважає чоловіками або жінками. Дослідження цього напряму відокремилися в самостійну галузь науки – гендерологію, яка охоплює величезну кількість напрямків і гендерну лінгвістику, зокрема.

Гендерна лінгвістика – науковий напрям, спрямований на вивчення мови та комунікації у гендерному аспекті [2, с. 100]. Проблематика у гендерній лінгвістиці розглядається в двох аспектах: по-перше, як чоловік та жінка зображені у лінгвістиці, по-друге, чи є відмінності у їхньому мовленні. Гендерні відношення відображаються у мові у вигляді мовних стереотипів, які безпосередньо впливають на поведінку особистості та на процеси її мовної соціалізації. Лінгвістика допомагає виявити відображення гендерних стереотипів, зафіксованих у свідомості носіїв мови.

Для позначення референта-чоловіка або референта-жінки можуть бути використані як граматичні, так і номінативні мовні засоби, які відображають гендерну маркованість, тобто ознаку або комплекс ознак, які дозволяють ідентифікувати мовну одиницю належну до тієї чи іншої статі [1, с. 99]. Ці засоби мають назву гендерно маркованих одиниць. Гендерно марковані одиниці – це одиниці, які тематизують основних актантів гендерно релевантної предметно-референтної ситуації, – референтів чоловіка й жінку [5, с. 61].

Вихідні дані та методи. Вихідними даними для проведення даного дослідження слугували англомовні віртуальні рекламні тексти різної тематики. Під час дослідження були використані такі методи: прагматичний аналіз рекламних текстів – для визначення шляхів впливу текстів рекламного дискурсу на адресатів; описовий метод – для опису особливостей рекламних

текстів; контекстуально-інтерпретаційний метод – для визначення шляхів впливу на адресата за допомогою специфічної організації рекламного повідомлення та використання у ньому гендерно маркованих одиниць; метод словникової дефініції – для проведення розмежування між використаними термінами; кількісний аналіз – для виявлення частоти вживання гендерно маркованих одиниць, що відносяться до різних категорій.

Результати. Обговорення та аналіз. Рекламні повідомлення містять такі категорії гендерно маркованих одиниць: ідентифікуючі гендерно марковані одиниці; одиниці, що вказують на соціальний статус референта; гендерно марковані одиниці, які позначають вікову категорію референта-чоловіка або референта-жінки; а також гендерно марковані лексеми, що підкреслюють "вищий соціальний статус" референта. Серед зазначених категорій з найбільшою частотністю вживаються ідентифікуючі гендерно марковані одиниці, найменше представлені у рекламних текстах гендерно марковані одиниці виражені займенниками другої особи однини *you*, займенниками третьої особи однини *he, she* та власними назвами.

За результатами проведеного дослідження на першому місці за частотою вживання у англомовних рекламних текстах знаходяться ідентифікуючі гендерно марковані лексеми *man* та *woman*: *Care makes a man stronger. – Dove Men; Be nice to your woman. – Madara Organic Skincare; There two only things a man can't resist…a pint of Guiness and Another Pinti. – Guiness Beer; Let the Average Man be divine. – Levi's Jeans; This country was not built by men in suits. – Levi's Jeans; The 12th annual Women's Golf Classic: priceless. – Master Card; Smellcome to Manhood.– Old Spice; On the feet of the most beautiful women. In the hands of the most jealous wives. – Havaianas Beach Shoes; What smart woman is wearing. – Apha Keri Skin Treatment.* Частотність вживання зумовлена тим, що зазначені лексеми, хоча і вказують на цільову аудиторію, але все ж є досить нейтральними, тобто не розділяють цільову аудиторію за соціальною чи віковою ознакою. Реклама спрямована на підсилення привабливості товару шляхом використання гендерних стереотипів: за допомогою використання гендерно маркованої одиниці *woman* у рекламі акцентується увага на привабливості жінки-адресата, а одиниця *man* використовується для створення відчуття мужності та сили.

Досить часто у рекламних текстах можна зустріти гендерно марковані одиниці, які вказують на соціальний статус референта: *To all those who use our competitor's products: Happy Father's Day! – Durex; Well done! Now you can watch TV! Mummy. – Pilot; Sorry, we are not your mother! – Art Directors Club Ukraine; There comes a time when you feel you can't cope anymore, and for a few hours you'd leave him with anybody. Even your mother-in-law. – Huggies; Ask your mother. Ask your father. Ask a Nobel Prize winner. – France Telecom; Even mom can get the glass! – California Milk Advisory Board; Try Organic Food…or as your grandparents called it "food". – Organic Food; Sister knows best. – Vegemite; I didn't know she was your sister. – Fleurop; When your son plays the tuba no one wins. – Nike.* Лексеми *mother (mummy, mom)* на рівні підсвідомості реципієнта асоціюються з дитинством, народженням, піклуванням, а тому так часто

використовуються в якості атрактивного рекламного засобу. Суспільні стереотипні уявлення щодо сімейно-родинних відносин переносяться і в рекламний простір, певним чином інтимізуючи атмосферу, приближуючи її до сімейної та таким чином викликаючи довіру у реципієнта. Адже будь-який реципієнт позитивно сприймає об'єкт реклами, цінність якого визнають авторитетні для нього люди [7, с. 146]. З цією метою використовуються "теплий", дружній стиль мовлення та вирази, які зазвичай притаманні "родинному" спілкуванню: *Well done! Now you can watch TV! Ask your mother. Ask your father. Sister knows best.* Використання саме таких гендерно маркованих одиниць є найбільш ефективним, адже у даному разі вплив на адресата здійснюється за рахунок використання його емоційної реакції на слова, які у підсвідомості вже марковані як позитивні.

У разі, коли адресатом рекламного повідомлення є аудиторія молодшого віку, у рекламних текстах використовуються лексеми *boy, girl*, а також розмовна лексика: *Guys + more guys + "Ja, but how do you know it hurts?" – That's why we insure women. – Women Insurance Company United; The boy who makes my morning Latte. – Levi's Jeans.; Funny how a boy seems to make the best partner. – Famous Parker Games; Toilet-Boy. Cleanness you can trust. – Sani; Flyboy – the sky is the limit. – Boys Room Wall Art Print; Girls Rule! – Barbie; Don't be the Minivan Guy. – Ford S-max.* Для реклами, яка направлена на чоловічу аудиторію характерним є вживання колоквіалізмів та більш гострих, іноді грубих висловлювань. Також для підкреслення мускулінності адресата можуть вживатись вирази, притаманні чоловікам – *flyboy* (колоквіалізм, який використовується солдатами, "пілот"). Для адресатів-жінок, навпаки, використовують більш нейтральну і навіть дещо "ввічливу" манеру висловлювання.

У якості гендерно маркованої лексики у рекламних текстах також вживаються займенники третьої особи однини *he, she* та їх граматичні форми: *Where is she now? – Coco Mademoiselle Perfume; Playboy for her. – Playboy; The first thing she notes…are your shoes. – Adidas; You stay dry. She gets wet. – Brut Antiperspirant; She was just another one. He was the one. – The Axe Effect; She'll tell you size doesn't matter. She's lying. – Carl's Jr. Burgers.* Але оскільки займеннику третьої особи властива певна безликість, у рекламних текстах не так багато прикладів вживання гендерно маркованих одиниць такого типу. Найчастіше займенники третьої особи однини використовуються у висловлюваннях для створення дещо романтичної та інтимної атмосфери і допомагають "обіграти" у рекламному тексті тему стосунків між чоловіком та жінкою.

Через такі гендерно марковані лексеми, як: *king/queen, gentleman, lady, master/mistress*, у текстах рекламного дискурсу виражається вказівка на "вищий соціальний статус": *The King kissed by a Queen. – The Crown Royal; The king and queen must eat thereof and nobleman besides. – Jell-o; Bud – king of beers. – Bud; The day I was Queen. – Oxfam; What makes a gentleman? – English Blazer; A gentleman never goes out of style. – Yardley; Mistress of puppies. – Diesel; The Australian Ladies Masters. – Ladies Masters Golf Tournament.* У даному випадку

марковані лексеми використані не для позначення титулу, а для реалізації прагматичного аспекту зазначених засобів. Тобто використання високостилістичних мовних засобів допомагає викликати у адресата почуття унікальності, вишуканості, що, в свою чергу, слугує приваблюючим фактором та допомагає реалізувати головну мету рекламного тексту.

Крім того, у деяких випадках, гендерно марковані одиниці зумовлені контекстом. Сюди можна віднести власні назви, займенники другої особи однини: *Bob's Burger – Bob's; I dove you – Dove; You are my type. – Gillette; John Smith's Brands that can travel the world. – John Smith's Bier; Paul loved to smoke. Then one day he had a change of heart. – Apollo Hospitals.* Гендерна маркованість у даному випадку зумовлена специфікою рекламованого товару, тобто у випадку з *Gillette* реципієнту зрозуміло, що особовий займенник *you* вказує на адресата реклами, тобто на представника чоловічої статі. В той час як той же займенник, але вже у рекламному тексті компанії *Dove*, націлений на жіночу половину аудиторії, адже товар призначений саме для жінок. Власні назви також є гендерно маркованими одиницями, оскільки той факт, що *Bob* та *John Smith* є чоловічими іменами, свідчить про те, що ці лексеми мають мускулінну гендерну маркованість.

Висновки. На основі вищезазначеного можна зробити висновок, що рекламний текст має ряд особливостей, які й визначають специфіку мовних засобів, які будуть використані у ньому. Серед наявних засобів гендерно марковані одиниці займають далеко не останнє місце за частотою їх вживання. Адже саме через них відображаються процеси гендерного диференціювання, які відбуваються у сучасному суспільстві. Гендерно марковані одиниці – це одиниці, в лексичному значенні яких міститься компонент, що позначає гендерну маркованість. Залежно від того, на кого саме націлена реклама та від особливостей товару, що рекламують, використовують такі категорії гендерно маркованих одиниць: ідентифікуючі гендерно марковані одиниці; одиниці, що вказують на соціальний статус референта; гендерно марковані одиниці, які позначають вікову категорію референта-чоловіка або референта-жінки; а також гендерно марковані лексеми, що підкреслюють "вищий соціальний статус" референта. Також у якості гендерно маркованих лексем можуть вживатися займенники третьої особи однини, але їм властива певна безликість, тому випадки їх вживання досить нечисленні. Гендерно марковані лексеми, що вказують на статеву належність референта, його соціальну роль та вікову категорію, досить часто зустрічаються у рекламному просторі, який просто не може не слідувати новомодним тенденціям у суспільстві.

Одиниці з гендерною маркованістю допомагають сегментувати аудиторію для кращого маніпулювання нею, зробити рекламне повідомлення більш привабливим для реципієнта та вселити йому віру в те, що даний рекламний текст спрямований конкретно на нього. А тому, гендерно марковані одиниці є досить ефективним засобом для здійснення впливу на адресата у процесі рекламної комунікації.

Проведене дослідження не є вичерпним, а тому перспективним є дослідження тенденцій вживання розмовної гендерно маркованої лексики у

текстах рекламного дискурсу, а також вживання власних назв та займенників другої особи однини як гендерно маркованих одиниць у рекламних текстах.

Література:

1. Горошко О. І. Гендерно маркована лексика / О. І. Горошко, Н. М. Галунова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серія "Філологія". – 2006. – Т. 19. – № 2. – С. 99–102.

2. Кирилина А. Лингвистические гендерные исследования / А. Кирилина, М. Томская // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 89–101.

3. Красавский Н. А. Печатный рекламный текст как отражение системы ценностей социума / Н. А. Красавский // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / под ред. Т. Н. Колокольцевой. – М. : Флинта : Наука, 2011. – С. 138–139.

4. Кутлалиев А. Эффективность рекламы : уч. пособ. / А. Кутлалиев, А. Попов. – 2-е изд. – М. : Эксмо, 2006. – 416 с.

5. Мартинюк А. П. Конструювання гендеру в англомовному дискурсі : монографія / А. П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.

6. Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики : зб. наук. пр. / М-во освіти і науки, молоді та спорту України, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка / відп. ред. Н. М. Корбозерова. – К. : Логос, 2011. – Вип. 20. – С. 3-9.

7. Смирнова Т. В. Моделювання рекламного іміджу : навч. посібник / Т. В. Смирнова. – К., 2004. – 166 с.

8. Чуланова Г. В. Коммуникативно-прагматический потенциал англоязычных вторичных текстов-отзывов / Г. В. Чуланова, Л. В. Щигло // Сборник научных трудов SWorld. – Иваново: Полиграфический центр "Домино", 2014. – Выпуск 2, Том 19. – С. 33–39.

9. Шуванов В. И. Психология рекламы : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. И. Шуванов. – Изд. 2-е. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 315 с.

Науковий керівник: к. філол. н., доц., Чуланова Г.В.
Стаття відправлена: 03.06.2015 р.
© Чуланова Г.В., Шевченко С.В.

ЦИТ: 215-188
УДК 1,2,8,39

Жаркова Т.В.

РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ И ЕГО РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СМИ)

Санкт-петербургский государственный институт кино и телевидения
Санкт-Петербург, ул. Правды, 13

Zharkova T.V.

THE SPEECH MANIPULATION AND ITS RHETORICAL TECHNIQUES OF THE IMPACT (BY THE EXAMPLE OF MASS MEDIA)

Saint-Petersburg State Institute of cinema and television
Saint-Petersburg, Pravda st., 13

Аннотация. Статья анализирует речевое манипулирование как понятие и явление, его признаки и функции. На примере современных массмедиа рассматриваются некоторые риторические приемы воздействия на массовую аудиторию.

Abstract. The article analyzes the speech manipulation as a notion and a phenomenon, its features and functions. The article reviews some rhetorical techniques of the impact on mass audience by the example of mass media.

Ключевые слова: речевое манипулирование, массмедиа, массовое сознание, риторические приемы.

Key words: speech manipulation, mass media, mass mind, rhetorical techniques.

Вступление..Термин «манипулирование» имеет латинское происхождение. Французское «manipulatio» восходит к латинскому «manipulus» - «горсть». Отсюда прямое значение – движение рук, связанное с выполнением определенной задачи…; переносное значение – махинация, мошенническая проделка [10:358]. Отрицательная коннотация преобладает при восприятии данного слова носителями русского языка. Сходные дефиниции дает Толковый словарь русского языка: «Манипуляция, -и, ж. 1. Сложный прием, действие над чем-н., при работе руками, ручным способом (книжн.). 2. перен. Проделка, махинация (неодобр.)». [7:341]

Обзор литературы..Приемы речевого манипулирования были рассмотрены на примерах их использования в современных средствах массовой информации. В данной работе анализируется влияние манипулятивных методов на массовое сознание через призму исследований этого явления, таких именитых деятелей науки, как ученый Сергей Георгиевич Кара-Мурза, литературовед и декан факультета журналистики МГУ Ясен Николаевич Засурский, профессор Герберт Шиллер, доктор психологических наук Евгений Леонидович Доценко и др.

Основной текст. Известный российский политолог С.Г. Кара-Мурза в своей работе «Манипуляция сознанием», комментируя значение этого слова в современных публицистических текстах, отмечает, что для целенаправленных ручных действий «требуются ловкость и сноровка… Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми, как с объектами, вещами». [2:15] Добавим к этому и определение отечественного психолога Е.Л. Доценко, который выделяя обобщенные критерии данного понятия с точки зрения психологии: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями». [1:59]

Сила слова, искусство убеждения словом были высоко оценены еще в античности и породили науку убеждения – риторику. Лучше всех это выразил Цицерон: «Есть два искусства, которые могут поставить человека на самую высокую ступень почета: одно – искусство полководца, другое – искусство хорошего оратора». [6:31] В XX в. понимание того, как возможностями языка можно управлять поступками людей, было положено в основу наук, занимающихся техникой пропаганды и манипуляции сознанием людей.

В первых исследованиях после Первой мировой войны в 20-е гг. XX в. появились термины языковое и речевое манипулирование. Поскольку факт манипулирования реализуется через речевой акт, то это явление речи, использующее средства языка как орудие. Далее мы будем использовать термин – речевое манипулирование.

В современной науке сформированы дефиниции данного термина. Приведем один из них: «Речевая (языковая) манипуляция (манипулирование) – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата». [4:25]

На основании вышесказанного попробуем выделить основные признаки речевого манипулирования:

1) это духовное воздействие, обращенное к эмоционально-психологической сфере и менее к интеллектуальной сфере человеческой психики;

2) объект воздействия – человеческая психика, психология массового адресата;

3) отношение к адресату не как личности, но как к предмету воздействия, без учета его реальных потребностей и ценностей;

4) субъект воздействия скрывает свои истинные цели;

5) внедрение в массовое сознание под видом объективной некоей информации, выгодной для источника – субъекта;

6) отвлечение адресата – объекта воздействия от основной цели, преследуемой автором – субъектом воздействия;

7) создание необходимой иллюзии с целью формирования определенных взглядов, убеждений, предпочтений, т.е. стереотипа мышления, а затем и поведения;

8) конечный смысл этого воздействия – побуждение объекта к заранее программируемым действиям.

В работе известного социолога из ФРГ Г. Шиллера подчеркивалась специфика манипулирования – «психическое воздействие, которое проводится **тайно**, а, следовательно, и **в ущерб тем лицам, на которых оно направлено**» [2:20] (выделено нами – Т. Ж.) Таким образом, сокрытие истинных целей и истинного положения дел также входит в основные признаки манипулирования.

В другой своей работе Г. Шиллер пишет: «… успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно… для манипуляции требуется фальшивая действительность…» [13:27-28]

Если мы будем рассматривать речевое манипулирование, наиболее распространенное в настоящее время, то выделяем его дополнительные признаки:

1) поскольку речь идет о речевой манипуляции (далее – Р.М.), то манипуляция - продукт информационного воздействия. Сфера его реализации – медиапространство, инструмент его – мировые СМИ;

2) осуществление Р.М. – технологии, которые требуют специальных знаний, отсюда появление научных учреждений, изучающих данные проблемы, научной литературы по теме, подготовка специалистов для решения подобных задач и выполнения необходимых действий;

3) реализация Р.М. – использование процесса внушения, т.е. вместо убеждения, обращенного к интеллектуально-логической сфере психики, эмоционально-психологическое воздействие через некритичное восприятие концептуальной информации;

4) особая языковая организация текстов Р.М., основанная на использовании как психологии, так и риторики, ее накопленных за века существования приемах воздействия на аудиторию.

Чаще всего Р.М. в настоящее время проявляется в двух сферах: идеологической – пропаганда и экономической – реклама.

Коммуникативные средства, необходимые для достижения целей манипуляции впервые были описаны в 30-е гг. XX в. Институтом анализа пропаганды в США. Это так называемая «азбука пропаганды»: 1) навешивание ярлыков; 2) блистательная неопределенность; 3) перенос (или трансфер); 4) ссылка на авторитеты, свидетельства (или свидетельствования); 5) свои ребята (или игра в простонародность); 6) общий вагон (или фургон с оркестром). [11]

В последующие годы и особенно в настоящее время манипулирование сознанием населения приобрело массовый характер. Появился термин «мягкая сила». Интернет и социальные сети, СМИ в разных своих вариантах, электронных и печатных, превратились в эффективный инструмент Р.М. Об этом писал В.В. Путин в своей статье: «В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» - комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия». [9:5]

С. Кара-Мурза считает, что для успешного воздействия необходим «контроль за информационным рационом» человека. [2:277] Таким образом, количество и содержание предлагаемой аудитории информации заранее нацелено на определенные результаты. Пища духовная, т.е. то, что за нее выдается, продуманный, жестко ограниченный и экспрессивно характеризуемый набор сведений, выдаваемый за единственно верную истину.

Разработана система методов манипулирования сознанием, в которой наиболее распространенными являются метод констатации фактов, проведение ложных аналогий, метод эмоционального резонанса, метод анонимного авторитета, метод будничного рассказа, метод обратной связи в информационной блокаде, эффект ореола, эффект первичности.

Тем не менее актуальными остаются и проверенные временем методы и приемы воздействия, разработанные риторикой. Еще Аристотель указывал, что риторика учит находить различные способы убеждения, объединять процессы логического и нелогического, рационального и иррационального. Чтобы не исказить учения Аристотеля, напомним, что великий мыслитель подчеркивал – логические доказательства, обращенные к разуму, и нравственные доводы, затрагивающие душевную сферу, всегда на стороне правды.

Сейчас активно используется одна из риторических фигур, такая, как умолчание (или блокирование, или утаивание информации – так она реализуется в массмедиа). Ее цель – не допустить истинную картину событий в медиасферу.

Как вариант – блокирование – это умолчание о подлинных масштабах гуманитарной катастрофы в Донбассе в западных СМИ. Еще один пример уже из российских СМИ – умолчание о подлинной причастности экс-министра А. Сердюкова к масштабной коррупции и хищениях в Министерстве обороны в период его руководства им. Используют умолчание и западные СМИ. Поток мигрантов из Ливии все возрастает, обсуждаются необходимые меры по его ограничению, вплоть до затопления используемых перевозчиками плавсредств. Но умалчивается о причинах миграции, о роли Запада в разрушении стабильной ситуации в Ливии.

Умолчание используется при освещении непопулярных политических и экономических акций. СМИ сообщают в таких случаях о частностях, отдельных случаях, но не называют конкретных виновников, не анализируют истинные причины ситуации и масштабы последствий. В качестве примера обратимся к интервью с выдающимся российским ученым, директором Института океанологии академиком Робертом Нигматулиным. Оно посвящено «холодной войне» между Министерством образования и науки в лице его главы Д. Ливанова и РАН. Несмотря на острую критику министра: «Что касается науки, то я – директор крупнейшего научного института, член Президиума РАН – совершенно не понимаю, какое отношение это министерство к ней имеет. Когда Ливанова назначили на этот пост, я и ряд моих коллег, в том числе вице-президент РАН, пытались записаться к нему на прием. Нам ответили, что у него нет времени с нами встречаться. И вы хотите поднять страну, создать систему импортозамещения с таким отношением министра к ученым, руководителям академических институтов?» [12:20] Умолчание здесь в том, что ни интервьюируемый, ни корреспондент не говорят о том, кто назначил Ливанова на этот пост и, невзирая на многочисленные жалобы, позволяет ему самоуправствовать, разваливая РАН. Только заголовок намекает на это, давая имплицитную оценку происходящему – Власть «послушных».

Как считает С. Кара-Мурза, и ложь через умолчание является сегодня в общественной жизни явлением постоянным и обладает высокой интенсивностью. [2:562]. Он классифицирует типы умолчания. Замалчивание намерений – первый из них. Зададим вопрос: зачем Ираку наращивать вооруженные силы и привлекать зарубежных военных специалистов, если война в Ираке считается завершенной? Далее – умолчание цели. С какой целью Польша требует увеличить площадь для мемориала под Смоленском, где разбился польский самолет с руководством страны, до 115 тыс. м²? Также используются умолчания методологических ошибок, умолчание цены и т.д. Так, с начала 2000-х гг. в петербургских СМИ писали как о достижении – отказе от трамвая как вида общественного транспорта, перечисляли улицы, с которых убирали трамвайные пути, мешающие автомобилистам. В настоящее время об этом молчат и, наоборот, пишут, что трамвай – самый экологичный

вид транспорта, что Париж и Вена сохраняют и расширяют трамвайные парки, а нам неплохо бы перенимать европейский опыт. Пример с умолчанием цены можно найти в любых массмедиа: российские молчат, во что обходится России гуманитарная помощь ДНР и ЛНР? Западные молчат о том, как отзовется на европейских налогоплательщиках развал таких государств, как Ливия, военные операции в Сирии, Йемене?

Почему умолчание можно считать обманом, пишет Ю. Щербатых: «Если у реципиента туже существует неправильное представление о каком-то явлении или событии, а индуктор не сообщает ему истину, хотя по своему социальному статусу должен был это сделать. Формально в этом случае ложь отсутствует, однако результат один - введение другого человека в заблуждение». [14:114]

Другой риторический прием, также активно используемый в медийном пространстве, основан на подмене понятий. Это нарушение законов логики как риторический прием. Таким образом, строятся различные Р.М. Как прием демагогии используется подмена понятий: одно значение подменяется другим, оставляя в тени истинные цели и намерения субъекта. Подмена понятий используется и как манипулятивный прием: это создание определенной эмоциональной атмосферы в массовом сознании, когда эмоциональные оценки должны вытеснить рациональные. В качестве первого варианта приведем статью В. Костикова «Индекс позитива. Какой она будет наша «дорога к храму»?» Кратко о содержании статьи: начав с приближающегося 100-летия приезда Г. Уэллса в Россию, его встречи с В.И. Лениным и публикации очерков «Россия во мгле», автор пишет об актуальности этого события приданного ему мифологического характера: «К сожалению, тяга к историческим мифам и новым иллюзиям в России настолько велика, что она заражает не только власть, но и широкие слои населения. Настолько заражает, что порой трудно понять, кто является источником и носителем иллюзий – власть, обольщающая народ неминуемым светлым будущим, или народ, никак не желающий понять, что источником богатства являются труд и конкуренция, а не вера, что наша «дорога к храму» идет по каким-то особым, неведомым Западу тропам.

Недавнее исследование ВЦИОМ снова подтвердило, что народ наш обладает каким-то особым даром самообольщения… Кризиса он в упор не видит. Для него это временные затруднения, а санкции – способ прихорошиться.

Позитивная оценка ситуации в стране населением и индекс социальных настроений устремляются вверх и достигли максимума за весь период наблюдений… Большинство опрошенных (74%)…» [5:7]

Подмена понятий налицо: хорошо известно из последнего общения Президента с народом, сколько было жалоб и претензий, просьб о помощи. В проблемах в жизни населения постоянно есть материалы в СМИ всех версий. Так что кризис и санкции как способ собраться и реализовать свои возможности – это скорее позиция чиновно-бюрократического аппарата, причем не на словах, а на деле: далее, любой соцопрос – это манипулятивный прием. 74% опрошенных – от какого числа участников? От 100%? Или от полутора тысяч? Таким образом, и демагогия, и манипуляция в данном тексте

СМИ присутствует.

Эти приемы, как и другие способы манипуляции, часто употребляются в интервью. Историк и политолог А. Зубов, отвечая на вопрос журналиста: «По-вашему, никаких реальных достижений советская эпоха не принесла?», использует их. Он говорит: «XX век - это век мощных рывков в области экономики, народного хозяйства и т.д. [демагогия – о какой стране или странах идет речь? Какой период времени взят за отсчет: с 1901 г. или с 1917 г.?] Конечно, и в советское время мы шли тем же путем, что и подавляющее большинство развитых стран, но все больше и больше отставая от них». [снова Р.М. – несколько войн, обрушившихся на нашу страну, причем и с ведением боевых действий на нашей территории, огромные человеческие потери, страшные разрушения на оккупированной территории – кто из европейцев так пострадал в XX веке? – явная демагогия и подмена понятий]. Далее Зубов продолжает еще более беспрецедентное сравнение: «США за этот исторический период тоже достигли больших успехов, но при этом не умертвили десятки миллионов своих граждан, не разрушили экономики, не уничтожили сельское хозяйство и т.д.» [8:9] Такая манипуляция – встраивание в однородный ряд, когда к понятиям, основанным на одном логическом основании – в данном случае скачок в научно-промышленном развитии в мире был связан с научно-технической революцией прежде всего, присоединяется обвинение в адрес СССР, где якобы разрушались экономика и сельское хозяйство. Однородный ряд – Европа, США, СССР – рассматриваются на разных логических основаниях. А на сопоставление с успехами США в тот же исторический период хочется ответить словами видного специалиста в области международных финансов, проф. В. Катасонова: «Накануне Первой мировой войны Америка имела гигантский внешний долг. Но по ее итогам США стали крупнейшим кредитором, а после Второй мировой сосредоточили 70% мировых запасов золота. Выиграв третью мировую, США тоже смогут избавиться от долгов: попросту спишут со своего баланса кредиты стран, которых назначат виновными за развязывание войны. Более того, Америка сможет обложить «виновных» репарациями и контрибуциями. Есть и другие способы обнуления долгов». [3:9] Таким образом, мы видим, что политолог А. Зубов использует Р.М. в точном соответствии с дефиницией из энциклопедического словаря по политологии: «Манипулирование – это процесс воздействия на общественное мнение и поведение для его канализации в нужном определенным политическим или общественным структурам направлении».

Заключение и выводы. Сфера массовой коммуникации стала ареной борьбы за умы. Поскольку мы живем в информационном обществе, то коммуникативное пространство массмедиа стало решающим фактором влияния на стереотипы мышления и поведения. Использование же риторических приемов воздействия помогает доказывать возможное, вероятное или желаемое для субъекта Р.М. в тех случаях, когда реальная достоверность оказывается недостаточной или не соответствует требующимся результатам. Известный социолог Э. Тоффлер в своей книге «Третья волна» ввел понятие инфосфера,

обозначающее глобализацию информационных процессов в современном мире. И риторические приемы, которым уже две с половиной тысячи лет, участвуют в этих процессах. Мы можем с сожалением констатировать - чаще всего они используются в Р.М.

Литература:

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001.
3. Катасонов В. Голый доллар. Ради «Земного» Штаты готовы развязать войну. – АиФ, №20, 13-19.05.2015.
4. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2008.
5. Костиков В. Индекс позитива. – АиФ, №20, 13-19.05.2015.
6. Об ораторском искусстве: Сб. изречений и афоризмов. М., 1980.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2003.
8. Полупанов В. Исцелиться от дурмана: Андрей Зубов о том, как нам избавиться от «советскости». – АиФ, №18, 29.04 – 5.05.2015.
9. Путин В.В. Деятельность» псевдо-НЛО», финансируемая из-за границы, недопустима. – Петербургский дневник. №8 (374), 1.03.2012.
10. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
11. Техника дезинформации и обмана/Под общ. ред. Я.Н. Засурского. М., 1978 - http://maxima-library.org
12. Чуйков А. Власть «послушных» - Аргументы недели, №15 (456), 15.04.2015.
13. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
14. Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М., 2002.

Статья отправлена: 04.06.2015 г.
© Жаркова Т.В.

ЦИТ: 215-200
УДК 81’373.612.2

Федорова Л.Н.

МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ УКРАИНСКОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Киевский национальный
Торгово-экономический университет
г. Киев, ул. Киото 19, 02156

Fedorova L.N.

METAPHORS IN TEXTS UKRAINE NEWSPAPER-MAGAZINE PERIODICALS: PRAGMATIC ASPECT

Kiyv national trade and economic university
Kyiv, Kioto street 19, 02156

Аннотация. В статье рассматривается метафора как одно из основных

языковых средств формирования прагматичного влияния современной газетно-журнальной периодики. Прослеживаются механизмы возникновения оценочных смыслов в процессе метафоризации, а также реализация функции манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, влияние, оценка, манипуляция.

Abstract. The article considers metaphor as one of the most principal linguistic means of the formation of pragmatic influence by modern newspaper and magazine periodicals. It also observes the mechanism of evaluative meanings appearance in the process of metaphorical transfer, and realization of the function of public consciousness manipulation.

Key words: metaphor, metaphorical transfer, influence, evaluation, manipulation.

Вступление. Обзор литературы. Изучение и всесторонний анализ роли СМИ в освещении проблем массового сознания, в манипулировании общественным сознанием – важное направление современных научных студий. Это подтверждают многочисленные труды и статьи украинских (И.И. Брага, И.О. Филатенко, В.В. Ризун, Л.В. Семиволос, О.М. Чадюк, Х.П. Дацишин, Т.В. Весна и др.) и русских исследователей (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, Е.В. Темнова, С.В. Агеев, О.Е. Рожкова и др.).

Предметом исследования настоящей работы является выявление функционально-прагматических особенностей метафоры в текстах украинской газетно-журнальной периодики (дальше ГЖП).

Цель данной статьи – анализ прагматических свойств метафор тематических групп «Война» и «Театр» в украинской периодике начала XXI века. Актуальность исследования заключается в его непосредственной связи с основными приоритетами современной лингвистики.

Материал исследования – метафорические конструкции украинских газет «Сільські вісті», «Україна молода», «День», «Молодь України», «Україна і світ», «Українська правда», «Дзеркало тижня», «Високий замок» и журналов «Політика і культура», «Український тиждень» за период с 2003 по 2013 гг.

Основной текст. Авторы статей ГЖП определенным образом интерпретируют фрагменты действительности, создавая “специальную медиа-картину мира”. Осуществляя процесс информирования, они задаются целью сфокусировать внимание адресата, заставить его воспользоваться данной информацией, убедить его в её достоверности. Таким образом, информационная и воздействующая функции – основные функции газетно-публицистического стиля. «При этом, – как утверждает Е.В. Покровская, – определяющую роль играет прагматическая ориентация газетного текста, которая рассматривается как передача информации с запрограммированной установкой на её социальную оценку в заданном направлении. Реакция читателя для журналиста – это конечная цель коммуникации, и она должна быть только такой, какой он её себе представляет, она сознательно запрограммирована, и все используемые средства должны служить её реализации» [4:81].

Большое количество людей, даже не понимая этого, подвергаются влиянию манипуляторов, которые реализуют свои намерения через посредничество СМИ. Как отмечает И. В. Жуков, языковая коммуникация постепенно переходит (если уже не перешла) к разряду самого современного, экологически безопасного, а главное самого эффективного оружия [3]. В пределах манипулятивных стратегий сообщение может быть подано в определенное время, определенным образом и в определенном виде, через четко избранные каналы СМИ, что обеспечит успешность манипулятивного влияния на аудиторию.

Манипуляция – это скрытый вид духовного, психологического, языкового влияния, цель которого проникновение к психологическим структурам личности человека, то есть программирование общественных мыслей для обеспечения определенного поведения, предоставления сообщениям желаемого содержания, выгодного манипуляторам.

Реализация функций влияния и манипуляции, концептуализации событий, которые освещаются на страницах ГЖП, требует выбора способов номинации, диктует поиск удобных языковых единиц, механизмов, использование которых является коммуникативно-оправданным. Метафора, которая является «постоянным рассадником «алогичного» (Н.Д. Арутюнова), то есть нестандартным языковым явлением, «нарушением логического порядка в языке» (В.М. Телия); наделяет факты и события, которые описываются, оценкой, формирует «необходимое» отношение к действительности, – одно из наиболее эффективных языковых средств прагматического влияния.

Эффективное использование метафоры, присутствие которой незаметно массовому потребителю, как утверждают психологи, позволяет влиять не на сознание реципиента, а на несознательные компоненты его психики, в частности на эмоционально-экспрессивное восприятие. Минуя логику, метафоры оптимизируют ассоциативные связи, апеллируют к стереотипам, формируя сверхрациональное отношение к описываемому явлению.

Коммуникативную цель метафоры на страницах ГЖП можно определить как реализацию языкового влияния с целью формирования у реципиента (чаще всего общества в целом) или позитивной, или негативной мысли о том, или ином явлении (политике, партии, программе, мероприятии, событии и др.). В области масс-медиа метафоры имеют достаточно специфический характер, поскольку касаются общественно-политической жизни и выступают актуальными факторами творения языкового дискурса в политической сфере, несут оценочную нагрузку.

Результаты. Обсуждение и анализ. Исследуемый материал показывает, что больше всего метафор принадлежит к тематической сфере **«Война»**. На страницах современной прессы Украина представляется государством, где постоянно длится “война всех против всех”. Напр.: *Останній перед парламентськими канікулами тиждень ошелешив український електорат спалахом відчайдушних політичних «боїв» – як у Верховній Раді, так і поза її стінами (МУ, 14.07.05)*; наши политики, бизнесмены и даже обычные люди, ведут жестокую и агрессивную войну из себе подобными вместо того, чтобы

совместно решать проблемы, которые возникают. Политическая деятельность регулярно концептуализуеться как военные действия, где «*українська влада розпочинає нову атаку на опозицію» (УП, 06.02.13)*, длится «*жорстка інформаційна війна» (Д, 14.01.10), «нафтогазова війна» (Д, 17.01.07), «судова війна» (Д, 09.02.10),* а *«новому президенту потрібно виграти ще принаймні три битви: битву проти старої коаліції і прем'єр-міністра, битву за нову коаліцію і прем'єр-міністра, битву за інституціональний контент свого президентства» (УП, 26.02.10)*. В сознании наших политиков депутаты от другой партии – это не партнеры, которые предлагают другой путь для процветания Украины, а воины враждебной армии, которую необходимо победить: «*Годилося б запитати: заради чого ламали списи воїни СДПУ(о)?» (ПіК, 2004, № 15); «Генерали» і «солдати» армії Азарова (ВЗ, 16.03.10);* принятие важных законопроектов в парламенте – победа в решающем бою: «*Після невдалих для влади виборів 2002 р. Кучмі все-таки вдалося виграти «битву за парламент»... (УіС, 2005, № 41, с.5)*.

«Милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернативных путей в решении конкретных проблем» [6].

Вторую группу составляют метафоры из сферы **«Театра и цирка»**, прагматический потенциал которых определяется нечестностью, неестественностью, имитацией реальности политической жизни Украины: *«Створення коаліції в Україні щоразу перетворюється на фарс з елементами трагедії. Фарс ллється на екрани, трагедія розгортається» (УП, 26.02.10), «Тому 450 депутатів складають дуже дорогий політичний цирк для держави» (Д, 09.11.12).* Соответствующие метафоры, как правило, характеризуются пейоративной аксиологичной окраской и актуализируют эмоции, которые выражают неприятие такой политической действительности. Рассмотренный материал отображает типичные представления граждан о неискренности, несамостоятельности многих политиков, которые действуют за законами «*политической драматургии» (УіС, 2003-2004, № 50),* об их неподлинности и излишней карнавальности: «*…дивишся на політиків і бачиш суцільних блазнів і клоунів…Бо вони грають такий собі колективний Homo Ludens, хоча йдеться про речі зовсім не з цієї «опери», про речі надто трагічні...» (УТ, 09.10.12);* о наличии каких-то тайных сценариев «*геть неталановитих вистав» (УМ, 29.01.05),* режиссеров: «*Як досвідчений правник і режисер політичних сценаріїв, Лавринович багато зробив для забезпечення перемоги своєму шефу…» (ВЗ, 16.02.10)* и зарубежных суфлеров: *«я [Борис Олійник] ... як завжди голосуватиму за справді незалежну Україну, що не дослухатиметься суфлерів ні з Вашингтона, ні з Москви чи Анкари, а говоритиме з ними як рівня з рівними» (СВ, 16.11.04)* в политической жизни страны.

Заключение и выводы. Следовательно, метафора современной ГЖП имеет значительный прагматичный потенциал: она влияет на мышление и чувства человека и поэтому активно используется в процессе «политической аргументации» [1:189]; адресанты исследуемых единиц последовательно реализуют свои установки, главное место среди которых занимает установка на

оценку; в трактовке политической жизни Украины преобладает метафорика с коннотативним значением угрозы здоровью и жизни, которая влияет на формирование негативного отношения к политическим процессам в государстве.

Литература:

1. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. – С. 189.
2. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52-65.
3. Жуков И. В. Война в дискурсе современной прессы. – 2001. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: HTTP: // TENETA. rinet.ru / rus/ii/iliazhukov war.htm.
4. Покровская Е.В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. – 2006. – № 3. – С. 81-87.
5. Чадюк О.М. Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації: ДИС. ... кандидата філол. наук. – К., 2005.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное иследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

СВ – “Сільські вісті”
ПіК – “Політика і культура”
ВЗ – “Високий замок”
Д – “День ”
МУ – “Молодь України”
УіС – “Україна і світ”
УТ – “Український тиждень”
УМ – “Україна молода”

Статья отправлена: 05.06.2015
© Федорова Л.Н.

ЦИТ: 215-234

Петрова М.В., Пипчак К.А.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов, Санкт-Петербург, Фучика 15, 192238

Petrova M.V., Pipchak K.A.

LEXICAL ASPECTS OF THE INTERNET LANGUAGE OF MODERN BRITISH YOUTH (A CASE STUDY OF WEB FORUMS)

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Fuchika 15, 192238

Аннотация. В работе анализируется использование различных лексических средств языка современной британской молодёжью при общении на интернет-форумах.

Ключевые слова: интернет-общение, интернет-форум, интернет-язык, современная лексика.

Abstract. The paper which is the case study of web forums describes the use of various lexical means of the Internet language of modern British youth.

Key words: Internet communication, Web forum, Internet language, modern lexis.

Вступление. Очевидным является тот факт, что язык современной молодежи отражает основные изменения условий жизни человека и общества. Одним из таких значительных изменений стало распространение интернет-общения среди населения всех возрастных групп и молодежи в частности. Согласно статистике, около 99,1% жителей Великобритании в возрасте 16-24 лет пользуются компьютерными коммуникативными сетями в повседневной жизни [9]. Можно с уверенностью утверждать, что интернет расширил среду коммуникативного пространства и привел к появлению новых форм языкового взаимодействия, таких как форумы, чаты, блоги, социальные сети и т.д. Данные формы общения обладают «собственным» интернет-языком, который является средством создания виртуальной реальности.

Обзор литературы. Необходимо отметить, что изучением интернет-форумов занимались многие отечественные лингвисты, в частности Л.С. Патрушева [6], Т. Ю. Виноградова [2], Н. В. Кузнецова [3], О.В. Лутовинова [5] и др.

Однако отличительной особенностью данного исследования является его узконаправленный объект – анализ *лексической составляющей* интернет-языка *британской молодежи*, проведенный на материале четырех веб-форумов: GovTeen Forums [8], Virtual Teen Forums [11], The Student Room [10] и British Comedy Guide [7]. Список форумов был составлен методом сплошной выборки по критериям, необходимым для исследования: доменной зоне сайта, тематике, контингенту пользователей. Выделение лексических единиц осуществлялось в соответствии с их структурными, семантическими, прагматическими, стилистическими, социолингвистическими и другими особенностями, подлежащими интерпретации.

Основной текст. Сочетая в себе черты как устной, так и письменной речи [4], интернет-общение является особым видом коммуникации [5], который приводит к появлению новых языковых средств, способных функционировать в условиях ускоренного темпа общения и жизни. В связи с этим представляется актуальным и интересным исследовать лексические особенности интернет-языка британской молодежи на материале интернет-форумов.

По определению Л.С. Патрушевой, интернет-форум – это самостоятельный веб-сайт или раздел сайта, являющийся асинхронным инструментом общения, не имеющим аналога в других сферах благодаря фиксированной форме речи [6, с. 128]. Типичный интернет- (или веб-) -форум – это раздел на сайте, в котором посетитель может оставить своё сообщение, и при этом оно будет доступно для чтения другим посетителям сайта. Форум отличается от чата разделением обсуждаемых тем на ветки, или треды (от англ. thread), и возможностью общения не в реальном времени. Тематика может быть разнообразной: форумы

бывают специализированные (например, музыкальные), узкоспециализированные (посвящённые, например, одной музыкальной группе), а также без специализации, если посетители сами выбирают темы для обсуждения.

В результате исследования были выявлены следующие лексические особенности интернет-языка современной британской молодежи:

1. Акронимы. Условно их можно разделить на две подгруппы: первые выражают эмоциональное состояние коммуниканта, заменяя паралингвистические средства устной коммуникации (это, например, lol – laughing out loud, или omg – oh my god); вторые служат для сокращения времени общения, создавая эффект диалогического обмена репликами (например, jk – just kidding; bf – boyfriend; tbh – to be honest и т.п.).

2..Сокращения, междометия и слова-паразиты. Сокращения преимущественно заимствованы из американского варианта английского языка (kinda – kind of; gotta – have/has got to; wanna – want to; gonna – (to be) going to; dunno – don't know; cos – because; 'nuff – enough (сленг)). Междометия, как правило, основаны на звукоподражании (yay - радость; jeez (jesus); blimey!; bloody hell!; tsk tsk [tisk tisk] (неодобрение); meh – скука (I'm feeling a bit meh, not happy, not sad); aaww – умиление, woot woot! – использовалось в значении «ура»; yummy – вкусно; yuk – звук, выражающий смех; oh well - высказывание покорности – «ну что ж поделаешь»: They say I'm lazy, but oh well). Обнаруженные слова-паразиты соответствуют тем, что используются при устном общении: well – ну…; like – вроде, типа; kind of – типа…; you know – вы знаете (обычно не переводится)).

Все эти лексические элементы являются характерными для устной коммуникации и в интернет-общении призваны максимально уподобить письменную форму коммуникации устной, как по форме, так и по содержанию.

3. Единицы разговорного стиля: диалектизмы (cum 'ere – come here; o'er there – over there; 'em – them); фразеологизмы (to rock smb's boat – сводить с ума, «сносить крышу»); as mad as a box of frogs; to grind gears – «бесить»; not to give a toss about/for smth - наплевать); вариации слов *yes*, *no*, *your* (YES: yeah, ya, yep, yay, yup; YOUR: ya; yer; NO: nope, nah, nay); фразовые глаголы (mess up – портить; let alone – не говоря уже о; kick off – уходить, пер. – вышвырнуть; fool around – валять дурака); устойчивые сочетания (to drive mad – сводить с ума; out to get – наброситься, атаковать; like crazy – как ненормальный; loads of/lots of/a load of/bunch of; not that big a deal; good stuff – «круто»); эмоционально-окрашенная лексика (really, actually – убеждение; pretty, rather, quite – довольно; hell of – ужасный; like hell – страшно; every single – каждый; damn – ужасно).

4. Вульгаризмы и эвфемизмы. Эти элементы целесообразно разделить на две группы: употребляемые исключительно британцами и так называемые «интернациональные». Британские: arse (ass); bloody; bloody hell; flipping (эвф. fucking); bugger; blimey; bollocks; numpty (идиот); luvvie (жеманный актёр); pillock (идиот). «Интернациональные»: heck (hell); freak, feck (fuck); freaking, fecking (fucking); darn (damn); damn; hell.

Несмотря на частое употребление обсценной лексики, британская

молодёжь, тем не менее, стремится не выходить за рамки дозволенного и не прибегает к данным средствам там, где это возможно.

5. Намеренное игровое отступление от орфографических норм. С одной стороны, молодые британцы имеют тенденцию пренебрегать правилами орфографии (huni, hun – honey, gurl – girl, shat up – shut up), с другой стороны, они могут изменять структуру слова и придумывать новые лексические единицы (bestie – best friend; may of been – may have been; coolio – cool).

6..Неологизмы. Данные элементы также можно разделить на две категории: «интернациональные» (to google, to reblog, to pm – to send a private message) и британские, например *chav*. На одном из форумов британцы посвятили целую ветку объяснению значения слова *chav*, потому что никто кроме жителей Туманного Альбиона его не понимал. На русский *chav* можно приблизительно перевести как «пижон», однако это не вполне точное значение. Как объясняет британская молодёжь, словом *chav* называют чаще всего молодого человека (иногда девушку), который пытается быть «крутым», курит, носит цепи и кольца, а также дешёвые подделки модных брендов (часто Burberry).

7. Лексические единицы книжного стиля: фразеологизмы (fingers crossed, to keep one's f.c. – скрестить пальцы на удачу; to know which side one's bread is buttered - знать свои преимущества; to flog a dead horse - зря тратить силы; read between the lines - читать между строк) и устойчивые сочетания (I send my dearest condolences – Посылаю свои глубочайшие соболезнования; in accordance with – в соответствии с; I thoroughly recommend – настоятельно рекомендую). Лексические единицы книжного стиля свойственны письменной форме коммуникации, поскольку имеют более формальный характер.

Данные об используемых британскими подростками лексических единицах на интернет-форумах можно представить в виде диаграммы (рис. 1).

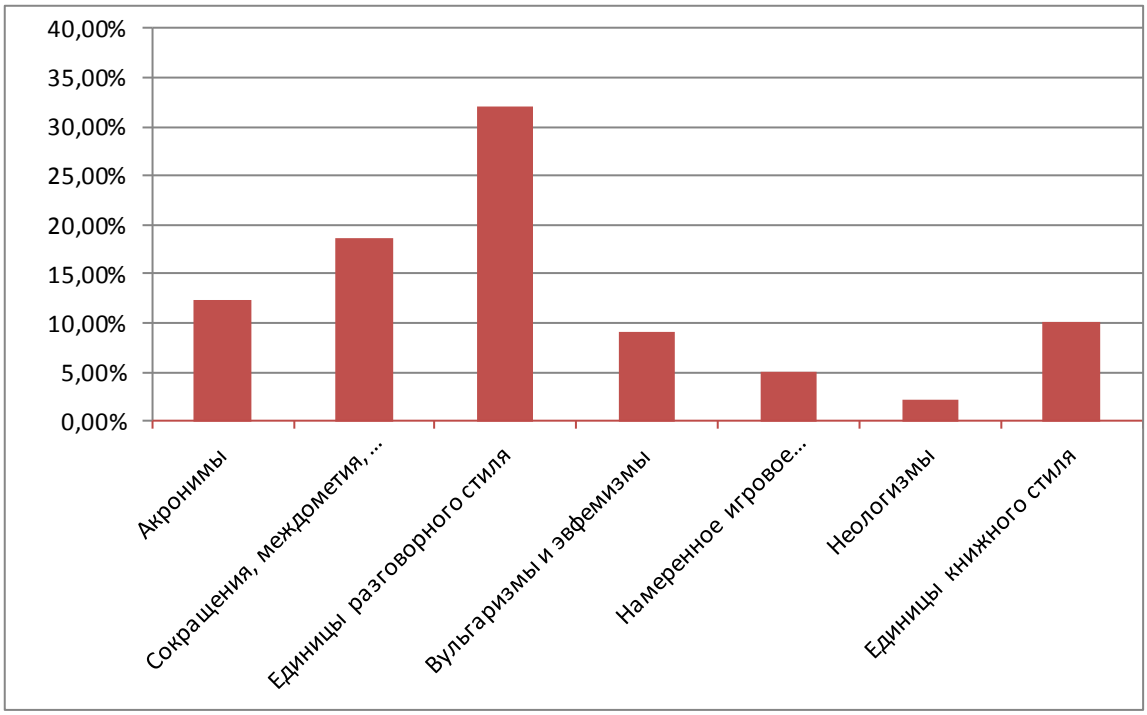

Рис. 1.

Заключение и выводы. Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что при активности разговорных лексических языковых средств в текстах интернет-форумов британской молодежи также частотны и разнообразны лексические единицы книжного стиля. Письменная форма молодежного языка в интернете является многомерной, обогащаясь акронимами, искаженной орфографией, междометиями, неологизмами и т.д. Этот факт позволяет в очередной раз выделить интернет-общение как отдельный, сложный, комбинированный вид коммуникации, стирающий границы между устной и письменной речью.

Литература:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М. : Флинта : Наука, 2002. — 384 с.

2. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.

3. Кузнецова Н. В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов : автореф. дис. д-ра филологических наук : 10.02.01. – Тюмень, 2008. – 26 с.

4. Кухаренко В. А. Практикум з стилістики англійської мови: Підручник. — Вінниця: Нова книга, 2000. — 160 с.

5. Лутовинова, О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 58-65.

6. Патрушева Л. С. Функционально-стилистические особенности форума как жанра интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского Университета. – 2013. – №5-4. – С. 128-134.

7. British Comedy Guide. – Режим доступа: http://www.comedy.co.uk/forums/

8. GovTeen Forums. – Режим доступа: http://www.forums.govteen.com/

9. Office of National Statistics. – Режим доступа: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_323333.pdf

10. The Student Room. – Режим доступа: http://www.thestudentroom.co.uk/forum.php

11. Virtual Teen Forums. – Режим доступа: http://www.virtualteen.org/forums/

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Архипов И.К.
Статья отправлена: 10.05.2015 г.
© Петрова М.В., Пипчак К.А.

ЦИТ: 215-325
УДК 811.111

Юмрукуз А.А.

КОМУНІКАТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ СМИСЛИ МОВЛЕННЄВОГО АКТУ ЗГОДИ В АНГЛОМОВНОМУ БІЗНЕС-ДИСКУРСІ

Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К.Д. Ушинського, Одеса, Старопортофранківська 26, 65091

Yumrukuz A.A.

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC SENSES OF SPEECH ACT OF CONSENT IN THE ENGLISH BUSINESS DISCOURSE

South-Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushynskyi
Odesa, Staroportofrankivs'ka 26, 65091

Анотація. Робота присвячена дослідженню специфіки мовленнєвого акту згоди в діловому дискурсі в рамках функціонально-прагматичного підходу. Аналізується наукова література щодо проблеми згоди та її лінгвістичного статусу. На основі аналізу текстів англомовних ділових бесід, переговорів, нарад і т.ін. мовленнєві акти згоди поділяються на акти згоди-ріект та згоди-ексепт з наступним виділенням певних комунікативно-прагматичних смислів згоди, визначаються лексико-граматичні засоби вираження кожного виду згоди, характеризуються мовленнєві акти згоди за ступенем категоричності.

Ключові слова: бізнес-дискурс, згода, мовленнєвий акт згоди, комунікативно-прагматичний смисл.

Abstract. The given article focuses on the problem of speech acts of consent functioning in business discourse. Under analysis is consent as a linguistic category. Based on the analysis of the texts of English business meetings, negotiations, conferences etc. speech acts are subdivided into acts of consent-reaction and those of consent-acceptance, lexical and grammatical means of expressing each kind of consent are analyzed, communicative and pragmatic senses of speech acts of consent are determined.

Key words: business discourse, consent, speech act of consent, communicative and pragmatic sense.

Вступ. Згода є складним та багатоаспектним феноменом загальнолюдських відносин. Категорія згоди реалізується в процесі комунікації у відповідному мовленнєвому акті згоди, прагматика та структура якого зумовлюється багатьма факторами лінгвістичного та екстралінгвістичного характеру – конситуацією, чинником адресата, ситуацією спілкування, тощо. Офіційна сфера спілкування, що є досить регламентованою, накладає певні обмеження на використання засобів вираження згоди та водночас визначає коло комунікативно-прагматичних смислів, додаткових конотацій згоди.

Огляд літератури. Проблемі згоди як лінгвістичної категорії присвячено чимало досліджень, яких визначається лінгвістичний статус категорії згоди, наводяться класифікації інтенціональних смислів згоди в різних видах дискурсу, досліджується інтонація реактивних реплік-реакцій згоди. Так, зокрема засоби реалізації категорії згоди розглядалися на матеріалі російської мови (І.В. Галактіонова, М.В. Баделіна, М.Т. Свиридова, Т.Г. Міхальчук, О.В. Озаровський), української мови (Н.К. Войцехівська), німецької (М.К.Любимова, Л.І.Маєвська), французької (Е.М.Андрієвська). На матеріалі англійської мови досліджувалися власне сутність мовленнєвого акту згоди з точки зору різних напрямків теорії мовленнєвих актів (M. Cowart), прагматичні види згоди (в термінології інших дослідників – інтенціональні смисли, семантичні варіанти, конотації) в діалогічному дискурсі (І.М.Рудик,

О.М.Ружникова), функціонування комунікативів згоди (О.О.Ускова), інтонація реплік згоди у їх відношенні до ініціальних реплік (P. Ogden). В працях різних дослідників категорія згоди кваліфікується як функціонально-семантична (М.Т.Свиридова, Н.І. Поройкова, О.М.Морозова), інтеракціональна (О.М.Ружникова, О.М.Морозова), комунікативна (І.В.Галактіонова, Н.І. Поройкова, Т.В. Матвєєва, Т.Г.Михальчук). На думку майже всіх дослідників принципово важливим вважається розмежування двох аспектів дослідження згоди– згоди як окремої комунікативної реакції на висловлювання співрозмовника (тобто як мовленнєвий акт) та як тональності та лінії поведінки в діалозі.

В багатьох працях підіймається питання щодо співвіднесень поняття згоди і незгоди та відношення їх до однієї категорії консентності (О.М. Ружникова, Т.Н. Колокольцева) або до діаметрально протилежних категорій (М.К.Любимова, О.В.Озаровський).

Майже всі дослідники єдині щодо засобів вираження згоди, до яких відносяться синтаксично неділимі слова-речення, лексико-граматичний повтор слів комунікатора, прислівники, риторичні питання, фразеологічні конструкції (І.С. Масленніков, К.О. Оразолінова, М.В. Баделіна, М.Т. Свиридова, О.В.Озаровський, О.Ю. Гончарук, Ван Цин; Т.В. Шуміло).

Крім загальних засобів вираження згоди лінгвісти наводять також список модифікаторів змісту згоди, тобто засобів, що виражають різні модальні значення, оціночні та психоемоційні відношення комунікантів, такі як: алетичні засоби – маркери можливості/неможливості, лексичні показники узагальненості, що відображають ознаку невизначеності; маркери кількісної характеристики згоди/незгоди, що мають прагматичну оцінку достатності/недостатності; маркери інтенсивності згоди (алокутивні засоби), які виражають вищий ступінь ознаки (А.Д. Зербіно, Т.М.Свиридова).

Дослідженню комунікативно-прагматичних смислів згоди в дискурсі ділових нарад та переговорів (на матеріалі російської та німецької мов) присвячена дисертаційна праця М.К. Любимової. Зокрема, виділяються такі види повної згоди, як згода-підтвердження, згода-договір, згода-схвалення, продумана згода, зацікавлена згода, взаємна згода, згода-підхват, згода-обіцянка; неповна згода виражається інтенціональними смислами – невпевнена згода, пасивна згода, згода-поступка, згода-примирення, згода-допущення, ввічлива згода, згода плюс умова, часткова згода, згода-виклик, згода-плюс відхід від теми [3].

Отже, незважаючи на наявність розробок щодо проблеми згоди як лінгвістичної категорії в цілому, результати аналізу наукової літератури свідчать про відсутність фундаментальних праць з проблеми функціонування мовленнєвих актів згоди в англомовному бізнес-дискурсі, що зумовлює актуальність досліджень в цій сфері.

Вхідні дані та методи. Матеріалом дослідження слугували транскрипти аудіозаписів ділових зустрічей, конференцій, нарад, переговорів американський компаній, частина яких була відібрана з SBCSAE (Santa Barbara Corpus of Spoken American English), а частина була записана під час публічної

телетрансляції. Загальна тривалість аудіозаписів становила 25 годин 23 хвилини. Транскрибація матеріалу здійснювалася з використанням програми розпізнавання мовлення SpeechPad. Після цього із отриманих аудіоскриптів методом структурної вибірки були відібрані 1000 мовленнєвих актів згоди, що склали 5 підвибірок з 200 мовленнєвими актами в кожній. При цьому, спочатку були відібрані прості інтеракції та трансакції, які на рівні одиниць мовлення відповідають діалогічним єдностям та мікродіалогам, що містили в собі мовленнєві акти згоди. На другому етапі з виділених одиниць були вибрані окремі мовленнєві акти згоди, які і склали експериментальний корпус дослідження. Мовленнєві акти згоди були представлені власне простими мовленнєвими актами згоди, які на формальному рівні відповідали реченню, або актами-функціями в межах складних актів. Вибрані мовленнєві акти згоди класифікувалися на мовленнєві акти згоди-ріект, що відображають згоду щодо здійснення адресантом, адресатом або ними обома дії, про яку йдеться в попередній частині дискурсу; та мовленнєві акти згоди-ексепт, тобто згоди із думкою/судженням, вираженим до цього.

Наступним кроком було обчислення вибіркової середньої для кожного виду мовленнєвого акту згоди, яка є оцінкою генеральної середньої за формулою (1)

$$\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{1}^{n} x_i \qquad (1)$$

де $\bar{x}$- вибіркова середня;

x_i – частота в *i*-тій вибірці

i – номер підвибірки

n – кількість підвибірок.

Після отримання значення вибіркової середньої розв'язувалися наступні завдання:

- аналізувалися лексико-граматичні засоби реалізації певного виду згоди та структури такого мовленнєвого акту;
- визначалися комунікативно-прагматичні смисли згоди в межах мовленнєвого акту певного виду згоди;
- здійснювався кількісний аналіз мовленнєвих актів згоди з відповідним комунікативно-прагматичним смислом; обчислювання відбувалося в процентах, де за 100% вважалася загальна кількість мовленнєвих актів у вибірці;
- аналізувалися лексико-граматичні засоби вираження пом'якшення, тобто зниження категоричності згоди та посилення категоричності згоди.

Результати. Обговорення та аналіз. Як було зазначено вище, в результаті аналізу експериментального корпусу, всі мовленнєві акти згоди були поділені на мовленнєві акти згоди-ріект та згоди-ексепт. Мовленнєві акти згоди-ріект відносяться до топікальних, тобто тих, що несуть головну прагма-семантичну інформацію в дискурсі, тоді як згода-ексепт представляє собою оформлюючий

мовленнєвий акт, який не функціонує як топікоутворюючий та забезпечує реалізацію топікальних актів [2]. Кількість мовленнєвих актів згоди-ексепт по кожній з вибірок становила: x_1= 150, x_2 =180, x_3 =132, x_4 =176, x_5 =122; Кількість мовленнєвих актів згоди-ріект - x_1= 42, x_2 =43, x_3 =51, x_4 =54, x_5 =50. Використовуючи ці вихідні дані за вказаною формулою обчислювалася вибіркова середня для кожного виду згоди; для згоди-ексепт (2):

$$\bar{x}_1 = \frac{1}{5}\sum_{1}^{5} 150 + 180 + 132 + 176 + 122 = 152 \quad (2)$$

Для згоди-ріект (3):

$$\bar{x}_2 = \frac{1}{5}\sum_{1}^{5} 42 + 43 + 51 + 54 + 50 = 78{,}4 \quad (3)$$

Таким чином, вибіркова середня для мовленнєвих актів згоди-ексепт становила $\bar{x}_1$ =152, а для мовленнєвих актів згоди-ріект $\bar{x}_2$ =78,4, що свідчить про значне переважання мовленнєвих актів згоди-ексепт над мовленнєвими актами згоди-ріект. Це пояснюється тим, що згода-ріект як згода до дії передбачає певні практичні кроки, які для сфери бізнесу є досить вагомими, тому до таких рішень приходять після деякого часу дискусій та міркувань, тоді як згода-ексепт лише сприяє розвитку топіка та не несе за собою яких-небудь вагомих практичних наслідків.

Мовленнєві акти згоди-ексепт та згоди-ріект в досліджуваному матеріалі були представлені простими та складними мовленнєвими актами, що виражені відповідно монопропозиціональними та поліпропозиціональними реченнями. На формальному рівні репліки-реакції, в яких реалізуються мовленнєві акти згоди представлені однослівними словами-реченнями, простими двоскладними неускладненими реченнями. Так, в мовленнєвих актах згоди-ексепт переважають однослівні слова-речення та прості двоскладні непоширені речення. Згода-ріект виражається переважно монопропозиціональними - простими двоскладними поширеними та поліпропозиціональними – складносурядними реченнями. Найчастіше це висловлення з комунікативом *Yes, sure*+експліцитне/імпліцитне вираження згоди. При цьому слід зауважити, що хоча такі конструкції вживаються як під час вираження згоди-ексепт, так і згоди-ріект, характер висловлення після комунікативів суттєво відрізняється. В цьому аспекті вважаємо доречним звернути увагу на зв'язок репліки-згоди з ініціальною реплікою. В мовленнєвому акті згоди-ексепт міжпропозитивний зв'язок між реплікою стимулом та реплікою-реакцією встановлюється, в семантичній термінології, переважно відношеннями тотожності, при яких наступний мовленнєвий акт доповнюється новими лексико-синтаксичними елементами, або навпаки, ці елементи втрачаються в наступному мовленнєвому акті, або відношеннями екстенсіональної міжпропозитивної еквівалентності, при якій в наступному мовленнєвому акті відбувається заміна певних слів або навіть цілої пропозиції. В мовленнєвому акті згоди-ріект міжпропозитивний зв'язок переважно імпліцитний, тобто хоча наступний мовленнєвий акт і виконує загальну інтегративну комунікативну функцію

згоди, він частіше є представленням нової інформації.

Лексико-граматичними засобами вираження згоди в діловому дискурсі є найчастіше комунікативи згоди, частина з яких однакова для обох видів згоди, тоді як інші властиві лише певному її виду (табл.1).

Таблиця 1.

Комунікативи згоди в бізнес-дискурсі

Комунікативи згоди-ексепт	Yes, you're right, that's a good idea, good point, true, that's true, right…
Комунікативи згоди-ріект	Ok, that might be possible, that sounds good, that sounds like a plan…

В межах мовленнєвого акту певного виду згоди в матеріалі дослідження були виділені наступні комунікативно-прагматичні види згоди. Згода-ексепт має такі комунікативно-прагматичні смисли як власне згода з судженням та згода-підтвердження. Власне згода з судженням представляє собою згоду щодо суб'єктивної інформації, викладеної в попередній частині дискурсу, тоді як згода-підтвердження є згодою щодо об'єктивних даних, що наводяться співрозмовником. Хоча деякі дослідники вважають недоречним відносити підтвердження до категорії згоди саме за наявності об'єктивної інформації в попередній репліці, тобто такої інформації, згода з якою є лише формальною [1], адже вона представляє об'єктивні факти дійсності, ми все ж вважаємо доцільним виділяти підтвердження як певний комунікативно-прагматичний смисл згоди. Мотивацією до цього є той факт, що мовець все погоджується, але це погодження стосується не об'єктивних фактів дійсності, але погодження щодо правильного наведення цієї інформації мовцем, тобто погодження все ж таки з суб'єктом. Різниця між власне згодою щодо судження та згодою-підтвердженням помітна також на рівні зв'язку з попередньою реплікою. Так, власне згоді щодо судження передує, як правило, стверджувальна репліка або стверджувальна репліка з формальним запитанням *right?* Ініціальна репліка ж, що передує згоді-підтвердженню, являє собою ствердження певних фактів (стверджувальне речення) або запит щодо правдивості інформації (питальне речення, речення з запитанням *right?,* що є саме запитом підтвердження).

Згода-ріект в діловому дискурсі представлена такими комунікативно-прагматичними смислами як згода-обіцянка, згода-дозвіл, згода-ратифікація та згода-поступка. В межах згоди-ріект особливою вживаністю відмічається згода-ратифікація, що використовується найчастіше в процедурі прийняття рішень комітетами організацій. Нижче в таблиці наведені фактичні дані та відношення у відсотках по кожному з комунікативно-прагматичних смислів мовленнєвого акту згоди (табл.2).

Наступним завданням було виявлення лексико-граматичних засобів пом'якшення категоричності згоди, що призводило до ефекту невпевненої згоди. Головним таким засобом було використання граматичних форм умовного способу, на кшталт *That could be right, it might be possible*.

Таблиця 2.

Кількісні показники мовленнєвих актів згоди з певними комунікативно-прагматичними смислами

	Згода-ексепт		Згода-ріект			
	Власне згода з судженням	Згода-підтверд-ження	Згода-обіцянка	Згода-дозвіл	Згода-ратифі-кація	Згода-пос-тупка
Фактичні дані	340	420	52	43	90	28
Дані у відсотках	34%	42%	5,2%	4,3%	9%	2,8%

Лексичними засобами пом'якшення категоричності згоди було застосування деінтенсифікаторів (наприклад, *possibly, maybe*) та інтенсифікаторів для вираження категоричності (як то: *certainly, definitely, exactly*). Також ми прогнозуємо, що пом'якшення категоричності згоди може відбуватися за допомогою просодичних засобів, що потребує подальшого дослідження.

Висновки. В роботі було проаналізовано мовленнєві акти згоди в діловому дискурсі, на основі характеру згоди щодо спрямування на дії або погодження з поглядами/фактами співрозмовника/ків були виділені мовленнєві акти двох видів згоди – згоди-ріект та згоди-ексепт. За результатами кількісного аналізу можна робити висновок про значне переважання мовленнєвих актів згоди-ексепт над актами згоди-ріект, що пояснюється як загальною тенденцією до використання такого виду згоди, так і специфікою досліджуваного дискурсу. Було проаналізовано синтаксичну будову висловлювань, в яких реалізувалися мовленнєві акти згоди, охарактеризовано лексико-граматичні засоби вираження кожного виду згоди. В межах мовленнєвих актів згоди-ріект та згоди-ексепт були були виділені певні комунікативно-прагматичні смисли, такі як власне згода щодо судження співрозмовника, згода-підтвердження, згода-обіцянка, згода-дозвіл, згода-ратифікація та згода-поступка. Крім того, були виявлені певні лексико-граматичні засоби пом'якшення категоричності згоди. Подальшого розгляду потребує питання специфіки мовленнєвих актів згоди за такими ознаками як зацікавленість/незацікавленість, повнота/неповнота, які можуть реалізуватися як лексико-граматичними, так і інтонаційними засобами. Перспективним вважається дослідження характеру ініціальної репліки, що передує мовленнєвому акту конкретного виду згоди та мовленнєвого акту з конкретним комунікативно-прагматичним смислом. Також в межах ділового дискурсу уваги потребує реалізація мовленнєвих актів згоди в жанрах даного дискурсу з різним ступенем офіційності, адже бізнес-дискурс є досить неоднорідним в стилістично-прагматичному смислі.

Література:

1. Войцехівська Н.К. Категорія згоди в українському діалогічному

дискурсі //Дисс….канд.філол.н .- К. 2009. – 288с.

2. Зернецкий П.В. Речевое общение на английском языке (коммуникативно-функциональный анализ дискурса). – К.: Лыбидь. 1992. – 144с.

3. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров //Дисс…канд.филол.н. –Тамбов. 2004. – 193с.

Науковий керівник: к.філол.н., професор Єременко Т.Є.
Стаття відправлена: 14.06.2015 г.
© Юмрукуз А.А.

Авторы

Векуа Оксана Віталіївна - кандидат филологических наук, доцент, Національний університет харчових технологій, Украина

Жаркова Татьяна Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, РФ, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, Россия

Заушицина Людмила Михайловна - ст. преп, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. СПб, ул. Правды, дом 13., Россия

Итченко Олеся Петровна - соискатель, Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г.Шевченка, м.Чернігів, вул. Гетьмана Полуботка, 53, 14013, Украина

Костюк Александр Васильевич - кандидат философских наук, доцент, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, Украина

Котов Жан Викторович - кандидат философских наук, доцент, Приднепровская академия строительства и архитектуры, Украина

Мехасюк Светлана Эдуардовна - аспирант, Харківський державний педагогічний університет ім. Григорія Сковороди, Украина

Михальченков Н.В. - соискатель, Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации, Россия

Петрова Марина Валерьевна - ст. преп, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15, Россия

Пипчак Ксения Александровна - студент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15, Россия

Светлов Виктор Александрович - доктор философских наук, профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения, Россия

Слабоуз Виктория Васильевна - кандидат филологических наук, ст. преп, Донбасский государственный педагогический университет, Украина

Талеева Анна Ильинична - аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет, кафедра философии Россия

Терентьева Людмила Николаевна - доктор философских наук, профессор, Одеський національний університет імені І.І.Мечникова, Украина

Ткаченко Евгений Николаевич - соискатель, ст. преп, Донбасский государственный педагогический университет, Украина

Фёдорова Людмила Николаевна - Украина

Филина Елена Владимировна - ст. преп, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. СПб, ул. Двинская, дом 5/7., Россия

Чуланова Галина Валериевна - кандидат филологических наук, доцент, Сумський державний університет, Украина

Шевченко Светлана Владимировна - студент, Сумський державний університет, Украина

Юмрукуз Анастасия Анатольевна - аспирант, Південноукраїнський державний педагогічний університет ім. К.Д.Ушинського, Украина

СОДЕРЖАНИЕ / Contents

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОЛОГИЯ / *PHILOSOPHY AND PHILOLOGY*

Онтология и діалектика /
Ontology and dialectic

ЦИТ: 215-292 Талеева А.И. ТЕОРИЯ КЛАССИФИКАЦИИ В ПРОБЛЕМЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ
Taleeva A.I. CLASSIFICATION THEORY WITHIN THE BIOLOGICAL SYSTEMATICS PROBLEM…….....4

Социальная философия /
Social Philosophy

ЦИТ: 215-148 Михальченков Н.В. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ВЕКСИОЛЛЛОЛОГИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ
Mikhalchenkov N. V. THE FUNCTIONAL PURPOSE VEXILLOLOGICAL CHARACTERS……..8

ЦИТ: 215-277 Котов Ж. В. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПОДЛИННАЯ ФИЛОСОФИЯ?
Kotov J. V. WHAT IS THE GENUINE PHILOSOPHY?.....11

Логика, этика и эстетика /
Logic, ethics and aesthetics

ЦИТ: 215-044 Терентьева Л.Н., Шелестова Е. Н. «ЦВЕТОМУЗЫКА»: СИНТЕЗ ИЛИ СООТНЕСЕННОСТЬ?
Terentyeva L.N., Shelestova E.N. "COLOR MUSIC": SYNTHESIS OR CORRELATION?.....17

ЦИТ: 215-073 Светлов В.А. О БОЛЕЕ ТОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧАСТНЫХ СУЖДЕНИЙ
Svetlov V.A. ABOUT MORE EXACT INTERPRETATION OF PARTICULAR JUDGMENTS…….…….22

ЦИТ: 215-074 Светлов В.А. О РЕШЕНИИ СОРИТОВ С ПОСЫЛКАМИ ИЗ ТРЕХ РАЗЛИЧНЫХ ТЕРМИНОВ
Svetlov V.A.ABOUT THE SOLUTION OF SORITES WITH PREMISES FROM THREE VARIOUS TERMS……...26

Философия образования /
Philosophy of Education

ЦИТ: 215-309 Костюк О.В. ОСОБЛИВОСТІ ВИКЛАДАННЯ ФІЛОСОФСЬКИХ ДИСЦИПЛІН
Kostyuk O.V. FEATURES TEACHING PHILOSOPHICAL SUBJECTS…….29

Литературоведение /
Literary criticism

ЦИТ: 215-231 Заушицина Л.М., Филина Е.В. О ЯЗЫКОВЫХ И КОМПОЗИЦИОННЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. ФЕТА «ШЕПОТ, РОБКОЕ ДЫХАНЬЕ...»
Zaushitsina L.M., Filina E.V. ABOUT THE LANGUAGE AND COMPOSITIONAL MEANS OF EXPRESSION OF THE AUTHOR'S INTENTION IN THE POEM OF A. FET "WHISPER, TIMID BREATH..."……...…33

Фольклористика /
Folklore

ЦИТ: 215-031 Векуа О. В. ХУДОЖНЯ СУБЛІМАЦІЯ УКРАЇНСЬКОГО СВІТОМИСЛЕННЯ У ПОЕЗІЇ ЛІНИ КОСТЕНКО “ЛЮБЛЮ ЧЕРНІГІВСЬКУ ДОРОГУ”
Vekua O. ARTISTIC SUBLIMATION WORLD VIEW UKRAINIAN POETRY OF LINA KOSTENKO "I LOVE CHERNIHIV ROAD"……...37

Языковедение и иностранные языки в современном мире /
Linguistics and foreign languages in the world today

ЦИТ: 215-045 Мехасюк С.Э. ДВОЙНОЙ СУБЪЕКТИВИЗМ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»
Mekhasyuk S.E. DUAL SUBJECTIVISM OF THE AUTHOR-NARRATOR IN THE NOVEL BY L. ANDREYEV “SATAN’S DIARY”……..42

ЦИТ: 215-087 Ітченко О.П. ЛЕКСИЧНІ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КОНЦЕПТУ FEAR В АМЕРИКАНСЬКИХ РОМАНАХ ЖАНРУ ТРИЛЕР (НА МАТЕРІАЛІ ТВОРІВ СТІВЕНА КІНГА)
Itchenko O.P. LEXICAL REPRESENTATION OF CONCEPT FEAR IN AMERICAN THRILLER NOVELS BY STEPHEN KING……48

ЦИТ: 215-117 Слабоуз В. В. К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ МЕТАЯЗЫКА ДЛЯ ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН
Slabouz V. V. ON THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF METALANGUAGE FOR DESCRIBING THE CULTUROLOGICAL COMPONENT OF SEMANTICS OF PROPER NAMES……..54

ЦИТ: 215-137 Ткаченко Є. М. ТОПОНІМІЧНА МЕТОНІМІЯ: ВИД ЗВ’ЯЗКУ «ТОПОНІМ – ОЙКОНІМ» (на матеріалі назв власницьких садиб деяких повітів Воронезької губернії)
Tkachenko Ye. M. TOPONOMIC METONYMY: THE TYPE OF CONNECTION «TOPONYM – OIKONYM» (based on the names of proprietary estates of some Voronezh counties)……57

ЦИТ: 215-179 Чуланова Г.В., Шевченко С.В. ГЕНДЕРНО МАРКОВАНІ ОДИНИЦІ У РЕКЛАМНИХ ТЕКСТАХ
Chulanova G.V., Shevchenko S.V.
GENDER MARKED WORDS IN ADVERTISING TEXTS……..63

ЦИТ: 215-188 Жаркова Т.В. РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ И ЕГО РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СМИ)
Zharkova T.V. THE SPEECH MANIPULATION AND ITS RHETORICAL TECHNIQUES OF THE IMPACT(BY THE EXAMPLE OF MASS MEDIA)……..69

ЦИТ: 215-200 Федорова Л.Н. МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ УКРАИНСКОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Fedorova L.N. METAPHORS IN TEXTS UKRAINE NEWSPAPER-MAGAZINE PERIODICALS: PRAGMATIC ASPECT……...…….76

ЦИТ: 215-234 Петрова М.В., Пипчак К.А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)
Petrova M.V., Pipchak K.A. LEXICAL ASPECTS OF THE INTERNET LANGUAGE OF MODERN BRITISH YOUTH (A CASE STUDY OF WEB FORUMS)……..80

ЦИТ: 215-325 Юмрукуз А.А. КОМУНІКАТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ СМИСЛИ МОВЛЕННЄВОГО АКТУ ЗГОДИ В АНГЛОМОВНОМУ БІЗНЕС-ДИСКУРСІ
Yumrukuz A.A. COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC SENSES OF SPEECH ACT OF CONSENT IN THE ENGLISH BUSINESS DISCOURSE……84

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ SWORLD
Выпуск 2 (39)
Том 13
Философия и филология

На русском, украинском и английском языках

Свидетельство СМИ
ПИ № ФС 77 – 62059
ЭЛ № ФС 77 – 62060

Научные достижения Авторов были также представлены на международной научной конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании'2015» (16-28 июня 2015 г.)
на сайте www.sworld.education
Работы, которые получили положительные отзывы, (после рецензирования) вошли в состав Журнала.

Разработка оригинал-макета – ООО «Научный мир»

Формат 60x84 1/16.
Тираж 500. Заказ №К15-2.

ООО «НАУЧНЫЙ МИР»
153012, г.Иваново, ул.Садовая 3, 317
e-mail: orgcom@sworld.education
www.sworld.education
Идентификатор субъекта издательского дела №9906509
Издатель не несет ответственности за достоверность информации и научные результаты, представленные в статьях